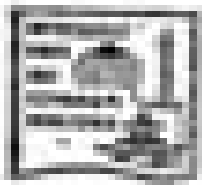

Моника Варненска

БАМБУК ШУМИТ НОЧЬЮ

Annotation

Очередная книга М. Варненской, известной польской писательницы и общественной деятельницы, — результат нескольких поездок по Лаосу в 1969 и 1970 годах. Как очевидец событий, автор правдиво и объективно рассказывает нам о беспредельном мужестве бойцов Патет Лао и всего трудового народа Лаоса в их борьбе против неспровоцированной агрессии Соединенных Штатов и служащей им лаосской реакции.

- [Моника Варненска](#)
 - [От переводчика](#)
 - [Бамбук шумит ночью](#)
 - [Зеленая противомоскитная сетка](#)
 - [«Сабайди, сахай!»](#)
 - [Неведомый фронт](#)
 - [В гостях у коллег](#)
 - [«Говорит „Голос Патет Лао“...»](#)
 - [«Кхоум лап» означает «военная тайна»](#)
 - [Гроты, пахнувшие лекарствами](#)
 - [«Сабайди Пи май!»](#)
 - [Вторая жатва](#)
 - [Песня спешит на фронт](#)
 - [Визит к «красному принцу»](#)
 - [Бамбук шумит ночью](#)
 - [Лаосская тетрадь](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
 - [11](#)
 - [Бамбук шумит снова](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [Эпилог](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Моника Варненска
Бамбук шумит ночью

От переводчика

До недавнего времени военные действия американских интервентов в Лаосе были как бы на заднем плане — внимание мировой общественности сосредоточилось главным образом на «грязной войне» США во Вьетнаме. Лаос оставался «неведомым фронтом».

А между тем проникновение США в эту небольшую страну осуществлялось упорно и последовательно под ширмой оказания «помощи». ЦРУ использовало в своих интересах внутренние противоречия и племенную рознь среди многочисленных этнических групп и племен. Одновременно шли лихорадочные поиски наиболее подходящей креатуры, которая в случае выдвижения ее на роль диктатора проводила бы в Лаосе политику, угодную империалистам США. Поначалу, еще в 1954 году, такой креатурой Вашингтона стал никому ранее не известный Катай, отстранивший от власти принца Суванна Фуму. Но в 1956 году, не сумев выполнить американских требований — разгромить патриотические силы, — Катай сходит со сцены. Во главе вьентьянского правительства вновь становится Суванна Фума. Но он опять не устраивает посла США: на смену ему в 1959 году приходит еще один ставленник, подобранный ЦРУ, — некий Сапаникон. Затем сменяется несколько «правительств» — Абая, Сомсанита и других. В 1960 году часть офицеров, руководимых капитаном Конг Ле, свергает Сомсанита и у власти (в который уже раз!) становится Суванна Фума. Его вскоре оттесняет генерал Фуми Носаван, но соперничество других генералов вынуждает его бежать в Таиланд.

Во время этой правительственной чехарды продолжается кровопролитная гражданская война, разжигаемая агентурой ЦРУ и поощряемая Вашингтоном. Горят села, гибнут тысячи мирных жителей... Скупые сообщения, проникающие в мировую печать, не в силах отразить страшную трагедию лаосского народа. Более того, остается неразоблаченной, по крайней мере в глазах широкой мировой общественности, подлая и гнусная роль Соединенных Штатов.

Книга М. Варненской, известной польской писательницы и общественной деятельницы, которая много раз ездила в Индокитай (она подолгу бывала на Севере и Юге Вьетнама, в Камбодже и Лаосе), последовательно освещает лаосские события. Следует отметить, что М. Варненска видела Лаос как бы с двух сторон — она посетила «королевский» Лаос и трижды совершала поездки по освобожденным зонам, находящимся под контролем Патриотического фронта.

«Бамбук шумит ночью» — это страстная, гневная публицистика, до конца разоблачающая лживость, цинизм и клевету американской пропаганды. В то же время автор выражает любовь и восхищение героизмом, стойкостью и мужеством народов Лаоса, борющихся с американскими агрессорами. М. Варненска — очевидец лаосских событий, и уже этим предопределено значение ее книги.

Советский читатель хорошо знаком с творчеством М. Варненской. За последние годы у нас вышло несколько ее книг. «Бамбук шумит ночью» — это не просто перевод одноименной книги, опубликованной в Польше. Из всех материалов, присланных мне писательницей в 1970–1971 годах непосредственно с мест событий, мною отобраны наиболее актуальные и интересные. Надеюсь, что читатели благожелательно встретят эту новинку публицистической литературы.

Я. Немчинский

Бамбук шумит ночью

Ешь — если голоден.

Танцуй — если хочешь.

Сражайся — если тебя вынуждают.

Лаосская народная поговорка

Зеленая противомоскитная сетка

Моя очередная индокитайская поездка началась в одну не очень прекрасную предвесеннюю ночь.

Сырая, дождливая темень. Постойте — которая же это по счету бессонная ночь, проведенная на дорогах войны?.. Меня окружает непроницаемая, густая тьма. Машину бросает на крутых поворотах. Черное, безлунное небо дрожит от знакомого и противного грохота моторов: американские самолеты опять над нами. Следят за движением на лесных дорогах.

Газик скрипнул тормозами. Доносится тихий шепот, речь незнакомая, совсем непохожая на певучий вьетнамский язык, к которому я привыкла за эти восемь с лишним лет. Двое из троих сопровождающих внезапно исчезли бесследно, словно растаяли в ночи. С гор плывет резкий запах тропической зелени, основательно нагретой за долгий жаркий день, но быстро остывающей вечером. Снова раздается пронзительный крик ночной птицы: два коротких двойных посвиста и один длинный... Зов этой птицы надолго останется в моей памяти и будет напоминать мне о пограничье.

Самолеты прогудели в высоте и смолкли. Становится так тихо, словно вокруг нас нет никакой войны.

Шелест шагов на тропинке. Тусклая искорка света режет мрак. Появляется неясная тень худощавого человека — это вернулся Кхам Фой. Вполголоса, на ломаном французском языке он передает нам приказ:

— Идемте! Возьмите с собой только самые необходимые вещи. Зажигать фонарь нельзя. Следите за тропинкой — она неровная.

Несколько минут копаемся в газике, который напоминает лавчонку. Чего тут только нет! Длинные скамейки вдоль бортов завалены багажом — мешками, сумками, чемоданами, фотоаппаратами. Рядом лежат термосы и электрические фонари, магнитофон и кинокамера, узелки с запасом пищи и бутылки с минеральной водой (на более поздних этапах нашей поездки нас будут сопровождать живые гуси и куры, громко протестующие против насильственного вселения в газик).

Берем с собой только полевые сумки, забрасываем за спину неразлучные вещмешки. Идем, а вернее плетемся, по размокшей тропинке. Видимо, совсем недавно прошел дождь, так как идти в потемках очень трудно — скользят и разъезжаются обутые в сандалии ноги.

— Холера ясна! — ворчит себе под нос Богдан^[1], сгибаясь под тяжестью кинокамеры и запасных лент.

Трудно, очень трудно сохранять равновесие, когда то и дело спотыкаешься о камни и корни деревьев. Из темноты слышен чей-то голос. Мы вдруг оказываемся перед крестьянской хижинкой на сваях. Сбрасываем сандалии и карабкаемся по приставной лестнице. Вспыхивает притемненный свет фонарика. Колеблется желтоватый огонек каганца, старательно прикрытый чьей-то заботливой рукой. Сонный говор внезапно разбуженных детей. Протяжный вздох, похожий на стон. Двигаемся ощупью, говорим шепотом. Тьен, Дуан и Нгеун — наш эскорт — хлопчут в углу: раскладывают одеяла на бамбуковом полу, который гнется и трещит при каждом нашем шаге.

— Лучше бы не развешивать противомоскитных сеток, — говорит Кхам Фой.

Он разговаривает с кем-то из разбуженных членов семьи и заглядывает за занавеску, отгораживающую угол хижины.

— Хозяин болен, — объясняет мне Кхам Фой.

— Что с ним? — готовясь открыть походную аптечку, спрашиваю я.

— Не знаю точно. Какая-то затяжная болезнь. Днем расспросим подробно... Ложитесь, надо отдохнуть.

Он прав: уже половина третьего ночи. Кладу под голову вещевого мешок, укрываюсь одеялом — в эту пору в горных районах Вьетнама ночи довольно холодные. Богдан заснул сразу, едва положив голову на бамбуковое изголовье. Меня беспокоит неясное ощущение, мне кажется, что я забыла о чем-то ему напомнить. Осторожно маневрирую фонариком. Тонкий лучик света скользит по занавеске, за которой лежит больной. Ага! Противомоскитная сетка — зеленая. А поверху идет черная полоска.

— Богдан! Не спишь? — шепотом спрашиваю я.

— Ммм — хм... — мычит вырванный из дремы Богдан. — Что случилось?

— Посмотри: москитерия совсем зеленая, а внизу узор...

— Ну так что, если зеленая? — сонно зевая, говорит мой товарищ. — И ты будишь меня ради пустяка? После такой сумасшедшей дороги?!

— Подожди! Ты помнишь, что нам говорили? Белая москитерия привлекает злых духов! Теперь мне ясно, почему Кхам не разрешил повесить наши москитки!

— Помню! — сердито отвечает Богдан. — Может быть, комары не съедят нас? Спи!

...Вьетнамские журналисты, недавно вернувшиеся в Ханой из поездки по Лаосу, заблаговременно предупредили нас: лучше не развешивать белых москитерий во время ночлега в хижинах *тхией со* — лаотянской этнической группы. Оказывается, горные жители еще верят, что белый цвет привлекает злых духов. Старые люди из народности *мео* рассказывали на одном из предыдущих этапов нашей поездки, что джунгли заселены добрыми и злыми духами, то благожелательными к человеку, то капризными и враждебными. Их надо умело расположить к себе и задобрить. Черный узор на темнозеленой ткани несомненно имеет какое-то магическое значение. Видимо, отгоняет злых духов.

Что-то шелестит под бамбуковым полом. Трещат гладкие, скользкие жерди. Мелькнула тревожная мысль: может быть, сюда проникла змея?.. В джунглях Южного Вьетнама я не раз видела змей, ползущих по лесным тропам. Однако при появлении человека они быстро скрывались в зарослях. Правда, были и другие, которые мгновенно поднимали голову и готовились ядом встретить нарушителя их спокойствия. Однажды я даже убила палкой кобру, гревшуюся на солнце у стены моего шалаша. Не раз вьетнамские лесники рассказывали мне о встречах с опасной и сильной змеей — боа-душителем, которого можно одолеть лишь с помощью дубинки. Передавали мне вьетнамские пословицы, очень похожие на наши: у каждого есть свой заяц, от которого надо бежать, и своя лягушка, которая боится тебя.

В памяти еще хранятся слова, повторяемые монотонным, ритмичным припевом:

Слон боится маленького муравья,
Тигр боится гибкой тростинки,
Быстрая мышь боится змеи,
Стоножка боится куры,
Боа боится маниоки,
А мужчина — женщины...

В глиняном светильнике погас огонь. Утих шепот обитателей хижины. Слышен лишь пронзительный крик ночных птиц. Несмотря на усталость, заснуть все-таки не могу. Из недавнего прошлого встают какие-то образы, воспоминания. Припоминаю дни, которые предшествовали этой поездке, наши переживания, впечатления первых дней и ночей. Их уже много, очень много, хотя путешествие только еще начинается. Мы находимся на пороге Лаоса.

Третья ночевка. Два этапа — в пограничной зоне — остались позади. Мы кружим по окольным дорогам, чтобы миновать узловые пункты, особенно яростно атакуемые американскими самолетами. Нет, я не жалею о том, что приходится делать лишние десятки километров: мы побывали в таких районах, куда со времени ухода колонизаторов еще не ступала нога европейца.

Первый привал: «лесное море», джунгли. Горы, плотно затянутые тучами, из которых на нас обильно сыплется нудный дождик. Мы едва-едва успели добраться до назначенного места постоя — дороги оказались размытыми после недавнего страшного ливня.

— Раньше к нам вела единственная дорога. Теперь их у нас несколько! — сказал Хоанг Нгок Диен, руководитель базы, которую у нас в Польше назвали бы «головным лесничеством».

Несмотря на войну, трудности и постоянную опасность, тут все же были построены дороги, годные для передвижения различных транспортных средств. Даже под бомбежкой и обстрелом, на которые но скупилась американцы, в этом глухом углу, на границе Лаоса, кипела работа. Что пришлось испытать людям — ясно по бесчисленным воронкам, ямам, поваленным деревьям. Но теперь легче стало добираться до разбросанных в джунглях лесных баз, чтобы доставить туда продовольствие, медикаменты, предметы первой необходимости.

На площадке, отвоеванной у леса, — шалаши. Жилые и служебные — все сбиты из бамбука. Огромные штабеля бамбуковых жердей приготовлены к отправке в долины: их либо повезут на грузовиках, либо сплавят по рекам и потокам.

Мы сидим в одном из таких шалашей под растянутым у самого потолка трофейным американским парашютом: его совсем недавно взяли у летчика, выбросившегося из сбитого самолета. Правда, заокеанского пирата нашли не сразу — над ним сомкнулось лесное море, в котором утонули, словно камень в реке, казалось бы бесследно, и уцелевший бандит, и остатки его разбитой машины. Сперва искали солдаты — тщетно. Спустя два дня в поиски включилось местное население, ведь охотники и лесорубы знают тут каждую тропку. Не прошло и суток, как американец оказался в плену. Видимо, он даже был доволен этим, ведь длительное пребывание в глуши тропического леса, по соседству с ядовитыми змеями и хищными зверями, да еще после израсходования НЗ, грозило ему смертью. Тут растерялись бы даже те, кто в США проходит специальные курсы по овладению опытом «антипартизанской» борьбы и долгого пребывания в джунглях.

На той лесной базе, где мы остановились на первую ночевку, работают представители многих этнических меньшинств: *таи*, *мео*, *ман*, *му от*. По пути сюда я обратила внимание на женщин в характерно застегнутых блузах — они принадлежали к народности ман.

Мы расспрашиваем наших собеседников и тщательно записываем ответы.

Плановая эксплуатация лесов в одном из горных районов — уезде М. — началась лишь в 1961 году. Сначала вербовка людей была очень затруднена — нехватка рабочих рук ощущалась по всей стране и в лесное безлюдье жители долин шли крайне неохотно. Однако постепенно дело выправилось, приток людей стал достаточным. Одни приходили из низинной Дельты, других набирали среди местных племен, населявших предгорья. Всех знакомили с правилами вырубki лесов, с посадкой бамбука.

Когда речь зашла о посадке бамбука, мне показалось, что я ослышалась. Ставлю в блокноте знак вопроса. Записываю названия ценных пород деревьев, идущих на экспорт. Джунгли снабжают

человека также многими видами лекарственных и съедобных растений.

— У нас организовано несколько закупочных пунктов, которые принимают «лесные продукты» непосредственно от населения, — не без гордости подчеркивает руководитель базы.

Лес дает древесный уголь, а кроме того, материал для железнодорожного строительства, мостов и паромов. Все это крайне необходимо в условиях затянувшейся войны.

— Наша база сдает государству двадцать пять — тридцать тысяч кубометров древесины в год, — говорит руководитель. — Ежегодная посадка бамбука достигает трехсот тысяч штук.

Снова эта «посадка бамбука»! Невольно изумляюсь: я хорошо знаю универсальность его применения. Вьетнамцы говорят: «Бамбук — брат мой». Так назвали свой фильм и польские документалисты. Действительно: бамбук используется во всех отраслях хозяйства Индокитая — в строительстве, на транспорте, в кустарных промыслах и даже... в питании! Молодые побеги бамбука — отличная приправа к пище, составная часть салата. Но до сих пор я была убеждена, что бамбук — дикорастущий вид индокитайской флоры.

Лесники разъясняют мою ошибку. Оказывается, существует несколько видов бамбука. Некоторые действительно являются дикорастущими и считаются примитивными, так как используются лишь для выделки циновок, корзин и т. д. А бамбук лучших сортов высаживают. Бамбук *луонг* — крепкий, прочный. Толщина его — в руку взрослого человека. Спустя несколько лет после посадки он достигает нужной высоты и толщины, становится ценным строительным материалом. Именно из *луонга* строят мосты, паромы, сампаны, плоты, дома. Кстати сказать, американские воздушные пираты яростно атакуют грузовики и подводы, если видят на них транспортируемый в долины бамбук, стараются сорвать такие перевозки. Однако все их попытки тщетны, лесорубы удваивают и утраивают свои усилия, чтобы обеспечить страну лесоматериалами.

— Ежегодно мы засеваем ценными сортами бамбука до пятисот-восьмисот гектаров лесной площади, — говорит товарищ Диеп.

Мы идем вслед за ним по узкой тропинке, которая напоминает тоннель, пробитый в густой зелени. Надо тщательно следить за ногами

и руками — здесь множество пиявок *конъята*, которые буквально впиваются в обнаженные части тела. Не меньше тут и всяких ядовитых гадов, начиная с сороконожек и кончая змеями. Диеп мимоходом рассказывает о своей недавней встрече с боа-душителем. Спрашиваю: а что, действительно опасна эта гигантская змея? Диеп отвечает: да, конечно, но лишь тогда, когда человек оказывается под деревом, на котором голодный и злой боа подкарауливает свою жертву. А если он ползет по тропинке, то его можно обезвредить с помощью палки — лучше всего, если это маниоковый сук. Почему? Опытные люди, хорошо знающие джунгли и их тайны, единодушно утверждают, что боа испытывает непреодолимое отвращение к маниоке: он боится ее. Обычно кожу змей отсылают в Ханой. Там ее используют для отделки национальных музыкальных инструментов.

Высоко в небо взметнулись кроны могучих деревьев. Внизу — хаос зарослей, травы, корней, лиан. «Деревья неведомые, деревья неназванные», — писала я некогда, очутившись в джунглях Южного Вьетнама, ошеломленная дикостью и богатством окружающей меня природы. Не каждый вьетнамец — даже партизан, даже солдат, долгие годы шагавший по лесным тропам, — может назвать вам то или иное дерево или растение. Но лесники запанибрата с природой. Вот Диеп показывает мне *лин* — мраморное дерево, *лат хок* — железное дерево. Оба эти сорта древесины высоко ценятся на зарубежных рынках. Резко пахнут грибы того вида, который здесь именуется *нам хуанг*. Диеп выкапывает из земли *мок нъи* — род трюфеля. Называет множество лекарственных растений, эффективно действующих на различные недуги. Поранишь ногу или оцарапаешь руку — внимательно осмотришь вокруг. Наверняка в двух-трех шагах от себя найдешь растение, которое поможет тебе. Его дарит человеку природа.

— Но и змей, и всякой гадости тоже полно! — говорю я.

— Да, гадов у нас много, — соглашается Диеп, показывая на змею (к счастью, не боа), которая поспешно уползает под ближайший куст. — Что же касается животных — оленей, лис и тигров, — то они уходят все дальше в глубь джунглей: их пугает рев самолетов...

Слышу чьи-то голоса. Это работает одна из семи бригад, которыми располагает база. В ней шестьдесят человек, преимущественно женщин. Обутые в высокие резиновые сапоги (предохранительная мера против змей и скорпионов), они дружно

трудятся на лесной плантации. Бригадир, красивая девушка из народности таи, рассказывает:

— Мы очень тщательно выбираем площадь для новой плантации. Земля, в которой мы копаем ямки для саженцев, должна быть мягкой, не каменистой. Кроме того, ямку нужно хорошо очистить от старых корней — в них часто гнездятся жадные термиты. Что представляют собой бамбуковые саженцы? Это куски расщепленного бамбука, каждый длиной в две руки взрослого человека. Их сажают под соответствующим углом, наклонно, чтобы солнце не слишком сильно их нагревало и живые клетки не были иссушены его лучами. Некоторые молодые деревца прикрыты нарубленными ветками — от солнца и ливней.

Диеп добавляет:

— В свое время мы закладывали эти плантации вблизи дороги. Но потом нам пришлось уходить глубже в лес — опушка слишком часто подвергается бомбежке.

На первый взгляд джунгли кажутся безлюдными. Но это обманчивое впечатление. Мы осматриваем ясли для детей занятых тут рабочих, потом заглядываем на лесопилку.

Вторая плантация находится в укромном и тихом, тщательно выбранном месте — на склоне горы, где солнца вполне достаточно и молодые саженцы защищены от сильных ветров.

— Года через четыре-пять мы получим из них высококачественный строительный материал! — с гордостью говорит товарищ Диеп.

В глуши джунглей, на узкой тропе, что пересекает девственный лес, я воочию убеждаюсь в том, что лучшие и наиболее ценные сорта бамбука луонг действительно высажены с мыслью о будущем. Когда настанет это будущее, пока еще трудно сказать, по думать и заботиться о нем надо! Я вспоминаю, что говорили мне о будущем восстановлении страны патриоты Южного Вьетнама, как они просили меня рассказать им (поподробнее!) о воскрешении начисто разрушенных гитлеровцами польских городов и сел. Припоминаю совсем недавние беседы «на линии огня», то есть на 17-й параллели, с представителями местных властей и партийных комитетов. Под аккомпанемент орудийной канонады и бомбежек, в вихре бушующей там «грязной войны» США, мы говорили о будущем мире и периоде

восстановления. А ведь люди находились в постоянной опасности — смерть грозила им буквально на каждом шагу! Ни один из моих тогдашних собеседников не мог сказать: минует ли его американская бомба, останется ли он в живых завтра или через месяц... Но все они, упорно защищая каждую пядь родной земли, уверенно говорили о будущем!

Пока что война в Индокитае продолжается. В шалашах под каждым топчаном, сбитым из бамбуковых жердей, обязательно выкопано укрытие или индивидуальное убежище. Эта яма, напоминающая деревенский колодец, не очень глубокая, но в ней можно спрятаться в случае неожиданного воздушного налета. Ведь в небе то и дело режут американские самолеты...

Я смотрю, как «бамбук — брат мой» пускает корни в землю, отвоеванную у джунглей. И невольно думаю о том, что эти молодые деревца, высаженные еще в 1968 году, непременно будут использованы в процессе восстановления страны. Из них возведут новые дома и хозяйственные постройки.

...К вечеру, покинув лесную базу, мы опять едем круглыми дорогами. Потом нас ждет «прыжок» по довольно длинному отрезку главного шоссе, сильно поврежденному бомбежкой.

Ночь в газике. Тревожный отдых в чутком полусне, в который я погружаюсь не больше чем на несколько минут. Утром, когда начинает бледнеть небо, перед нами предстает тропический пейзаж, который так и просится на полотно художника. Дико и красиво вокруг. На склонах гор — опутанные лианами непроходимые заросли. Крепкие и вездесущие лианы оплетают стволы деревьев и свисают с них причудливыми фестонами вместе с зажатой листвой. Серебристый поток, разбиваясь на струйки, падает с высокого обрыва и под лучами солнца превращается в золотой дождь. Вибрирует завеса распыленной влаги, встает радуга, и каскад сверкающих искорок обрушивается в реку, которая грозно ревет внизу — угрюмая и стремительная в своем течении. За машиной поднимаются облака какой-то пушистой, необычайно мелкой пыли — сюда еще не дошел ливень, хотя тучи уже появились и тут.

Привал у начала горного перевала. Мимолетный взгляд вниз, в глубокую долину. Солнечные блики на стволах высоких деревьев, что остались у подножия горы. Округлые и конусообразные горы

захватила в свои лапы алчная тропическая растительность. На склонах — лохматый кожух зарослей. Шумит и плещет по камням быстрый горный поток, возле которого мы остановились отдохнуть и поесть. Шофер загоняет наш газик под защиту кустарника и деревьев. Солдаты расстилают на траве пластиковую скатерть. Нгеун, наш повар, раздает пищу: белый вареный рис (его тут режут, как хлеб) и кусочки свинины, которые мы посыпаем крупной серой солью.

Снова становится холодно. Постоянная смена погоды характерна для горных районов. Я знакома с этим явлением еще по первой поездке во Вьетнам — в мирное время. Я была тогда в Чапа, неподалеку от Лайчау — почти у самой китайской границы. По несколько раз в день приходилось надевать теплый свитер и... через час-полтора опять снимать его. На этих высотах, откуда небо кажется совсем близким, ветер всегда соседствует с палящим солнцем и каждый день отмечен резкими скачками температуры. То припекает солнце, то до костей пронимает холод и поливает дождь.

...Дорога опять резко идет вверх, крутая петля шоссе обегает склон. Меняются краски: охра, багрянец, алый цвет, ржавчина. Снова сворачиваем на проселок. Трясет — аж душа стонет! Недавний ливень размыл грунт.

По обеим сторонам дороги зеленеют луга. Трава с какими-то взъерошенными метелками вверху достигает высоты человеческого роста. Среди зарослей то и дело возникают округлые горбы огромных камней. Замечаю темные движущиеся пятна: это пасутся в траве буйволы. Несколько дальше — лошади, точнее, лошадки: маленькие, быстрые, пугливые, с умными гневными глазами.

Ущелье похоже на зеленую реку, по дну которой медленно ползет наш газик. Над головой, цепляясь за крышу машины, качаются огромные веера — верхушки гигантских папоротников... Маленькая долина. Высокая кукуруза с красными метелками. Где-то поблизости расположена деревня народности мео, в которой мы должны остановиться на дневной привал. Хуан — кадровый работник уезда — дает последние указания нашему шоферу. Все труднее продвигаться вперед — газик капризничает, как норовистый конь. Тиен с трудом держит баранку. Наконец дорога становится настолько крутой, что машина совсем отказывается двигаться дальше. Все (точнее — почти

все, так как меня не допускают к участию) в поте лица толкают газик вперед: он завяз в грязи и глине по самое брюхо.

— Смотрите, сколько тут древесины! А в Ханое ее всегда не хватает, — говорит один из моих спутников, показывая на старательно огороженные участки возделанной земли. Изгородь поставлена для защиты посадок от диких зверей.

Из чащобы, которая тянется по обеим сторонам ущелья, появляются люди. Сперва дети — испуганные и недоверчивые: они первый раз видят белого человека. Ребята полупшепотом обмениваются замечаниями на языке, которого никто из нас, кроме Хуана, не знает. Потом на детских личиках начинают появляться робкие улыбки — любопытство берет верх над страхом. Мы тоже приглядываемся к ним. У некоторых мальчиков за поясом торчат ножи в деревянных ножнах: с юных лет им приходится учиться пробивать себе путь в непроходимых джунглях. У девочек длинные волосы, прядками спадающие на плечи, в ушах резные, зубчатые серьги, на шее — серебряные обручи. Даже у самых маленьких, которых родители несут на спине, я вижу такие же украшения.

На тропинке остановился стройный парень. За спину заброшено кремневое ружье (им заинтересовался бы любой европейский музей), к поясу прикреплена пороховница из рога буйвола. На плече висит корзинка, наполненная лекарственными растениями и прикрытая нейлоном. Это явно охотник. На ломаном вьетнамском языке он рассказывает, что неподалеку отсюда неделю назад убит медведь, что внутренности этого зверя очень нужны для изготовления лекарства, хорошо заживляющего раны.

Молодой охотник с ружьем своего прадеда

Молодой охотник заверяет нас, что мы почти у цели. Однако до селения Пако нам пришлось ехать еще не менее восьми километров по трудной, утомительной дороге. «У местных жителей совсем иные понятия о расстояниях», — записываю в своем дневнике. Впрочем, это мне известно и по другим поездкам в Азии. Мео, как и другие этнические группы, считают время по часам, а по восходу и заходу солнца. Целый день, проведенный на марше, не кажется им слишком большим отрезком времени и расстояния. А селение Пако — если считать по прямой — находится всего в нескольких сотнях километров от Ханоя. Но это совсем иной мир, иная эпоха, иные люди.

Наконец по размокшим и раскисшим дорогам мы добираемся до места. Несколько хижин, тесно прижавшихся одна к другой. Они построены не на сваях, а прямо на грунте. Возле жилья играют и резвятся поросята и маленькие бурые собачки. Неподалеку от хижин — высокие резервуары для воды, сделанные из... корпусов невзорвавшихся американских бомб.

Дети черных мео с малых лет носят на шее массивные серебряные обручи

Небольшой барак из бамбуковых плетенок, доступный всем ветрам. Деревянная утварь. Здесь, на санитарном пункте, временно превращенном в больничку, мы делаем остановку. Спрашиваю: где можно помыть руки? Оказывается, вода течет по желобу и наполняет обложенный камнем резервуар. Фильтры из древесного угля очищают ее и делают кристально прозрачной. На колодце выбиты цифры: II. 1966 — дата постройки.

— Это «вода Хо Ши Мина»! — уважительно говорит один из местных кадровых работников, показывавший нам дорогу.

Со всех сторон к нам сходятся жители-мео, с интересом разглядывающие неожиданных пришельцев. Они не так робки, как их соплеменники, которых я видела во время предыдущих поездок около Лайчау и в окрестностях Дьенбьенфу. У всех мужчин, женщин и детей на шее серебряный обруч. Женщины надевают поверх юбок нечто вроде двустороннего фартука. На спине у них высокие длинные корзинки с опорой из бамбуковых прутьев. Это облегчает им отдых во время долгих переходов (наши польские крестьянки почти так же носят тяжелые узлы и корзины, когда идут на базар). У каждой женщины на голове высокий черный тюрбан. Не раз я видела женщин-

мео в горных районах Вьетнама, по таким украшениям встречать еще не приходилось. Оказывается, племя, живущее в селении Пако, — это так называемые *мео-ден*, то есть «черные мео». Только у женщин мео-ден и можно увидеть колпак 25–30-сантиметровой высоты, называемый здесь *хап фу*.

— Не трудно ли вам закалывать волосы, на которые накладывается такой высокий тюрбан? — спрашиваю представительницу «женских кадров».

Эта женщина — Ханг И Сон, жена местного фельдшера. Поняв, о чем ее спрашивают, Ханг с улыбкой отрицательно качает головой. Потом быстро и ловко показывает мне, что укладка столь сложной прически, на которой держится *хап фу*, — дело всего нескольких минут.

Интересуюсь, как на языке мео звучит обычное приветствие. Оно немного похоже на вьетнамское: *чао нъон чи*. Зато «благодарю» произносится совсем иначе — *зоу ту си* (по-вьетнамски — *кам он*).

Кованые обручи из серебра, которые тут носят взрослые и дети, наследуются из поколения в поколение. Кроме того, украшением женщин и девушек служат круглые серьги с зубчатыми краями. Даже у младенцев, которых носят на спине их старшие сестры, на шее красуются ожерелья из маленьких вьетнамских монет с дырочкой посередине (они нанизаны на шнурок) или из старых десятисантиметровых монет с надписью «*Banque de l'Indochine*», сохранившихся со времен французского колониального владычества.

Полуденный отдых. Сквозь проем, заменяющий тут привычные для нас двери, заглядывают дети и молодые девчата. При первой же моей попытке их сфотографировать они разбегаются. Останавливаются поодаль, вполголоса переговариваются о чем-то и не спускают с нас зорких, настороженных глаз.

Отдыхаем. Близость гор несколько ослабляет нестерпимую жару. Вверху надоедливо гудят американские самолеты. Неподалеку кашляет и чихает мотор нашего газика, ремонтируемый шофером. Прошел короткий внезапный дождь. Дико и одуряюще пахнут тропические растения. Не разберу, что это — мята, полынь или коровяк?..

— Наверное, трудно накрутить такой тюрбан? — спрашивает автор у женщины из племени черных мео

Хочу сделать несколько снимков местности. Достāju фотоаппарат, открываю его. Из футляра выскакивает с десяток тараканов... Фу, мерзость! Но еще хуже то, что они уже успели обосноваться и в рюкзаке, и в мешочке с туалетными принадлежностями. Местные кадровые работники застают меня воюющей с этой ползающей дрянью.

— Чего ты испугалась, сестра? Они же не вредные, не кусаются! — успокаивает меня один из пришедших.

Хорошенькое дело — не кусаются!.. Несмотря на усталость, я с облегчением думаю о том, что ночь мы проведем в машине, а не здесь. Предпочитаю выматывать кишки на ухабистой дороге, лишь бы не ворочаться на бамбуковом топчане с постоянной мыслью о том, что вокруг меня и по моему телу ползает всякое паскудство... Брр! А вместе с тем мне жаль покинуть эту деревню. Тараканы тараканами, но мы на каждом шагу обнаруживаем здесь что-то новое, интересное.

В селении Пако и во всей общине М. живут мео-ден. Несколько дальше разбросаны деревни таи, *мео-лай* и *мео-чанг*, то есть «белых мео». Откуда и почему взялось это название «белые»? Оказывается,

дело в цвете ткани, который преобладает в их одежде. Женщины из племени белых мео не носят характерных черных колпаков-тюрбанов, которые мы видели в Пако на каждом шагу.

Быстро составляем план работы, чтобы максимально использовать время, остающееся до наступления темноты. Необходимо обязательно сделать снимки, пока благоприятствует погода. Председатель местного Административного комитета товарищ Сунг Лао То ведет нас в свою хижину. Внутри курной хижины самое важное место занимают четырехугольная печь и *кхау чу* — очаг. Огонь разводят на глинобитном возвышении, где медленно горит огромное полено. Дрожащие блики пламени отражаются на лицах наших собеседников.

Забулькала осмоленная дымом водяная курительная трубка, которую хозяин протягивает поочередно всем собравшимся. Мы сидим на низеньких плетеных круглых табуретках. С любопытством оглядываемся вокруг. Хижина построена три года назад, причем всего за несколько дней. Вся деревня помогала нашему хозяину — таков местный обычай. Алтарь предков перенесен из прежней хижины. Деревянная европейская кровать выглядит здесь очень странно, как будто она попала сюда из другого мира. Высушенная дикая дыня, полая внутри, служит посудой для питьевой воды. Стоит долбленая ступа для лущения риса. За деревянной балкой — черпак для воды и серпы. У входа — кадка, в которой бродит синяя жидкость: краситель из листьев растения *мео гау*. В углу хижины, отведенном под кладовую, — корзины с рисом и кукурузой. Спрашиваю: какой из предметов в этой хижине самый старый? Охотничье ружье (кремневое), отвечает хозяин. Это оружие досталось ему от дедов-прадедов. Тут же красуются нейлоновые мешочки для риса, венгерский транзисторный радиоприемник марки «Ориент» и советский велосипед выпуска 1966 года. Красноречивый контраст!

— В нашем селении десять транзисторов и более двух десятков велосипедов, — многозначительно перечисляет Сунг Лао То. — На каждые три семьи приходится одип большой термос. Но желающих приобрести такие предметы очень много. К сожалению, передвижная автолавка доставляет нам мало товаров — война... Да, этот грузовик регулярно объезжает горные селения раз в квартал.

Хозяин потягивает дым из водяной трубки, его жена курит сигареты. С любопытством рассматриваю самодельное кресало. Оно сделано очень искусно, и в нем используются крупинки пороха, который закрыт клочком овечьей шерсти — от сырости. В углублении для пороха — мелкий, порошкообразный уголь.

— Вода и огонь — это две важнейшие для нас вещи, — говорит Сунг Лао То. — О воде вы уже слышали: у нас не хватало колодцев. Прежде, при французских колонизаторах, у нас не было спичек, они считались редкостью. Во время полевых работ наши женщины приносили в долбленках из бамбука тлеющие угли и все время поддерживали огонь. Часто бывало и так, что для переноса огня мы использовали смоляные факелы или связки веток легковоспламеняющихся деревьев.

По хижине снуют дети. Старшему из пяти детей хозяина — лет 15, самому маленькому — полгода. Мой собеседник не может точно пазвать возраст своих детей. Это парадоксально, но в то же время и не удивительно: свой возраст мео, как и представители других местных этнических групп, знают лишь приблизительно. Время, как и расстояние в километрах, а равно и другие понятия, не подкрепленные конкретными измеримыми величинами, для них очень трудно определимы. Прежде возраст детей определялся по числу посевных и ежегодных сборов урожая на кукурузных полях.

Сунг Лао То в период между рождением первенца и младшего сына закончил три класса начальной школы, научился писать, читать, считать. И тем не менее... Санитар Лю Лан (свободная блуза с косыми узорами на рукавах, шейный обруч, ручные часы, хлопчатобумажные брюки, на голове — каскетка) знает приблизительно возраст своих детей, но не может точно назвать день и месяц их рождения. Местный фельдшер, по национальности таи, сильный, рослый Ло Ван Иеу, заверяет меня, что один из здешних кадровых работников, хорошо умеющий читать и писать, вот уже несколько лет занимается уточнением дат рождения и подбором метрик для юных граждан селения. Он лучше всех родителей знает, кто когда родился...

Сгущаются сумерки. В хижину входят чуть ли не все старшие жители деревни. Дрожащий огонь очага освещает смуглые лица. Самые пожилые мео кажутся мне похожими на индейцев Северной

Америки. Не все они умеют говорить по-вьетнамски. Перевод некоторых выражений приходится делать дважды: с языка мео на вьетнамский, а затем на французский. Всего лишь десять лет назад мео с помощью вьетнамских товарищей получили собственный алфавит, который позволил им начать учебу на родном языке.

Напрягая зрение, ловя последние отблески дня, я быстро записываю нашу беседу. Сведения имеют определенную ценность.

Община М. состоит из шести деревень. Селение Пако, в котором мы сегодня остановились, считается небольшим — в нем всего около 70 семей. Название «Пако» дословно означает «лес деревьев».

— Сеете главным образом кукурузу? — спрашиваю у собравшихся (я видела большие участки полей, огороженных жердями).

Крестьяне отвечают утвердительно. Кроме кукурузы на склонах имеются рисовые плантации — возделывают их по способу *рай*, то есть выжигают участки джунглей и оставшейся золой удобряют землю перед севом. Рис собирают только один раз в год, кукурузу тоже. Кроме того, местные жители в небольших количествах выращивают батат, сою, чай и джут — все это лишь для собственного потребления. Из джута женщины выделывают ткань для юбок.

— Когда наступает время работы на рисовых полях, мы покидаем свои хижины и переселяемся в шалаши, которые строим рядом с полем. Живем там весь период — от посевной до жатвы. Это около трех месяцев.

Очень трудно выращивать мак для опиума. Его несколько раз приходится пропалывать, старательно оберегая растение от жадных сорняков. Крестьяне также занимаются животноводством — откормом свиней, буйволов, коз — и птицеводством.

Сунг Лао То отвечает на мои вопросы живо, умно, с выразительной жестикуляцией. Бомбардировки? Да, были. Почти сорок раз американские самолеты атаковывали это небольшое селение. Я хочу добавить: селение, расположенное вдали от главных магистралей и лишенное каких бы то ни было военных объектов. Наиболее памятное событие периода эскалации войны? В десяти километрах от Пако был сбит заокеанский стервятник. Правда, американцам удалось спасти своего летчика: они прислали к месту его падения военный вертолет, сбросивший пилоту веревочную лестницу.

Но теперь подобных случаев почти не бывает: значительно быстрее и организованнее проходят поиск и задержание сбитых воздушных пиратов.

Как давно существует Пако? На этот вопрос ответить трудно. Мео утверждают, что тут живет только четвертое поколение, то есть селение заложено около ста лет назад. Старые люди рассказывают, что их прадеды пришли в эту тихую долину из отдаленного горного района: здесь легче выращивать кукурузу, джут и опиумный мак.

Осторожно расспрашиваю стариков о религии. Как и повсюду во Вьетнаме, тут распространен культ предков, смешавшийся с древними анимистическими верованиями. Так же как и во всех других горных уголках этой страны, люди здесь до недавнего времени почитали добрых духов и злых демонов. Надломленная особым образом ветка дерева, прикрепленная у входа в хижину, означала, что внутри происходит церемония воздания почестей предкам. Знак этот одновременно играл роль предостережения: никто из посторонних не смел входить в хижину, чтобы не нарушить общение семьи с душами тех, кто ушел в лучший мир.

Наиболее торжественные обряды — свадьба и погребение. Но самый большой праздник — Новый лунный год, *Тет*. В этих далеких селениях его отмечают более пышно, чем в городах.

— Жаль, что вы не попали к нам на последний Тет, — говорит хозяин. — Мы праздновали его десять дней! По этому случаю было забито несколько волов...

— Насколько велики семьи черных мео? — спрашиваю у хозяина.

— Всегда надо считать в десятках...

— То есть?! — недоуменно восклицаю я.

Хозяин со смехом объясняет, что, например, в его семье восемнадцать человек — старой бабушке примерно 50 лет, а самому младшему сыну всего несколько месяцев. Но есть немало семей, «коллектив» которых насчитывает 20–30 членов. Это уже целый клан! Действительно: сыновья женятся и приводят своих жен под крышу отцовского дома. Сейчас среднее число детей в семье — девять-десять человек. У хозяина их «всего» пятеро, хотя ему 32 года — разумеется, приблизительно, так как возраста своего он точно не знает. У второго моего собеседника девять сыновей и дочерей.

Один из кадровых работников — владелец ручных часов — научился читать и писать всего десять лет назад. Было ему тогда лет 17–18. Грамоту принесла народная власть.

Ха Туонг Су — секретарь общинной партийной ячейки — имеет образование в объеме четырех классов начальной школы. Это для здешних мест не так мало. Грамоте научился лишь в 30 лет. Неграмотными были прежде все — руководитель сил территориальной самообороны, организатор союза молодежи, санитар... Теперь же все они посещают вечерние общеобразовательные курсы для взрослых, где получают знания в объеме двух-трех классов. Такое образование — достижение последних десяти лет. Селение Пако, как и все окрестные деревни, имеет свою школу для взрослых.

Шесть молодых парней из общины М. были год назад командированы в специальную школу для национальных меньшинств. Такая школа организована в центре провинции — городе Хоабинь. Десять детей из этой общины учатся в школе пионеров в уездном городе. Примерно в километре от Пако расположена начальная школа для детей трех ближайших селений. Учителя в окрестных школах — преимущественно мео или таи.

Я расспрашиваю представительницу «женских кадров» о ее работе и обязанностях. Ханг И Сон посещает все учительские конференции в уезде, заботится о координации их труда в соответствии с очередными директивами ПТВ^[2]. Систематически знакомится с текущей информацией о событиях внутри страны и положении на фронтах. Дважды в месяц Ханг И Сон собирает жителей деревни, чтобы передать накопленные за это время новости. Наравне с санитаром она несет ответственность за состояние гигиены в деревне и за ознакомление жителей, особенно женщин, с инструкциями по здравоохранению. На вечерних курсах она заканчивает программу второго класса и будет продолжать учиться дальше. Спрашиваю ее: какое событие в своей жизни она считает наиболее значительным и важным? Отвечает: поездку в Ханой на Всеветнамский съезд сил территориальной обороны. В уездном городе и в центре провинции Ханг была уже несколько раз, а в столице — только однажды. Что особенно ей запомнилось?

— Очень много людей и очееь высокие дома, — быстро отвечает Ханг.

Вообще ее ответы почти мгновенны. Они вырываются так стихийно и живо, что я едва успеваю записывать их.

— Когда-то у нас не хватало риса и кукурузы. Много дней в году мы жили впроголодь. Сейчас научились хорошо возделывать землю. Пищи теперь вполне хватает всем, излишки продаем государству. На полученные от продажи деньги мы имеем возможность покупать разные нужные и полезные вещи. Но прежде всего — соль.

— Соль, это главное? — переспрашиваю я.

— О, конечно! Прежде, при французских колонизаторах, соль была очень дорогой, — говорит Хуан, отлично знающий нужды горных жителей. — Французские купцы, привозившие к нам соль, буквально обирали, грабили народ. Они были не только жадными, но еще и хитрыми, коварными. За каждый килограмм соли купцы требовали от нас опиум, а вы знаете, как трудно выращивать опиумный мак! И были тогда случаи, что некоторые семьи в нашей деревне по месяцу и более оставались без соли, нечем было приправить еду... Мы подсчитали, что в те времена на семью в семнадцать человек приходилось всего пятьдесят килограммов соли в год.

— Не только это! — добавляет Ханг. — При французах у нас уходило два дня пути пешком через горы, чтобы добраться до ближайшего городка и купить самые необходимые вещи. После революции^[3] государственный магазин открылся всего в пятидесяти километрах от нас. Теперь же, несмотря на трудные военные условия, автолавка приезжает к нам четыре раза в год. Она привозит нам самые нужные товары и предметы обихода, которых мы производить не можем: соль и керосин, ткань и посуду, радиоприемники и велосипеды...

— У нас не хватало даже питьевой воды, — вмешивается один из стариков. — Теперь повсюду есть *кхот да* — колодцы!

— Это верно! — подтверждает Ханг. — Когда-то мы пользовались долбленными кусками дерева или бамбуковыми трубочками. Теперь мы научились пить воду и чай из кружек и фаянсовых чашек.

— У нас есть свой алфавит! — с гордостью говорит кадровый работник. — Мы умеем читать. Наши дети учатся. Взрослые — тоже. Мы знаем все, что делается в мире, а не только в нашей деревне. Многие семьи обзавелись велосипедами и термосами. Каждая семья

имеет одеяла, которые защищают от холода. Все это может показаться вам пустяком, но для нас имеет огромное значение — сравните это с обстановкой при колонизаторах, и вы поймете разницу!

— А трудно было приучить людей пить только кипяченую воду и пользоваться противомоскитной сеткой?

— Да, конечно. Сейчас наши люди охотно пьют горячую воду, так как в горах часто бывает холодно. Труднее было привыкнуть к противомоскитным сеткам. Но теперь они есть у всех. Вот уже несколько лет как нас перестала мучить тропическая малярия. А прежде ею болели очень многие...

Расспрашиваю о других, наиболее распространенных заболеваниях. Санитар перечисляет: бери-бери, бронхит, воспаление легких. Но теперь все жители знают, что человек болеет не по воле злых духов, а в результате собственной неосторожности, простуды и попадания в организм невидимых бактерий, с которыми успешно борются врачи. В селении часто бывают разъездные врачебные бригады. В случае тяжелых заболеваний пациентов отправляют в Хоабинь, где есть большая, современная больница. Задача сейчас такая: заботиться о соблюдении правил гигиены и готовить санитарные кадры. Люди учатся строить крытые, теплые уборные, знают, что помещения для скота надо размещать подальше от жилья. Чем больше агитаторов станут убеждать других в необходимости соблюдать чистоту и гигиену, тем здоровее будут все жители.

Один из владельцев транзисторного приемника говорит, что радио позволило получать информацию обо всем, что происходит в мире. Другой очень точно и лаконично подытоживает все ответы на мой вопрос о важнейших переменах в жизни страны:

— Партия и ее кадровые работники вплотную занялись улучшением жизни граждан!

Спрашиваю: представляют ли себе жители Пако ту страну, откуда прибыли к ним гости? Что они знают о людях, которые ночью уедут на границу? Молчание. Собравшиеся неловко переглядываются, потом отрицательно качают головами — нет, не представляют. Некоторые из стариков много лет назад видели французов, но воспоминания о белых людях уже изгладились из памяти. Впрочем, тогда приходилось больше прятаться от французов, чем общаться с ними: крестьяне были осторожны и недоверчивы по отношению к оккупантам.

Председатель местного Административного комитета — человек бывалый. Он трижды ездил в Ханой. Первый раз в 1959 году — по служебным делам, касающимся общины. В 1964 году поехал вторично, за собственный счет — по личным делам. Рассчитывал, что встретит знакомых по первому визиту в столицу. И не ошибся. На велосипеде проделал многокилометровый путь до главной магистрали, а там пересел на автобус, курсирующий между городом Хоабинь и столицей. Укрепленный на крыше автобуса велосипед последовал за владельцем. В третий раз председатель побывал в Ханое вместе с Ханг в 1966 году — делегатом на съезд партизан и членов народной милиции.

— И каждый раз после моего возвращения домой ко мне сбегались все жители нашего селения, много людей приходило и из соседних деревень. А я рассказывал им о красивых домах Ханоя, о бывшем дворце французского губернатора, где проходил съезд, о длинном металлическом мосте через реку. Сначала наши люди считали все это выдумкой, баснями. Теперь верят, хотя сами и не видели этого...

...Пора отправляться в дальнейший путь, который приведет нас на границу с Лаосом. Если все пойдет хорошо, то до нее нам останется только одна ночевка — потом мы окажемся уже на той стороне. Эскорт торопит нас с Богданом: время уходит, надо спешить — ожидается буря. Лучше заблаговременно выбраться на тот участок дороги, где меньше опасности застрять в грязи. К тому же, возможно, тучи прикроют нас от надоевших самолетов.

Сердечно прощаемся с черными мео. Горячо благодарим их за гостеприимство. Нас провожают до того места на дороге, где газик может развить скорость. Ханг, несмело улыбаясь, ласково гладит меня по руке и желает доброго здоровья моим детям. Лю Лан Тхо приставляет ладонь к глазам и быстрым взглядом охотника окидывает небо. Туч заметно прибавилось, и он доволен: американцы оставят нас в покое.

Поворот. Молодой парень-мео останавливает машину. На палке у него подвешена курица. Он хотел бы обменять ее на бензин или керосин. Однако такая сделка состояться не может — каждая капля горючего крайне нужна нам самим: впереди далекий путь.

Жадно всматриваюсь в окружающий пейзаж. Хочу увидеть как можно больше, прежде чем наступят сумерки.

На рисовых полях, террасами расположенных на склонах взгорий и холмов, уже пробивается зеленая щетинка молодого риса. Медленно вращаются почерневшие колеса *туонг нук*. Это сооружение служит крестьянам для орошения плантаций. Вертикально установленные колеса с черпаками захватывают из ручья воду и переливают ее на расположенные выше поля.

Женщины в национальной одежде *мео* и *муонг* несут на плечах коромысла с корзинками, битком набитыми зеленью. Среди долин разбросаны конусообразные холмы. Тропинки похожи на кольца, оплетающие склон. Оградительные валы на рисовых полях кажутся сверху деталями макета. С гор падают каскады воды. А вокруг — заросли, кустарник, высоченные деревья. Зелень, вездесущая, жадная зелень!.. Лишь местами вижу полосы надвигающихся туч. Звенит пронзительный, многоголосый хор цикад...

Воспоминания обрываются, как лента старого фильма. А ведь все это было сегодня! Мы приближаемся к району, где война особенно сильно напоминает о себе. В небе рокочут американские самолеты. Издалека доносится знакомый грохот взрывов: где-то идет бомбежка. Сквозь сон заплакал ребенок. Внизу, прижавшись к од

ной из свай, на которых построена хижина, лениво почесывается буйвол. Я лежу, положив голову на рюкзак, и не могу сомкнуть глаз, пытаюсь хоть что-нибудь разглядеть в этой кромешной тьме. Мне вдруг кажется, что под левым локтем скользит что-то холодное. Ах, черт возьми! Неужели?.. Прикрываю ладонью рефлектор электрофонарика. Готова ко всему... Змея?.. Только бы не закричать! Осматриваюсь и вижу... ремешок от фотоаппарата!

Да, впрямь у страха глаза велики. Пора бы, давно пора привыкнуть ко всяким неожиданностям и опасностям, какие подстерегают в джунглях любого пришельца, а вот поди ж ты... «Боа боится маниоки»... Снова нахлынули воспоминания — лесная база, бамбуковые плантации, высокие колпаки-тюрбаны женщин... С невольным облегчением думаю о том, что в хижине на высоких сваях значительно меньше шансов встретиться с противными тараканами, чем в доме, построенном непосредственно на грунте. Однако, «на всякий случай», я снова освещаю свою циновку. Ничего, абсолютно ничего, кроме одинокого заблудившегося муравья...

Богдан проснулся и ворчит сонно:

— Погаси фонарь!

Минуту спустя я опять слышу его ровное посапывание. Вот здоровье у человека — засыпает сразу, где бы ни пришлось приклонить голову! Он может спать в любую пору суток — днем, ночью, на рассвете, в сумерки. Даже в машине, где нас немилосердно трясет на ухабистой дороге. А вот я не умею быстро приспосабливаться к новым условиям, и потом меня слишком будоражат впечатления. Мало кому из европейцев дано попасть в ту обстановку, в которой мы с Богданом оказались несколько дней назад. А ведь это лишь начало!

Постепенно меня охватывает дремота. Снова слышу протяжный, похожий на стон вздох больного, лежащего за занавеской. Точнее — за зеленой противомоскитной сеткой...

«Сабайди, сахай!»

Заснула я, сама не знаю даже когда, хотя поначалу мне казалось, что до утра так и не сомкну глаз. Проснувшись, осматриваюсь вокруг. В двух очагах горит огонь. Возле одного хлопочет наш повар. Который же час? Оказывается, уже шесть с минутами. Боже мой, как поздно!

— Можешь отдыхать! — говорит Богдан. Он сидит возле оконного проема, над которым поднята и подперта жердочкой бамбуковая плетенка, заменяющая ставню, и проверяет экспонометр фотоаппарата. — Все равно сегодня днем мы никуда не поедем...

Я огорчена. Ведь мне хотелось как можно скорее быть «там» — у цели нашей поездки. Но мы терпеливо ждем, остановившись в селении племени таи Лан Кхан, и в течение нескольких часов наблюдаем повседневную жизнь крестьян.

Вспоминаю, что сквозь сон я слышала приглушенные голоса и осторожные шаги многих людей. Теперь же дом кажется опустевшим. Перед рассветом жители уходят на рисовые поля или охотиться. В деревне остаются старики и дети.

Осматриваю «место привала». Крышу хижины осмолило дымом. Огонь весь день горит в одном из двух очагов. Два выхода (дверей нет) с приставными лестницами. Несколько оконных проемов. Я спала возле одного из них, а над головой у меня, оказывается, висели кремневое ружье, пучок ярких перьев, два лука и полный колчан стрел.

На поперечной балке надпись по-вьетнамски: «Да здравствует президент Хо!» Бамбуковые полки, ящики, корзины для риса и для сушеных овощей. Посреди хижины стоит огромная — как мельничный жернов — плоская, словно тарелка, корзина: в ней сушатся мелко нарезанные ломтики бататов. К потолку подвешены сети с металлическими грузилами. Именно такими сетями и можно ловить рыбу в быстрых и бурных горных реках. Теплая куртка и несколько противомоскитных сеток, хорошая фляга для воды и шерстяные одеяла — все это свидетельствует о том, что мы попали в дом сравнительно зажиточного хозяина.

Зеленая противомоскитная сетка, за которой лежит больной, на день откидывается в сторону. Рядом с циновкой — водяная

курительная трубка, которую время от времени потягивает этот немолодой человек. Его зовут Ха Ван Кса, он таи. Его имя я вижу на похвальных грамотах, прибитых возле алтаря предков. Всю ночь его душил кашель, не давая сомкнуть глаз. Но это не главное: Кса показывает мне ногу — она опухла, а посередине опухоли видно темное пятно. Заражение? Пожалуй, нет — боль небольшая.

— Предположительно бери-бери, — говорит Кхам Фой.

— Чем можно ему помочь?

— Надо везти в больницу.

Мы снабжаем больного пабиальгином, кодеином и поливитаминами, советуем поскорее добраться до больницы. Жена Ха Ван Кса, которой Кхам Фой передает наши таблетки, внимательно слушает его наставления.

— Хорошо, мы все сделаем! Больница недалеко отсюда, в горных пещерах, всего двадцать пять (!) километров... — объясняет нам Нгеун, знающий этот район. — Вернется с охоты сын Кса, придут соседи с поля, они приготовят носилки и доставят больного к врачам.

У нашего хозяина детей немного — «всего» пятеро. А вообще в семье девять человек. Двое младших пришли из лесной школы. Оба, мальчик и девочка, уже умеют читать и писать. Их старший брат, только что вернувшийся с охоты, ставит ружье в угол и присаживается возле отца.

Воздух, тяжелый и какой-то липкий от зноя, затрудняет дыхание. Доносятся отголоски грома, явно непохожие на бомбежку, — где-то стороной проходит гроза. Но живительное, прохладное дуновение ветра, к сожалению, не доходит сюда. Полулежа на бамбуковом полу, рядом с оконным проемом, слегка прикрытым циновкой, выглядываю наружу. Сверкает и переливается на солнце вода, текущая по трубам из полого бамбука. Две девушки в черных юбках и черных же блузах с серебряными пуговицами наполняют водой большую кадку. Невольно тянусь к термосу и жадно пью заваренный «по-польски» крепкий, почти черный чай.

Люди уже осведомлены о том, что в деревню прибыли европейцы. На дороге возле хижины я вижу группу людей — спокойных и не назойливых. Мимо проходит немолодая женщина, на шее которой вздулся огромный зоб. Мы находимся высоко в горах, где недостаток йода и соли дает знать о себе такими вот заболеваниями.

Заросли кактусов оцетинились острыми колючками. Богдан увековечивает на цветной фотопленке ярко-красные цветы, которые растут над подземным убежищем. Повсюду мы видим рвы и противовоздушные траншеи — деревня перепахана ими вдоль и поперек. Одни тянутся около тропинок, другие — возле хижин. Несмотря на самолеты, почти беспрерывно ревущие в небе, несмотря на частые отголоски бомбардировок, немногочисленные оставшиеся в деревне жители спокойно занимаются своими делами. Невысокий мальчишка подогнал буйвола к подземному хлеву: животные пасутся только по ночам. Молодая женщина толчет рис в ступе. Тяжелый пест мерно опускается в ступу, выдолбленную из толстого ствола какого-то крепкого дерева. Внезапно промелькнувшая мысль наполняет меня тревогой — увижу ли я все это, когда буду возвращаться во Вьетнам?..

...Еще днем мы покинули деревню гостеприимных таи. Вокруг — горы и джунгли. Красиво, словно в сказке. Деревья, кусты, обомшелые стволы. Все это опутано лианами и какими-то вьющимися растениями. Глубокие ущелья, по дну которых стремительно бегут серебристые ручьи. Тут и там, на узких террасках взгорий, в котловинах и на крутых склонах гор, зеленеют небольшие рисовые поля — результат упорного труда мирных людей. Почерневшие от времени водяные колеса, медленно вращаясь, низвергают каскады воды на жаждущую влаги землю. Из плотной, кудлатой, похожей на вывороченный тулуп зелени нет-нет да и выглянет дерево с гроздьями белых цветов, напоминающих черемуху. Жаль, что поблизости нет лесников с той базы, где мы недавно ночевали, — они безошибочно назвали бы нам эти цветущие деревья, рассказали бы об их свойствах. Сейчас же Кхам Фой, смущенно улыбаясь, беспомощно разводит руками: он этого не знает.

С высоких перевалов нам видны небольшие каменистые пляжи на берегах рек. Связанные из зеленоватых стволов бамбука плоты медленно плывут по реке. На них можно различить фигурки людей: это сплавщики. Изредка навстречу нам попадают женщины в национальной одежде муонг или мео, несущие на плече или на голове полную корзину зелени. За поясом у них серп и длинный нож, которым пробивают путь в джунглях. Смотрю до боли в глазах, смотрю, пока еще можно смотреть: скоро я уже не увижу этой мирной картины...

Зубчатая линия высоких гор, выделяющаяся на розовом фоне закатного неба, похожа на рисунок китайской тушью или на силуэт из черной бумаги. Все окружающее быстро стирается в наступающих сумерках, становится голубым, потом серым и, наконец, темно-синим. Большие светлячки пролетают мимо газика, чертя в воздухе искристые зигзаги.

Лес остался позади. Занятые разговором, мы даже не заметили очередной смены пейзажа. Громоздящиеся вокруг горы стали еще более дикими, грозными и лишенными всякой растительности. Временами свет фар на мгновение вспарывает темноту и открывает нашему взору каменистую поверхность перекрещивающихся дорог. Затем шофер снова выключает свет: им можно пользоваться лишь несколько секунд, чтобы разобраться в обстановке и выбрать нужное направление. Переправляемся через горные потоки, газик буксует на скользком грунте, брызги и пена залетают внутрь машины. Наученный опытом поездки в Дьенбьенфу в прошлом году, Богдан старательно закрывает кинокамеру. Проезжаем по бамбуковым мостикам, таким хрупким и слабым, что страшно смотреть: не провалимся ли мы вместе с машиной? Бревнышки так и скачут иод тяжестью газика, колеса едва умецаются на настиле, не имеющем ограждения. Иногда навстречу идут грузовики, сплошь оплетенные ветками маскировочной зелени. Эти тяжелые машины переезжают речки и потоки прямо по дну.

Ночь еще только наступила, а вокруг темно, хоть глаз выколи. Дважды на паромах «форсируем» более широкие реки. Но и тут лишь изредка вспыхивают огоньки фонариков да пролетают светлячки. Едва паром пристает к берегу, как сопровождающая нас охрана торопит с выгрузкой: издадека доносится нарастающий гул самолетов. Известно, что переправы, броды и места, где курсируют паромы, находятся под неослабным наблюдением врага и чаще других объектов подвергаются ожесточенным бомбежкам.

Крутые повороты дороги. Пересекаем открытый, пустынный участок. Вокруг — горы, скалы, нависшие над головой глыбы камня. Газик подскакивает на дороге, словно футбольный мяч: чуть ли не на каждом шагу выбоины, ухабы, ямы, воронки — следы недавней бомбежки. Нас то и дело бросает то вправо, то влево, то вперед, то

назад. Несколько раз я с досадой потираю ушибленную голову: ну и дорожка, черт бы ее побрал!

— Надо крепче держаться! — стоически произносит Кхам Фой, разбуженный очередным подскоком газика.

Лучше не дремать — граница совсем близко. Еще один вираж горной дороги. Газик тормозит. В темноте возникают тусклые, расплывчатые огоньки. Вот они становятся более четкими. Нет, это не светлячки — это фонарики, прикрытые ладонями. Слышатся тихие голоса.

Мы выскакиваем из машины. Полной грудью вдыхаю чистый горный воздух. Вокруг пахнет мокрой листвой. В наступившей тишине я слышу знакомый мне еще по джунглям Южного Вьетнама отчетливый шелест. Это шумит в ночи раскачиваемый легким ночным ветерком бамбук...

Голоса все ближе. И вот оно слово, которое я выучила еще на прежних ночлегах:

— *Сабайди!*

Я знаю, что нужно ответить:

— *Сабайди, сахай!* Здравствуйте, товарищи!

От пыли, что поднялась на дороге, пересохло в горле. Хочу взять из машины термос с чаем, но тут из темноты кто-то протягивает мне полную кружку горячего кофе. Посыпались вопросы на ломаном французском языке: как мы себя чувствуем, здоровы ли, не слишком ли устали? Знаю, как ответить:

— *Котяй!* Благодарю! *Дилай!* Очень хорошо!

В моем заграничном паспорте есть виза, скрепленная печатью с гербом, изображающим трех слонов. Но никто не собирается заглядывать в наши паспорта. И без того известно, что приехали долгожданные, приглашенные Патет Лао гости: первые журналисты из Польши, направляющиеся в освобожденные районы Лаоса.

Тем временем подъезжает еще один газик. Он тоже по самую крышу овит зелеными ветками. Оказывается, лаосские друзья ждут нас здесь уже два дня. Во второй машине поедет охрана — группа вооруженных бойцов Патет Лао. Спрашиваю: зачем столько людей, неужто лишь для охраны нашей машины?.. Ответ прост и лаконичен: надо считаться с возможностью проникновения сюда «специальных сил», состоящих на службе у Пентагона и ЦРУ США. Они довольно

часто закладывают мины или устраивают засады на дорогах и горных тропах. Поэтому надо соблюдать максимальную осторожность. Словом, мы приехали с одной войны на другую: с вьетнамского фронта на лаосский. Да, именно так — на фронт, пересекающий длинные горные цепи Индокитая, на фронт, менее других известный в Европе, пылающий негасимым огнем борьбы...

Машины трогаются с места. Снова перед нами горы. Очередные виражи и подъемы, которые наша машина берет резко, под напряженное завывание мотора. Все время так трясет, что не успеваешь вздохнуть. Подбрасывает чуть ли не каждую минуту, и мы судорожно цепляемся за что попало... Идущая впереди машина вдруг исчезла за крутым поворотом, затем снова появилась и опять скрылась из глаз. Все больше и больше светлячков. Они искорками мелькают в ночной темноте. Порой за бортом машины возникают пучки гигантской травы. Пыль забивается в горло, уши, глаза — дорога сухая, словно тут никогда не было ливня. Правда, мы сами торопились попасть в освобожденные зоны Лаоса до наступления периода дождей. Вокруг непроглядная тьма. Лишь на мгновение сверкнут фары приближающегося встречного грузовика.

Мы уже находимся на территории страны, где начнется наша работа, но пока что мы ничегошеньки не видим. Вдруг наши машины останавливаются, и охрана просит нас выйти. Кругом — дремучий лес. Идем пешком по невидимой в темноте дороге, вернее — тропе. Вскоре сквозь ветви могучих деревьев начинает мелькать тусклый свет. Деревянные ступени, напоминающие приставные лестницы в селах мео, ведут нас в пещеру, выбитую в скальном монолите и прикрытую нависающей скалой.

— Вот мы и на месте! — громко произносит Кхам Фой. — Это как раз тот самый *тхам митхаб*, то есть «грот дружбы» или «отель дружбы», о котором я вам говорил.

Мы уже ночевали в таких гротах, когда ездили в Дьенбьенфу, по ту сторону границы. Но «отель дружбы» оказался более обширным, чем все прежние места постоя. Здесь нас ожидало трое лаосцев — один из них, наш коллега, журналист Чан Тхи Дуан с радиостанции «Нео Лао Хаксат».

Тихо потрескивает горящая белым светом бензоловая лампа. Плетеная циновка тщательно прикрывает огонь, чтобы он не был

виден издалека. Вокруг лампы роем вьются большие, какие-то пушистые бабочки и мелкое комарье. А в небе кружат американские самолеты. Вчера еще мы называли их по-вьетнамски *май бай ми*, а сегодня уже по-лаосски: *хья бинь Америка*. Слова разные, а значение одно — враг.

Скала вверху, скала под ногами, кое-где слой мелких камешков.

В боковом проходе мелькнул свет. Один из лаосцев жестом руки приглашает меня и Богдана следовать за ним. Пробитый в скале коридор приводит нас к большому помещению. В нем стоят шесть деревянных топчанов, лежат противомоскитные сетки, одеяла. Все это — для приезжих.

— Обязательно возьмите одеяло: ночи у нас холодные! — говорит проводник.

Мне кажется, что усталость исчезла бесследно — во всяком случае, мне очень хочется немедленно осмотреть хотя бы это «пещерное хозяйство». Однако на сей раз не только охрана, но и рассудительный Богдан категорически возражают: надо скорее ложиться спать — завтра с утра начнем знакомиться со страной и ее народом.

Откидываю краешек противомоскитной сетки. Рядом с топчаном — продолговатые отверстия, пробитые в скале. Сквозь них видны клочки звездного неба. Знакомый крик неведомой ночной птицы, который я слышала вчера: голос диких джунглей. Снова рокот самолетов — назойливый, отчетливый, угрюмый... Где-то далеко простонала земля, на которую упали тяжелые бомбы. Скалистый грот, где нас поселили, — отличное укрытие.

Мы уже в Лаосе.

Неведомый фронт

Лаос... Мысленно я вижу карту этой далекой страны, которую изучала задолго до того, как одной весенней ночью, перейдя границу, мы услышали слово:

— *Сабайди!*

Недавние воспоминания: Ханой, вечер, потом рассвет. Уже в шесть часов утра, как обычно в военных условиях, начинается трудовой день. Перед нами — блокноты и карта. Мы слушаем информацию о Лаосе — о его истории, о разыгрывающихся там драматических событиях. Мы — это представители польской печати, которые отправляются в Лаос как гости, приглашенные ЦК Патриотического фронта — Нео Лао Хаксат.

В столице Лаоса городе Вьентьяне побывал не один польский журналист. Там довольно часто можно услышать польскую речь: в этом городе находится пост Международной комиссии по наблюдению и контролю в Индокитае, и среди персонала поста — поляки. Но мы с Богданом не увидим столицы. В сложной лаосской обстановке просто невозможно связать поездку в освобожденные зоны с визитом в столицу — она «по ту сторону баррикад». Зато мы увидим то, что видели всего два или три европейца: освобожденные от врага районы страны, находящиеся под контролем Патет Лао.

Изучаем «алфавит» основных понятий и терминов, с которыми нам придется вскоре столкнуться, а затем объяснять нашим читателям. *Нео Лао Хаксат*. *Нео* по-лаосски означает «фронт», *Лао* — Лаос, *Хаксат* — «патриотический». Итак, Патриотический фронт Лаоса. *Патет Лао*, как мы обычно называем освободительную армию Лаоса, буквально означает «Страна Лао».

Объяснения наших собеседников, отлично знающих ситуацию в Лаосе, мы сопоставляем с имеющимися в нашем распоряжении материалами. Это облегчает нам более детальное ознакомление с географией, историей, политическими событиями в стране, название которой так легко рифмуется со словом «хаос». И хаос этот вызван не кем иным, как Вашингтоном!.. Мы записываем многочисленные даты и факты, названия и фамилии. В них отзвуки событий, эхо военных

действий, сложные дипломатические выкрутасы, политические махинации, интриги западных держав... И — человеческая кровь, потоками льющаяся в этом соседнем с Вьетнамом краю, так же как и Вьетнам, давно охваченном военным пожаром.

В те ханойские дни я записывала в своем дневнике:

«Лаос. Площадь: 231 тыс. кв. км. Наиболее короткая граница — с Бирмой, несколько больше — с Китаем и Камбоджей, самая длинная — с Таиландом и Вьетнамом...»

На карте Лаос похож на узкую и длинную полосу между горами Чыонгшон и рекой Меконг. На севере и на юге территория страны включает и часть правобережной долины Меконга. Наиболее гористой и живописной частью Королевства миллиона слонов считается Северный, или Верхний, Лаос. Климат его почти такой же, как и высокогорных районов Северного Вьетнама. Мы попадем в Лаос в промежуток между сухой порой и периодом дождей, в это время днем бывает 20–30 градусов тепла, а ночью температура резко падает.

Лаос... Население около трех миллионов человек. Но это лишь приблизительно: до сих пор никакой переписи в стране не было. Населена она примерно тридцатью народами, которые, в свою очередь, делятся на десятки этнических групп и племен, отличающихся друг от друга не только языком, но и обычаями, традициями, прошлым.

За тысячу лет до нашей эры в Лаосе появились кочевые племена. Первая их волна хлынула из Китая или — по утверждениям некоторых ученых — из Тибета. Другие племена пришли из ближних, соседних стран и даже с островной Индонезии. Значительно позже, в XII–XIII веках, в Лаос, по-видимому, пришли таи, которые были вытеснены из родных мест жестокими китайскими правителями. Племена таи захватили наиболее плодородные районы в долинах рек, оттеснив в леса и горы прежних жителей.

Основные этнические группы современного Лаоса — *лаолум*, *лаотхыи* и *лаосунг*. Предками группы лаолум, наиболее многочисленной (около 1 800 000 человек), видимо, являются таи. Группа лаолум расселена главным образом в городах, на равнинах и около рек. Занятия лумов — сельское хозяйство и рыболовство. С давних пор они пользуются сохой, окованной железом. Умеют строить плотины и оросительные каналы, питающие водой обширные рисовые поля.

Люди группы лаосунг (их около 200 тысяч) восходят к племенам, пришедшим в древности из Китая или Тибета. Они заселяют преимущественно труднодоступные плато Центрального и Южного Лаоса. Живут главным образом за счет охоты. Женщины группы лаосунг занимаются животноводством и возделывают на склонах гор небольшие участки земли, где выращивают мак, пригодный для изготовления опиума. Лаосунги — независимые, гордые, свободолюбивые горцы, которых, несмотря на долгие годы колониального владычества, не смогли покорить и сломить французы-колонизаторы.

На плоскогорьях и на каменистых склонах труднодоступных гор Центрального и Южного Лаоса живут люди группы лаотхынг. Их, по предварительным данным, около 600 тысяч. Более многочисленные и богатые лумы часто называли лаотхынгов презрительной кличкой *кха*, то есть «невольник», «раб». Лаотхынги — преимущественно кочевники, хотя они тоже выращивают горные сорта риса, возделывая землю способом «рай», то есть выжигая участки джунглей. Мужчины-лаотхынги занимаются охотой. Питаются тем, что дает им природа, — съедобными растениями и мясом диких животных, птиц и т. д. Многие племена лаотхынг находятся еще на стадии родового строя. Лаотхынги, как и лаосунги, свободолюбивы и не сдавались даже стократ более сильному врагу. Когда в XIII веке на территорию Лаоса вторглись войска Сиама, тогдашняя лаосская королевская армия капитулировала перед сильным противником. Но 300 тысяч горцев, принадлежащих к группе лаотхынг, не сложили оружия, несмотря на устроенную над ними зверскую расправу, от которой спаслось всего около восьми тысяч человек. Отдельные племена, входящие в группу лаотхынг, по мнению ученых, индонезийского происхождения и считаются потомками древнейших жителей этой страны. Вот названия некоторых племен: *лавель*, *алек*, *нгхе*, *ной*, *кони*, *су*. Все лаотхынги отлично владеют кремневыми ружьями, однако излюбленное их оружие — лук. Стреляют они из него мастерски, причем пользуются отравленными стрелами. Глаз у них наметанный, а рука твердая.

Французские колонизаторы пытались натравливать племена друг на друга, раздували вражду, племенную и религиозную рознь, сеяли смуту, раздор и злобу. Ту же подлую политику ведут сейчас и американцы, вторгшиеся в Лаос.

Лаос... История этого края насчитывает пять тысячелетий. Открытия и находки археологов позволяют утверждать, что страна заселена с незапамятных времен. Наиболее явственные и любопытные следы некогда высокоразвитой культуры обнаружены в Центральном Лаосе. Именно там можно увидеть огромные каменные сосуды, находящиеся в знаменитой Долине Кувшинов. Каждая гигантская амфора, полая внутри, вытесана из каменной глыбы и имеет почти трехметровую высоту. Около этих «кувшинов», назначение которых до сих пор остается загадкой, археологи находили каменные, глиняные и бронзовые изделия. Археологические работы в Лаосе, хотя велись они не систематически, позволили все-таки установить, что в этой стране еще за несколько веков до нашей эры существовала высокоразвитая цивилизация. Ученые доказали, что до сих пор в бассейне среднего Меконга живут потомки древнейших жителей Лаоса, относящихся к племенам индонезийского происхождения. Датой основания королевства Лаос, подтвержденной историческими источниками, считается 1353 год. Тогдашнее королевство Лаос занимало примерно ту же территорию, что и нынешнее.

Многочисленные легенды сопутствуют первым историческим сведениям, касающимся королевства Лан Чанг, или Лан Санг, — Королевства миллиона слонов. Кто был первым его монархом? Одни источники называют имя: Фа Лонг, который был незадачливым правителем и быстро уступил место своему энергичному сыну — Фа Камфонгу. В других же летописях отмечено имя короля Фа Нгума. Женившись на кхмерской принцессе, он породнился с могущественным двором Ангкора. По окончании десятилетней войны с сиамскими захватчиками (1340–1350) Фа Нгум был коронован и стал властителем Королевства миллиона слонов. Он ввел во всем краю буддизм хинаяны (Малой колесницы^[4]) и воздвиг известную статую Будды в своем дворце в Прабанге, от которого и происходит нынешнее название столицы — Луангпрабанг.

В течение XIV–XVIII веков Лаос часто подвергался нашествиям армий более сильных и лучше организованных соседей — сиамцев, бирманцев и вьетнамцев. Страна, непрерывно находящаяся в состоянии хаоса и анархии, стала распадаться на мелкие княжества. В начале XVIII века Лаос был разделен на три королевства:

Луангпрабанг на севере (зависимое от Сиама), Вьентьян (вассальное по отношению к Вьетнаму) и Чампассак (зависимое от Сиама и Камбоджи).

Лаос... XIX век. В начале этого столетия Сиам захватил центральную часть территории Лаоса вместе с городом Вьентьян. Примерно в середине XIX века обосновавшиеся в Южном Вьетнаме и Камбодже французские колонизаторы обратили внимание и на Лаос. Как раз в это время на территории Южного Китая столкнулись английские и французские интересы. Англия начала укреплять свои позиции в Сиаме, французы попытались овладеть берегами Меконга в его верхнем и среднем течении: отсюда они могли получить свободный доступ к Юньнани (Китай). В 1888 году, после осуществления предварительных «мер», проведенных под видом оказания «помощи» населению в его сопротивлении Сиаму, после инспирирования нескольких пограничных инцидентов, в Луангпрабанге появились французские войска. Окончательный захват Лаоса войсками Франции датируется первыми годами нашего столетия. К этому времени на территории Лаоса еще официально существовали три королевства. Однако в действительности власть королей едва распространялась за пределы столиц. Местные правители-феодалы владели отдельными районами края. Некоторые из них подчинились Франции, другие отказались признать новых «хозяев».

Новейшая история Лаоса: первое крупное вооруженное восстание против французских колонизаторов вспыхнуло в 1901 году на юге страны на территории провинций Чампассак и Саваннакет. Руководил им человек из народности лаолум. Лишь через два года колонизаторы с трудом подавили восстание.

Год 1910-й. Племена лавель и алек, принадлежащие к этнической группе лаотхынг, оказали яростное сопротивление сборщикам налогов и выступили против колониальных законов о податях, введенных французской администрацией. Направленные на плоскогорье Воловен налоговые чиновники вернулись с пустыми руками: жители плато, лаотхынги, категорически заявили сборщикам, что не признают распоряжений французов, потому что они «разбойники и грабители». Карательным экспедициям, срочно высланным в этот район для

подавления «расширяющегося бунта», пришлось отступить: они несли огромные потери.

С этим новым этапом борьбы лаосского народа связаны имена, которые нам посоветовали запомнить сразу и надолго.

— Вы обязательно услышите их в освобожденных районах! — предупредили нас ханойские товарищи.

Это имена тогдашних предводителей движения борьбы лаотхынгов: Онг Кео и Онг Коммадан. С тех пор лаотхынги не складывали оружия и отказывались повиниться колонизаторам в течение *двадцати семи лет!*

Одно из наиболее памятных восстаний в Лаосе вспыхнуло в 1918 году. Оно было вызвано чрезмерно высоким налогом на производство опиума, усилением принудительного труда в пользу колонизаторов и прислуживавших им князьков. Восстание охватило районы, заселенные племенами группы лаосунг.

Руководители более поздних освободительных восстаний в Лаосе — в тридцатых и сороковых годах — не преминули сделать необходимые выводы из этих событий. Опыт ранних восстаний пригодился и позже, уже в наши дни.

Вторая мировая война принесла Лаосу новые беды: в декабре 1941 года Япония оккупировала Лаос, как и соседние страны — Камбоджу и Вьетнам. Но в те годы уже набирались сил патриотические группы, стремившиеся к освобождению страны из-под чужеземного ярма и созданию единого лаосского независимого государства. Такие группировки возникли прежде всего в городах и состояли из молодежи и представителей интеллигенции Лаоса. Начало большому движению было положено. Одним из руководителей освободительного движения стал тогда принц Суфанувонг, двадцатый сын ныне покойного упахата (вице-короля) Лаоса Бун Конга. Умный, рассудительный, высокообразованный принц Суфанувонг — инженер по профессии, долго работавший в таких крупных морских портах, как Гавр и Бордо, выпускник парижской Политехнической школы, — не раз пытался убедить своих братьев и других лаосских принцев присоединиться к освободительной борьбе народа.

2 сентября 1945 года Япония капитулировала. Созданное во Вьентьяне временное правительство Лаоса провозгласило образование независимой республики. События развивались очень быстро.

Тогдашний король Сисаванг Вонг отрекся от престола. Лаосский народ поддержал временное правительство.

Однако французские колонизаторы решили «остаться» в Лаосе. Они атаковали страну с трех сторон. Патриотические силы под предводительством принца Суфанувонга оказали Франции упорное сопротивление. Отмечу памятную дату: 21 марта 1946 года. В тот день разгорелась ожесточенная битва под городом Такек, расположенным на реке Меконг, у скрещения дорог на Вьетнам и Камбоджу. Под натиском превосходящих сил врага лаосцам пришлось отступить. Колонизаторы, захватив Такек, устроили в городе бойню: самолеты французов буквально сровняли его с землей, остальное довершила пехота, дико преследовавшая население, бежавшее от врага. Принцу Суфанувонгу и его друзьям удалось переправиться на другой берег Меконга и уйти в Таиланд.

Но, вернувшись в «свой» Лаос, отнятый у них японцами в 1941 году, французские колонизаторы не чувствовали себя здесь так же уверенно, как до второй мировой войны. Лишь спустя пять месяцев им кое-как удалось установить контроль над столицей и главными путями сообщения Лаоса.

Тем временем король Сисаванг Вонг возвращается на престол и начинает сотрудничать с колониальными властями. Запутавшиеся в своей «грязной войне» в Индокитае, которая шла сразу на нескольких фронтах, колонизаторы вынуждены были пойти на некоторые политические уступки Лаосу. Однако эти уступки были не только ограниченными, но и явно временными. Так, в 1949 году была провозглашена «независимость» Лаоса... в рамках Французского Союза! В 1953 году был подписан договор о франко-лаосской дружбе и сотрудничестве. Всеми этими «мероприятиями» Франция пыталась спасти свои давно утраченные позиции в Лаосе. А освободительное движение тем временем нарастало и ширилось. Так же как и в соседнем Вьетнаме, здесь — в горах, в джунглях — возникали освобожденные зоны. Опыт революционно-освободительной войны вьетнамского народа и тактика его борьбы стали для принца Суфанувонга и его ближайших помощников предметом тщательного изучения. В освобожденных зонах Лаоса велась подготовка к длительной борьбе. Создавались запасы продовольствия. Руководители патриотических сил поставили перед собой цель — объединение и

сплочение всех этнических групп и племен в борьбе за свободу и независимость Лаоса.

13 августа 1950 года в небольшой деревушке, затерянной среди диких и непроходимых джунглей, состоялся конгресс освободительных сил Лаоса с участием представителей не только освобожденных зон, но и территорий, все еще оккупированных врагом. На конгрессе были представлены все слои общества и этнические группы. Присутствовал и сам принц Суфанувонг, человек, последовательно и решительно продолжавший бороться за полное освобождение страны от иноземного ига, оставшийся верным этому делу до сих пор.

Именно на конгрессе были созданы Национальный фронт, получивший название Нео Лао Итсала, а также его армия — Патет Лао. Было также образовано руководство Движения сопротивления во главе с принцем Суфанувонгом. Впервые за круглым столом переговоров собрались вместе представители всех этнических групп, до этого систематически «обрабатываемых» колонизаторами в духе вражды и распрей. В руководство вошли также предводитель группы лаосунг, легендарный Файданг и лидер группы лаотхынг — Си Тхон. Партизанские отряды были объединены и образовали Освободительную армию.

Март 1951 года. Представители освободительных движений трех индокитайских государств — Вьетнама, Лаоса и Камбоджи — подписали договор о союзе и взаимодействии. Несколько месяцев спустя, 8 сентября 1951 года, правительство США грубо вмешалось в дела суверенного Лаоса. Подписав в тот день «договор» с марионеточным правительством Лаоса, Соединенные Штаты начали отправлять в Лаос «советников», доллары и оружие.

Однако к 1952 году во всех провинциях Лаоса уже были созданы довольно крупные партизанские базы. И враг не отважился вторгнуться в освобожденные зоны.

13 апреля 1953 года началось большое наступление объединенных сил армии Патет Лао и пришедших ей на помощь вьетнамских добровольцев. На территории Лаоса сразу же была освобождена провинция Самнеа. Одновременно против общего врага выступили отряды лаосунгов и лаотхынгов. Французским войскам пришлось отступить на линию Сиенгкуанг — Луангпрабанг. А там их уже

поджидали отряды бойцов этнической группы лаолум. Лишь немногим подразделениям колониальной армии удалось вырваться из окружения. Вся освобожденная провинция Самнеа и значительная часть территории провинции Сиенгкуанг и Луангпрабанг образовали единую освобожденную зону площадью около 40 тысяч квадратных километров.

Год 1954-й. Освобождены от врага город Такек и часть провинции Саваннакет в Центральном Лаосе, плоскогорье Воловен в Нижнем Лаосе и провинция Фонгсали в Верхнем Лаосе. Причем около половины всей этой территории освободила армия Патет Лао. В освобожденных зонах население выбирает новую местную власть и отстраняет феодальных князьков. Земли, ранее принадлежавшие королю и вельможам, передаются крестьянам. Аннулируется закон о принудительном труде, а также отменяются налоги и повинности в пользу феодалов. Начата борьба с неграмотностью.

Женевское совещание 1954 года. Делегация Патет Лао в Женеве с 26 апреля признается официальной представительницей одной из воюющих сторон в Лаосе. Другой стороной признаны французская армия и королевское правительство. Лаосский вопрос не сходит с повестки дня конференции. По «женевскому компромиссу», достигнутому в результате конференции, в качестве центральной власти было признано королевское правительство во Вьентьяне. Войска Патет Лао должны были эвакуироваться из большей части освобожденных районов и отступить на север страны, в провинции Самнеа и Фонгсали. За признание руководством Патет Лао королевского правительства во Вьентьяне как основной и центральной власти Лаоса это правительство приняло на себя обязательства в области внутренней и внешней политики. Деятели освободительного движения и бойцы армии Патет Лао должны были находиться под защитой правительства и не подвергаться каким бы то ни было репрессиям и притеснениям. Населению гарантировались права, предусмотренные конституцией. На 1955 год планировались свободные, всеобщие, тайные выборы. После выполнения королевским правительством всех политических обязательств должно было произойти полное объединение страны. Кроме того, правительство обязалось не вступать в какие-либо военные союзы и не разрешать строить в Лаосе иностранные военные базы.

Словом, Лаосу предстояло начать совершенно новый этап своего существования в качестве суверенного, мирного, нейтрального и демократического государства. В Лаосе, как и во Вьетнаме, стала работать Международная комиссия по наблюдению и контролю за выполнением условий Женевских соглашений, состоящая из представителей Индии, Польши и Канады.

Патет Лао полностью и в срок выполнил все обязательства. Французские войска также эвакуировались из Лаоса. Ведя подготовку к участию в предусмотренных Женевскими соглашениями всеобщих выборах, руководители освободительного движения созвали в провинции Самнеа конференцию представителей демократических партий и массовых организаций. Вместо Нео Лао Итсала был создан Патриотический фронт Лаоса — Нео Лао Хаксат — во главе с принцем Суфанувонгом. Руководство Нео Лао Хаксат добивалось неукоснительного выполнения Женевских соглашений и объединения страны при условии сохранения демократии и суверенности.

Этого же Нео Лао Хаксат добивается и теперь. Одни и те же обоснованные и справедливые требования повторяются в официальных документах и заявлениях на страницах мировой печати даже в ходе нынешней войны, на новом этапе борьбы за свободу Лаоса. Но... реакция и США не хотят слышать подобных требований народа!

Год 1954-й. Американцы захватывают позиции, оставленные французами в Лаосе. На смену европейским захватчикам пришли заокеанские. В ответ на Женевские соглашения США создали СЕАТО — военный блок в Юго-Восточной Азии. Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес — тот самый, который отказался подписать Женевские соглашения и лишь «принял к сведению от имени Соединенных Штатов» факт их утверждения делегатами, — начал агрессивную кампанию против заключенного договора.

Посольство США в Лаосе сразу же предложило тогдашнему премьер-министру, брату Суфанувонга, принцу Суванна Фуме крупную финансовую помощь. Разумеется, эта «помощь» отнюдь не бескорыстна: «в обмен» правительство должно было саботировать постановления Женевской конференции, особенно те, которые касались нейтралитета и демократизации Лаоса. Кроме того, правительство должно было бы отдать всю страну «под военную

защиту сил СЕАТО», которые не замедлили бы атаковать отряды Патет Лао, размещенные в пограничных провинциях Самнеа и Фонгсали. В планах американских стратегов эти районы играют важную роль: отсюда совсем близко до Китая и ДРВ.

Однако принц Суванна Фума не согласился с такими «предложениями» и вместе с принцем Суфанувонгом установил дату — 9 сентября 1954 года — для начала переговоров по вопросу о выполнении Женевских соглашений. Одновременно решительное сопротивление «помощи» США оказал тогдашний министр национальной обороны Лаоса генерал Ку Воравонг, вскоре погибший от руки наемного убийцы. Это не первая и не последняя жертва среди патриотов Лаоса.

В результате во главе лаосского правительства оказался некий Катай, во всем согласный с американцами. Вашингтон довольно потирал руки — его планы осуществлялись.

Март 1955 года Даллес, возвращаясь из Бангкока, с конференции СЕАТО, посещает Вьентьян. Несколько дней спустя правительственные войска начинают широкое наступление против сил Патет Лао. Но, несмотря на американское вооружение и американских же «инструкторов», правительственной армии не удается достичь заметных успехов. Ни наземные войска, ни сбрасываемые с американских самолетов парашютисты-десантники, не могут одолеть армию Патет Лао.

Освободительные силы ведут лишь оборонительные бои. Патриотический фронт все еще надеется на честное и добросовестное выполнение Женевских соглашений. Международная комиссия по наблюдению и контролю направляет сопредседателям Женевской конференции — СССР и Англии — письмо, констатирующее, что военные операции, осуществляемые королевским правительством Лаоса, являются попранием Женевских соглашений.

Лето 1955 года. В Долине Кувшинов между представителями двух сторон — королевского правительства и Нео Лао Хаксат — идут переговоры. В конце концов подписана декларация о готовности сторон воздержаться от всяких враждебных актов. Политические вопросы, особенно подготовка к выборам, должны быть рассмотрены коалиционным Политическим советом. Однако правительство Катая не придерживается ни этих решений, ни условий перемирия, повторео

утвержденного в октябре 1955 года на конференции в Рангуне. В декабре того же года Китай решается на другой шаг: вопреки решениям Женевской конференции проводит в стране сепаратные выборы. Они сопровождаются террором по отношению к сторонникам Патет Лао и давним участникам лаосского Сопротивления.

Год 1956-й. Китай уходит в отставку — он видит, что ему не одолеть Патет Лао. Премьером во Вьентьяне вновь становится принц Суванна Фума, в то время все еще сторонник мира с Патет Лао.

Август 1956 года. На аэродроме во Вьентьяне приземляется самолет, в котором прибывает «красный принц» Суфанувонг. Впервые за десять лет руководитель сражающегося народа посещает родной город. Это он был инициатором еще одной конференции, на которой заключены два соглашения. Первое из них подтверждало обязательства Лаоса в области внешней и внутренней политики, принятые на Женевской конференции, и определяло право Патриотического фронта, а равно и других демократических организаций, на свободную политическую деятельность. Второе соглашение заключало в себе постановления, касающиеся подготовки всеобщих дополнительных выборов, которые должны быть проведены с целью увеличения числа депутатов и создания правительства национального единства.

31 октября 1957 года. Создано правительство национального единства во главе с принцем Суванна Фумой при участии двух представителей руководства Патет Лао. Принц Суфанувонг входит в состав кабинета как один из двух министров. Большинство пунктов заключенного во Вьентьяне соглашения последовательно выполняются. Могло показаться, что эта страна, измученная длительной войной, наконец-то познала радость мира и спокойствия. На состоявшихся в мае дополнительных выборах Патриотический фронт Лаоса и сотрудничающие с ним другие прогрессивные организации получают большинство голосов. Однако реакционные круги не собираются мириться с таким положением. Они немедленно переходят в атаку.

Прежде всего наносится тщательно подготовленный удар по... Международной комиссии ООН. Под нажимом проамериканских сил, объединившихся вокруг королевского двора, принц Суванна Фума требует ликвидации комиссии. Представитель Канады в этой комиссии

разделяет мнение премьера. Представитель Польши резко возражает против такого грубого нарушения Женевских соглашений. Представитель Индии поначалу колеблется, но... потом высказывается в пользу канадца. В результате комиссия прекращает свою деятельность, хотя и с оговоркой, что может возобновить ее «в случае необходимости». За несколько дней до этого решения королевские войска начинают наступление против 2-го батальона Патет Лао... Американцы считали, что теперь они могут беспрепятственно осуществлять свои дальнейшие планы, которые предусматривали несколько этапов.

Акт первый: объединяются две крайне правые лаосские партии, которыми руководят политики, широко известные своими проамериканскими взглядами: Катай и Сананикон.

Акт второй: свергается коалиционное правительство Суванна Фумы и создается правительство правых во главе с Сананиконом. Из правительства удаляются все представители Патет Лао.

Акт третий: создается крайне правая группировка — Комитет защиты национальных интересов Лаоса.

Акт четвертый: организуется длительный, задуманный в самых широких масштабах, усиленный террор против членов Нео Лао Хаксат и демобилизованных бойцов армии Патет Лао. Он проводится одновременно по всей стране. Гибнет множество людей, сотни патриотов брошены в тюрьмы. В Лаосе появляются бесчисленные американские «советники». Начинается строительство аэродромов и военных баз США. Американцы устанавливают контроль над королевской армией. Одному из батальонов Патет Лао, который не успели демобилизовать, удается вырваться из вражеского окружения и уйти в джунгли. Второй расформирован Вьентьяном.

Правительство объявляет в стране чрезвычайное положение. Многие бойцы Патет Лао, скрываясь от репрессий правительства и американцев, уходят в недоступные горные районы и создают там партизанские отряды...

20 июня 1959 года. Премьер Сананикон издает приказ об аресте принца Суфанувонга и других руководителей Нео Лао Хаксат, а также депутатов парламента от Патриотического фронта. Вьентьянское соглашение, заключенное в 1956 году, попроно и перестает действовать. В Лаосе вновь вспыхивает гражданская война.

В течение следующего года в Лаосе сменяется несколько «правительств». На политической арене появляются новые люди, которые руководят кабинетом во Вьентьяне. Одним из таких политиков стал некий Абай, другим — его заместитель Тео Сомсанит. Оба представляют крайне реакционные круги страны. Обстановка в Лаосе не улучшается и отнюдь не обещает установления мира.

Весна 1960 года. Находящимся под угрозой смерти руководителям Нео Лао Хаксат, в том числе принцу Суфанувонгу, удается бежать из вьентьянской тюрьмы Фон Кхенг. Они добираются до районов, контролируемых отрядами Патет Лао.

8 августа 1960 года. Часть офицерского корпуса королевской армии совершила переворот и свергла реакционное правительство Сомсанита. Впервые на страницах газет появляется имя организатора заговора, которое затем будет повторяться в различных контекстах. Это тогдашний капитан, а позже сразу генерал Конг Ле. Во главе вновь образованного правительства опять встает принц Суванна Фума. Он декларирует программу действий: установление мира в Лаосе путем заключения договора с силами Патет Лао, возвращение Лаоса к политике нейтралитета. Полную поддержку новому правительству оказывает не только парламент Лаоса, но также сам король и Нео Лао Хаксат.

12 октября 1960 года. Государственный департамент США требует от принца Суванна Фумы прекращения переговоров с Нео Лао Хаксат. За словесными угрозами следуют прекращение финансовой помощи Лаосу и экономическая блокада страны.

Суванна Фума высказывается за прием помощи со стороны Советского Союза. Одновременно принц заявляет, что он возглавит официальную правительственную делегацию, которая отправится в Китай и ДРВ с целью установления дипломатических отношений с этими государствами и получения от них экономической помощи.

Соединенные Штаты поддерживают путчистов и заговорщиков. После визита в Ханой принц Суванна Фума, беседуя в пути с польским журналистом Лонгином Зарембой, подчеркивает, что, «если бы не иностранное вмешательство, лаосцы быстро бы нашли путь к установлению мира».

А тем временем гражданская война в Лаосе продолжается. Мятежники захватывают Вьентьян. На политической арене появляется

еще один политик и военный предводитель с крайне правыми взглядами. Этот человек — генерал Фуми Носаван, представитель реакционных кругов, послушный американцам лидер «оппозиции».

Патриотические силы — члены королевского правительства и деятели Нео Лао Хаксат — консолидируются и приходят к обоюдному соглашению.

17 ноября 1960 года. Во Вьентьяне проходит встреча делегации Нео Лао Хаксат с представителями королевского правительства. Во главе правительственной делегации стоит министр иностранных дел Киним Фолсена, часто именуемый «левым нейтралитетом». Это горячий сторонник национального единения и нейтралитета Лаоса.

Переговоры идут под аккомпанемент артиллерийской канонады и пулеметной трескотни — мятежники непрерывно атакуют Патет Лао. Гражданская война не утихает. Королевские войска совместно с народными отрядами оказывают упорное сопротивление врагу, которого усиленно поддерживают американцы. Но столица, резиденция законного правительства, находится в зоне огня.

В этой критической ситуации командующим столичным гарнизоном — по решению правительства Суванна Фумы — становится капитан Конг Ле. После длительной и ожесточенной обороны Вьентьяна королевские войска и части Патет Лао вынуждены отступить из столицы. Вместе с ними уходит в джунгли большая группа молодежи. Долгие и упорные бои идут уже на предполье огромного плато Сиенгкуанг. Западная пресса называет это место — «ключом к Лаосу». На плато, окруженном труднодоступными горами, скрещиваются все дороги, ведущие из Восточного Лаоса на запад и с севера на юг. Этих дорог, проходящих через горные перевалы, проложенных в джунглях или вырубленных в скальном монолите, лишь несколько. Тот, кто их контролирует, держит в своих руках ключи ко всему Лаосу. С плато Сиенгкуанг можно в течение нескольких минут добраться воздушным путем до Ханоя, а через час — до Южного Китая. Если бы силы реакции овладели Сиенгкуангом, то это повлекло бы за собой прямую угрозу Китаю и шантаж в отношении нейтральной Бирмы, а также опасное соседство американцев у самой границы ДРВ. Поэтому одновременно с военными действиями внутри страны развернулась баталия за Лаос и на дипломатическом фронте.

Январь 1961 года. Глава королевства Камбоджи принц Нородом Сианук предлагает созвать конференцию 14 государств, заинтересованных в мирном разрешении лаосского конфликта. Цель конференции — положить конец дальнейшему кровопролитию в Королевстве миллиона слонов.

Американцы встретили это предложение в штыки. Однако позиция правительства Камбоджи находит решительную поддержку Советского Союза и других стран социалистического лагеря. В результате созывается новая Женевская конференция, достигшая успеха в решении лаосского вопроса. С 11 мая 1961 по 3 января 1962 года в Швейцарии идут переговоры, которые сопровождаются отголосками военных действий в самом Лаосе.

13 января 1962 года. После длительных, многомесячных дебатов, дискуссий, совещаний, дипломатических боев создано новое коалиционное правительство. Казалось, что после 17 лет беспорядков, хаоса и военных бед наконец-то в этой стране воцарится мир...

Надежды эти оказались иллюзорными. Равновесие в новом правительстве было кратковременным. Местные реакционные силы, за спиной которых стоят американцы, снова поднимают голову и плетут интриги и заговоры.

Февраль 1963 года. Гибнет, предательски убитый, полковник Кетсана, начальник штаба войск генерала Конг Ле. Он был нейтралитом, а вместе с тем и сторонником тесного сотрудничества с левыми деятелями в борьбе против американских интервентов.

В это время Конг Ле — тот самый, патриотизм которого казался неоспоримым, а желание сотрудничать с Патет Лао искренним и честным, — сбрасывает маску. Под видом преследования убийц полковника Кетсаны он развязывает террор против... собственных солдат, симпатизирующих Патет Лао! Убийцы же Кетсаны остаются «необнаруженными»...

Конг Ле беспощадно, не жалея крови, расправляется со своими офицерами и солдатами, которые выступали за сохранение и укрепление единства всех патриотических сил. По его личному приказу 6 апреля 1963 года расстреляны два офицера и двадцать пять солдат одного из батальонов. Затем, поддержанный сторонниками Фуми Носавана, он неожиданно атакует отряды Патет Лао. Правда, наступление это заканчивается поражением войск Конг Ле. Кроме

того, полковники Дьон и Буфа отказываются от дальнейшего подчинения Конг Ле и начинают сотрудничать с Патет Лао.

1 апреля 1963 года. От руки убийцы-заговорщика погибает Киним Фолсена, министр иностранных дел королевского правительства. Он, как и другие патриоты, выступал в поддержку национального единства и нейтралитета Лаоса. Пресса США трубила всюду, что Фолсена «оказывал плохое влияние» на принца Суванна Фуму. Поэтому он и должен был погибнуть...

Январь 1964 года. В главной базе сил Патет Лао — провинции Самнеа — начинаются переговоры между двумя братьями: руководителем Нео Лао Хаксат принцем Суфанувонгом и предводителем нейтралистов принцем Суванна Фумой. Оба брата достигают согласия в вопросе о созыве конференции представителей трех политических группировок: левых, нейтралистов и правых. Но реакция отвечает на это лихорадочной подготовкой к новым атакам на патриотов.

18 апреля 1964 года. Поздно вечером полиция и воинские части, подчиненные генералу Фуми Носавану, начинают возводить на улицах Вьентьяна баррикады и засеки из колючей проволоки. В два часа ночи раздается беспорядочная стрельба — совершается государственный переворот. Реакционные генералы — Купрасит Абай (военный комендант Вьентьяна) и Сихо (начальник ведомства безопасности) пытаются захватить власть. Правительство Национального единства арестовано. Принц Суванна Фума подает в отставку. Однако на следующий день под нажимом посла США он остается во главе нового правительства, но уже в качестве союзника правых. Добровольно или по принуждению — кто знает?..

Прогрессивные силы Лаоса совершенно отстранены от участия в управлении государством. Конг Ле открыто переходит на сторону правых и спустя неделю после переворота начинает наступление на районы, занятые силами Патет Лао. Но, несмотря на явную поддержку тайландских и американских батальонов, ему приходится отступить. Конг Ле терпит фиаско и во время следующей наступательной операции в мае того же года — четыре батальона не желали делить с ним лавры предателя и перешли на сторону Патет Лао. Авантюрист и демагог Конг Ле становится жалкой фигурой: это генерал без армии... Как в известном афоризме: «Мавр сделал свое дело — мавр может

уйти!» Вожаки переворота — Купрасит и Сихо — без особых церемоний отодвинули новоиспеченного генерала в сторону, так же как до этого обошлись с Фуми Носаваном, давним агентом американской разведки.

Два очередных переворота — в 1964 и 1966 годах — внесли еще большую сумятицу в хаотическое состояние Лаоса. Положение обострилось до предела.

Многолетнее и наглое вмешательство Соединенных Штатов в дела этой страны давно превратилось в вооруженную интервенцию. Уже с 1984 года американские самолеты систематически бомбят районы, контролируемые Патет Лао. И с той поры война в Лаосе не утихает...

Толстая общая тетрадь исписана заметками, справками. Тут записаны рассказы людей, хорошо знающих нелегкую историю Лаоса и его нынешнее положение. Ход происходящих событий мы будем прослеживать изо дня в день, дополняя полученные сведения своими личными наблюдениями, собственными выводами из всего увиденного нами на «неведомом фронте».

Мы будем писать о войне, которая мало еще известна в Европе, хотя она и идет совсем рядом с Вьетнамом, имя которого не сходит со страниц мировой печати. «Неведомый фронт», «забытая война»... Трудно говорить о ней, пока не видишь ее вблизи. Еще тяжелее — без знания всех индокитайских проблем — понять и верно оценить события, происходящие в Королевстве миллиона слонов. Одно лишь бесспорно: если бы не интервенция Соединенных Штатов — интервенция наглая, грубая, не разбирающаяся в средствах и методах, — лаосскую землю не перепахали бы американские бомбы. Страшные следы этих бомбежек мы видим на каждом шагу, с первого же дня, как только пересекли лаосскую границу.

Познать, оцепить и приблизить к европейскому читателю реальность военной действительности Лаоса — вот наша основная задача. Донести до мирового общественного мнения всю правду о кровавых преступлениях американского империализма и о мужестве, патриотизме, стойкости лаосского народа — вот наша цель.

Ради нее я и поехала на этот «неведомый фронт».

В гостях у коллег

Несколько лет назад я носила черную хлопчатобумажную блузу — такую же, как у всех членов Национального фронта освобождения Южного Вьетнама: я довольно долго находилась в освобожденных зонах. В Лаосе с первого же дня приезда в районы, контролируемые Патет Лао, мне пришлось надеть форму бойца Армии освобождения. Она проста и удобна: зеленая блуза военного покроя, брюки, сандалии, плоская фуражка. Такая форма сливается с фоном джунглей. В столь тяжелых условиях, когда вся территория непрерывно подвергается налетам «хья бипь Америка», а на дорогах и тропах можно наткнуться на засаду «специальных сил», носить яркую или заметную среди зелени одежду просто нельзя. Кроме того, надев форму Патет Лао, мы — польские журналисты — еще раз подчеркнули солидарность с армией борющегося народа. Солидарность, доказательством которой является наш приезд в освобожденные зоны и наша работа здесь.

Вокруг громоздятся высокие горы и сурово шумят непроходимые джунгли. Дикие, хаотически разбросанные скалы, окружающие долину, в которой мы оказались прошлой ночью, кажутся гигантским оборонительным валом. При дневном свете я могу более детально рассмотреть пещеру, где мы нашли приют. Широкий скальный навес прикрывает вход в жилые гроты, находящиеся примерно на высоте второго этажа. Рядом со своей «спальней» я заметила расщелину и мрачный провал; подходить к этому месту категорически запрещено.

Я уверена, что у наших спелеологов и скалолазов тут было бы много интересной работы.

Гроты и пещеры — неперенный элемент лаосской жизни в условиях «грязной войны» США.

— Мы здесь живем и работаем, — сказал утром Дуан. — Это самые лучшие укрытия для наших школ, предприятий и больниц.

...Мы идем по долине, где одуряюще пахнут нагретые солнцем растения и травы. На первый взгляд местность кажется пустынной и безлюдной. Однако порой слышатся человеческие голоса. Откуда же

доносится говор? Внимательно осмотревшись вокруг, я замечаю на склонах ближайших гор какие-то ниши, расщелины, лазы...

— Да, — заметив мой вопросительный взгляд, говорит Кхам Фой, — здесь повсюду живут наши люди.

Увы, это правда. Именно в таких условиях живут люди, которых американские захватчики пытаются вернуть назад, в каменный век.

Внешне окружающий пейзаж выглядит вполне спокойно, мирно. Самолетов пока не видно и не слышно. Может быть, потому, что из-за гор наплывают тяжелые облака? Очень душно, невыносимо парит — вероятно, будет гроза. Тяжелый воздух невидимым грузом давит на землю.

Все здесь огромно — и горы, и деревья. В могучих стволах — широкие трещины. Из них сыплется труха, пахнет гнилью и плесенью. Есть такие дупла, в которых свободно может спрятаться взрослый человек.

Что-то блеснуло в густой траве. Я машинально наклоняюсь, но Дуан опережает меня.

— Не трогай! — сурово предупреждает он.

Сам разгребает заросли и осторожно вынимает оттуда кусок разъеденного коррозией металла. Рассматривает его и лишь затем передает мне. Это начинка шариковой бомбы.

Мы обходим огромную воронку, которую пока не затянуло жадной тропической зеленью: след бомбежки, совершенной американцами три дня назад. На тропинке искрятся кусочки станиоля, сброшенного с вражеских самолетов... Среди огромных корней, алчно оплетающих скальный горб, лежат металлические бочки, тщательно укрытые зелеными ветками. Здесь склад горючего.

Скала образует широкий навес. Под ним — выкопанное в грунте углубление. Все это прикрыто каменной стенкой и крышей из бамбуковой плетенки. Через нее проходят ствол и воздушный корень массивного дерева. Внутрь помещения ведет стремянка с бамбуковыми ступеньками. Там царит полумрак: крыша вплотную прилегает к насыпи из плотно утрамбованной земли.

— Бамбуковая плетенка защищает от шариковых бомб, — объяснили мне журналисты из газеты «Лао Хаксат».

Это было сказано в первые же минуты, когда прозвучали слова приветствий и мы обменялись дружескими рукопожатиями. Как

сувенир от лаосских друзей и коллег по профессии мы получили невзорвавшиеся шариковые бомбы — пресловутые «ананасы». Металлический корпус, по форме напоминающий ананас, снабжен веером жестяных крылышек. Во время полета они увеличивают скорость «ананаса», который при взрыве выбрасывает сотни стальных шариков или кубиков, наносящих такие же страшные ранения, как и знаменитые пули «дум-дум».

Рассматриваем пахнущие свежей типографской краской номера газеты «Лао Хаксат». Выходит она каждую педелю. Тираж — три тысячи экземпляров. Это очень много, если принять во внимание условия работы в подполье. И... очень мало, если учесть запросы. Каждый номер газеты передается из рук в руки и зачитывается буквально до дыр.

— Работа у нас нелегкая, — рассказывают мне редакторы Ам Кханг и Боу Лиен. — В редакции нас девять человек. У каждого немалый опыт освободительной войны. Однако нам не хватает профессиональных знаний и умения делать газету. Учит нас сама жизнь, война...

Распространяют газету всеми возможными способами, главным образом в освобожденных зонах, но попадает она и на территорию, занятую врагом. Очень трудно доставлять газету в те районы, где вообще нет дорог, да и троп маловато, а связь и средства сообщения почти не работают. Самые активные распространители печати Нео Лао Хаксат — местные жители. Они добираются до глухих и почти безлюдных уголков страны — в глубь джунглей и в маленькие селения, затерявшиеся в лабиринте гор, в глубоких ущельях.

— Завтра начнем рассылать новый номер «Лао Хаксат». Это не единственная наша газета: в той типографии, которую вы собираетесь посетить, вам покажут, как готовится свежий номер газеты армии Патет Лао. Разумеется, мы условно называем ее «газетой» — если она выходит раз в неделю или в две педели, ото уже значит многое... Сейчас работать в типографии, несмотря на все трудности, значительно легче, чем несколько лет назад. Впрочем, увидите сами. Но вы непременно должны написать об этом...

Снова следы бомбежки: обломки скалы, давние воронки, заросшие травой, свежие ямы, зияющие красноватой землей. Как рассказывает Дуан, недавно поблизости были захвачены двое

американских летчиков, которые спустились на парашютах: их самолет был подбит зенитчиками Патет Лао.

Долина. Среди буйной травы бродят два буйвола. За ними неторопливо шагает подросток-пастух. Окидывая нас любопытными взглядами, мимо проходят две милovidные девушки. При дневном свете я могу получше разглядеть лаосцев. Мужчины невысоки ростом, зато более коренасты и плечисты, чем вьетнамцы. Женщины одеты весьма живописно: короткие блузки и длинные, до самых щиколоток, украшенные по подолу красивой вышивкой юбки. Волосы у них уложены в узел, плотно лежащий на самой макушке.

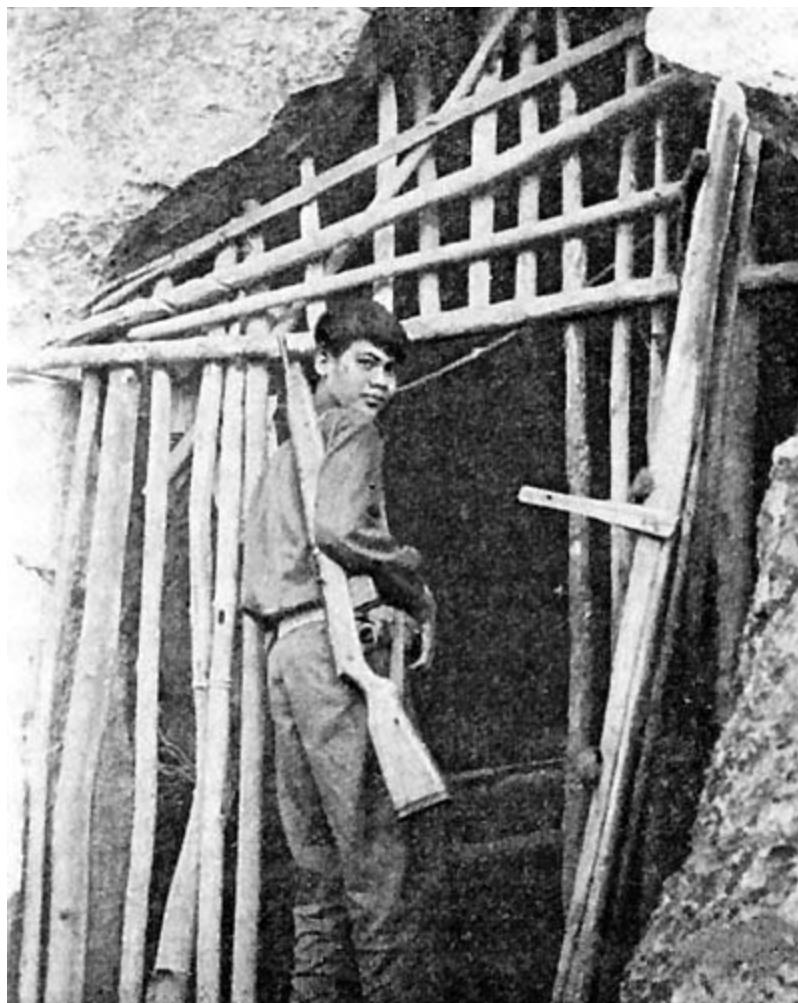
...Снова громоздятся высокие серые горы, кое-где просвечивают лысины меловых слоев. Впереди довольно странная скала: она напоминает черную пористую пемзу. Вокруг нее — полоса леса, тоже черного, обгоревшего.

— Здесь бушевало пламя напалма! — объясняет мне Кхам Фой.

Толстые, узловатые корни на крутой тропинке. Огромные камни лежат так, что напоминают ступени. Карабкаемся по ним к пещере. Вход в нее снаружи прикрыт навесом: защита от осколков и шариковых бомб. Внутри — деревянные топчаны, на них лежат свернутые рулонами противомоскитные сетки, полотенца, одеяла. Есть будильник, велосипед, транзисторный приемник.

У входа нас встретил молодой солдат с винтовкой в руках. Судя по внешнему виду, ему не больше пятнадцати лет. Из пещеры вниз ведет приставная лестница, по которой с необычайной ловкостью взбирается пес какой-то бурой масти. На скальной стене пещеры — лозунги и призывы, написанные лаосским алфавитом, в котором я ничего не понимаю: придется просить протранскрибировать тексты. Но об этом я напомню моим спутникам несколько позже — пока что меня привлекла знакомая картина: типографская наборная касса. Рядом молодой человек, присевший на краешек бамбукового топчана, корректирует гранки только что отпечатанной статьи. Коренастый лаосец в кожаной куртке подходит к нам с приветственно поднятой рукой. Его зовут Си Тха, он руководит этой типографией. Он хотел бы узнать: действительно ли я та самая журналистка из «страны Полой» (так по-лаосски называется Польша), которая полемизировала с известным американским писателем по вопросу о защите Вьетнама?.. Я подтверждаю: да. В свое время было опубликовано мое открытое

письмо Джону Стейнбеку. Это был мой ответ на его клеветнические измышления по адресу Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. Но как узнал об этом руководитель типографии, затерянной в диких джунглях Лаоса?

Юный партизан у входа в грот

Видя мое изумление, Си Тха улыбается и говорит:

— Об этом сообщило радио Нео Лао Хаксат, представляя народу первых гостей из «страны Полой», которые прибыли с дружеским визитом в наши освобожденные зоны.

...Мое внимание привлекают странные звуки, которые по мере приближения к гроту я слышу все отчетливее. Си Тха подтверждает

мою догадку:

— Да, это динамо-машина, установленная в подземелье. Благодаря ей наша типография бесперебойно получает электроэнергию... Вы спрашиваете о тех бомбежках, следы которых видели поблизости? О, мы давно привыкли к этому: скажу для примера, что только в шестьдесят шестом году эти окрестности были атакованы американцами *пятнадцать* раз! Вокруг нас неоднократно разрывались бомбы, снаряды и ракеты, горел зажженный напалмом лес, градом сыпались шариковые бомбы...

Из грота выходит молодой лаосец. На руках у него малыш. Пальцами левой руки он сжимает пачку гранок. Это Чап Тхе, один из наборщиков. Щуплый, низкорослый, с буйной шевелюрой, он похож на мальчика. Но внешность обманчива — этот человек уже много лет работает в типографии.

Чан Тхе передает младенца жене — молоденькой лаоске, одетой в белую блузку и красную юбку (эти цвета так неожиданны на фоне сурового скального пейзажа!). Затем наборщик садится рядом с нами. Я беру из его рук первую гранку... О диво! Читаю и не верю собственным глазам! Ясно вижу слово: «Унгуентум»... Знакомые слова, набранные латинским шрифтом среди лаосских арабесок...

— Это этикетки для лекарств, выпускаемых нашими лабораториями, а также инструкции, как пользоваться ими, — объясняет Си Тха.

Грот — самое надежное убежище для детей Лаоса

Маленькая девочка с косичками-хвостиками — еще один ребенок Чан Тхе — прильнула к коленям отца. Две другие девочки постарше примостились на топчане. Все трое поглядывают на нас с любопытством, их черные глазенки блестят... У меня сжимается сердце... Дети, младенцы — в пещерах, без света... Их дом — скальные укрытия, мертвый камень. Деревянные нары и висящая над ними противомоскитная сетка. Редкие выходы на поверхность, где свет, тепло и лучи солнца: там постоянная опасность налета «хья бинь Америка»...

— Наша типография имеет сравнительно давнюю историю, — с некоторой гордостью в голосе начинает свой рассказ Си Тха, — Она была создана в пятидесятом году, когда еще существовал Нео Лао Итсала... Знаете ли вы, что так назывался наш Патриотический фронт в годы первого Соппротивления? То была предыдущая война...

Эти слова «предыдущая война» напоминают мне, что начиная с 1954 года, с Женевской конференции — той «первой», решения которой касались всего Индокитая, — ни на один день не стихал в этой

стране грохот войны, не прекращались бон, разрушения и гибель мирного населения. А Си Тха продолжает:

— Типография функционировала не только в провинции Самнеа, но и в других местах, более выдвинутых к юго-востоку. Первой нашей «машиной» были простые литографские камни. Вы спрашиваете, сколько нас работало тогда?.. Шесть человек. Мы прямо с камня печатали призывы и лозунги, объявления и листовки. Самый большой тираж — тысяча экземпляров: сфера нашего влияния, да и сама территория освобожденных районов были тогда незначительными. Но в пятьдесят втором году наша типография расширилась. Число сотрудников тоже возросло — стало пятнадцать человек. У нас было уже десять литографских камней, накопился опыт. Мы стали работать лучше и эффективнее. Но увеличились обязанности и усложнились задачи, а решить их было не так-то просто...

Мой собеседник задумался.

— В пятьдесят втором году силы Нео Лао Итсала готовились к освобождению трех провинций Северного Лаоса: Сампеа, Фонгсали и Сиенгкуанг. Мы, работники типографии, тоже приняли в этом участие. Разделенные на две группы, мы последовали за армией, а вместе с нами путешествовало и все имущество типографии. Трудные дни пережили мы тогда. Правда, все, что требовалось нам для выпуска объявлений, листовок и бюллетеней, было под рукой. Но каждый из нас тащил на своих плечах по двадцать килограммов груза: кроме личных вещей и НЗ приходилось нести тяжелые литографские камни и прочий инвентарь. А если было нужно, мы помогали солдатам переносить оружие и боеприпасы. Нам были необходимы рис и соль. Вы знаете, что у нас, в горах, почти всегда не хватает соли. Но не менее нужно было печатное слово, призывающее к борьбе и победе, к лучшему будущему и желанному миру... Если нам позволяли время и обстоятельства, на привалах мы спешно печатали газетки и распространяли их среди бойцов. Те из них, которые умели читать или хотя бы разбирать по складам, делились прочитанным со своими товарищами...

Мерный шум динамо-машины, долетающий из скального укрытия, не умолкал ни на минуту. Из глубины джунглей доносилось щебетание каких-то тропических птиц. Но все это не мешало мне внимательно слушать и записывать повествование Си Тха. Многие

факты, известные нам только по сводкам и коротким сообщениям в печати, приобретали сейчас большую ясность и значение.

— В июле пятьдесят четвертого года, после Женевы, нам показалось, что Лаос наконец-то вздохнет спокойно, что мы будем жить на своей земле свободными и независимыми. Силы Движения сопротивления, как вам известно, должны были перегруппироваться и передислоцироваться. Наша типография к тому времени находилась в районе крупного передвижения войск... Но вопреки нашим ожиданиям враг не прекращал атаковать те провинции, которые были территорией перегруппировки... С пятьдесят шестого года, когда Национальный фронт Нео Лао Итсала был преобразован в Нео Лао Хаксат, мы оказались в непосредственном подчинении его руководства. Много внимания уделил нам тогда и дал очень ценные советы председатель комиссии по воспитанию Тяо Сук Вокгсак...

— Председатель комиссии по воспитанию — это нечто вроде министра просвещения? — спрашиваю я, вспоминая названия комиссий в ЦК Национального фронта освобождения Южного Вьетнама.

— Да. Тяо Сук Вокгсак по-прежнему интересуется нами, и мы всегда можем рассчитывать на его помощь. Он не прекращает своей деятельности и в нынешнем Сопротивлении.

Короткая пауза. «Не прекращает своей деятельности и в нынешнем Сопротивлении», — повторяю я. Простые, обычные слова. Да, для многих людей, с которыми мне вскоре предстоит встретиться, в особенности для представителей старшего поколения, война длится непрерывно уже двадцать с лишним лет!

— Вскоре после окончания прошлой войны число сотрудников значительно возросло: коллектив типографии состоял из сорока пяти человек. Не отказываясь от старой литографской техники, мы научились пользоваться полученными тогда полиграфическими машинами — более современными в наших условиях, но разумеется, несколько устаревшими с вашей точки зрения. У нас тогда появились два педальных китайских станка и одна старая французская печатная машина, дававшая возможность выпускать некоторые издания в красках. Из Вьетнама нам прислали станок местного производства для резания бумаги. Мы стали издавать не только листовки и бюллетени, но также и газеты. Когда Нео Лао Итсала был преобразован в Нео Лао

Хаксат, мы организовали выпуск его центрального органа. Газета выходила поначалу нерегулярно, а затем точно каждые две недели. Тираж — три тысячи экземпляров — распространялся по всей стране. Наверное, вам такой тираж покажется мизерным?.. Но вы должны понять, что нам было нелегко даже в тот период, сначала казавшийся мирным. Мы были рады и тому, что могли подготовить учебники для школ, для наших детей...

Слушая рассказ Си Тха, я вспоминаю некоторые цифры: во времена колониального владычества, то есть до 1954 года, в Лаосе насчитывалось 90 % неграмотных; что же касается начального обучения, то это были преимущественно религиозные школы при буддийских пагодах, преподавали там бонзы. Да и число учеников в этих школах не превышало — в целом по стране — 10 тысяч. Лишь двести учащихся имели доступ в единственную полную среднюю светскую школу «для туземцев», как называли ее представители французской колониальной администрации. Но и эта школа не давала права на получение аттестата зрелости. Лишь в 1947 году французы открыли во Вьентьяне первую и единственную учительскую семинарию. Иначе было в освобожденных зонах: руководители Нео Лао Итсала делали все, чтобы даже в условиях войны вести активную борьбу с неграмотностью.

В 1957 году, после заключения дополнительных соглашений во Вьентьяне, по решению руководства Нео Лао Хаксат типография была разделена. Часть ее, вместе с сотрудниками и некоторыми машинами, осталась в провинции Самнеа, остальное было переведено во Вьентьян, где, как рассказывает Си Тха, ЦК Нео Лао Хаксат купил еще одну печатную машину и бумагорезку. К сожалению, часть типографского оборудования, оставшаяся в Самнеа, вскоре была разграблена реакционными и проамериканскими элементами.

— Во Вьентьяне мы работали довольно успешно. Газета «Лао Хаксат» выходила регулярно раз в неделю. Мы увеличили ее тираж до двенадцати тысяч экземпляров. Она проникала не только в соседний Вьетнам, но даже — о чем мы узнали позже — во Францию... Как? С помощью учившихся там студентов из наиболее состоятельных лаосских семей. Типография и ее деятельность вызвали огромный интерес среди многих наших соотечественников. К нам приходили на

экскурсии учащиеся, бонзы, купцы... Это было нечто совсем новое в истории моей родины.

Растущий интерес населения к типографии, подчиненной Патриотическому фронту, не понравился местным реакционерам. Они попытались запугать печатников, но их действия ни к чему не привели. Тогда подошли с другой стороны: хотели подкупить, соблазнить более выгодными условиями работы в типографиях, подчиненных режиму Фуми Сананикона. Но и эти попытки успеха не имели. Наконец в 1959 году правительство Сананикона перешло в открытое наступление: газету закрыли.

— Нам казалось тогда, что все кончено... Тем более что на патриотов обрушился еще более страшный удар: руководители Нео Лао Хаксат во главе с принцем Суфанувонгом были брошены в тюрьму...

— Не могли бы вы вспомнить какое-нибудь событие тех трудных дней? Наиболее памятный момент или факт?

— Таких моментов было много... Хотите знать, как враг мешал нашей работе? В течение длительного времени полиция осаждала типографию, не позволяя нам выходить на улицу. Это просто счастье, что в предвидении тяжелых дней мы создали солидный неприкосновенный запас продовольствия. Некоторые жители соседних домов — украдкой, обманывая вражескую охрану и полицейских, — ночью передавали нам вареный рис... Мы слышали непрекращающиеся угрозы, что скоро наступит день окончательной расправы с такими, как мы, и что никто тогда нас уже не защитит... Казалось, что слова эти оправдываются. Поначалу мы рассчитывали на помощь Первого батальона сил Патет Лао, который тогда дислоцировался во Вьентьяне. Вы слышали о нем?

Я молча киваю.

— Но этот батальон перестал существовать: его расформировали. Мы тогда еще не знали, что Второму батальону удалось избежать такой же участи, что он вырвался из вражеского окружения и ушел в джунгли.

Эта «война нервов» продолжалась сорок пять дней. Несмотря на угрозы полицейских, рабочие выстояли. Правда, их все время обвиняли в сокрытии оружия, в «подрывной» деятельности. Однако полиграфисты не дали спровоцировать себя и не покидали степ

типографии. Их отвага и хладнокровие произвели впечатление даже на полицейских: некоторые из них, предусмотрительно оглядываясь по сторонам, чтобы не увидели сослуживцы, предупреждали рабочих об очередных провокациях.

А тем временем силы реакции росли. Развязанный режимом Сананикона террор свирепствовал по всей стране. Дальнейшее сопротивление рабочих типографии, осажденной врагом, становилось бессмысленным, безнадежным. Издалека, из освобожденных зон, контролируемых силами Патет Лао, пришло распоряжение: «Если кто-либо из вас хочет остаться на месте, в семье, пусть останется. А тем, кому отчизна дороже собственной жизни, желаем скорого возвращения к нам. Предупреждаем, что их ждут еще более трудные дни, чем прежде».

— ...Многие из нас тогда ушли на север, в джунгли Верхнего Лаоса. Нам приходилось делать это очень осторожно, чтобы по нашему следу не бросились шпики и «подсадные утки» врага. Стоял уже сентябрь пятьдесят девятого года, когда мы наконец добрались до баз Патет Лао. Наши руководители все еще томились в застенках реакционного режима. Но мы уже знали, что наступает новый этап борьбы и что она будет долгой... Нам пришлось все начинать сызнова — у нас была одна примитивная машина и всего четырнадцать рабочих, причем половина малоквалифицированных. Однако мы уже накопили немалый опыт, знали многое и могли использовать свои знания не только на работе, но и при обучении молодых товарищей.

В августе 1960 года, когда было создано правительство национального единства, провинция Самнеа вновь оказалась под контролем патриотических сил. Наступившие перемены сразу же сказались на жизни и труде полиграфистов.

— Именно тогда мы получили нужные нам машины, причем не откуда-нибудь, а именно из социалистических стран! — с гордостью говорит Си Тха. — Они работают по сей день. Бережем их как зеницу ока. У нас семь типографских машин из ГДР и советская силовая установка. Все это помогает нам трудиться лучше, производительнее и эффективнее, чем когда-либо прежде. И, несмотря на то что надежды на мир не осуществились, несмотря на растущее вмешательство и интервенцию США, несмотря на усиление войны, типография наша

работает в полную силу. Правда, дается это нам нелегко. Вот например: в первое пятилетие эскалации войны, то есть с шестьдесят четвертого года, нам пришлось около сорока раз передислоцировать свою типографию!.. Вы спрашиваете, как мы транспортировали машины? Тяжелые узлы приходилось нести на собственных плечах, используя крепкие жерди, к которым подвешивали груз... На новом месте все начинали сначала — монтировали, опробовали, прилаживали... Теперь наши «путешествия» проходят более четко и быстро: человек привыкает ко всему. Откуда у нас бумага? Из соседних дружественных стран, в том числе из Вьетнама. Кстати сказать, вьетнамские специалисты, которые готовили новые кадры наших полиграфистов, научили нас делать бумагу из бамбуковой массы. Принц Суфанувонг помог нам получить первый комплект лаосского шрифта... Центральные органы Нео Лао Хаксат присылают продовольствие, которого хватает на десять месяцев. Остальные два месяца мы обеспечиваем себя сами...

— Экономическая независимость? — полушутя спрашиваю я, показывая на множество кур, неторопливо блуждающих по гроту; время от времени они меланхолично кудахчут, словно желая вмешаться в нашу беседу.

— Да, если хотите! — соглашается Си Тха. — По вьетнамскому опыту вы уже знаете, как важно сейчас выращивать собственный рис и овощи в каждом хозяйстве, какое значение для общественного питания имеет откорм поросят и кур. Правда, с этим делом у нас много хлопот: в горах значительно труднее, чем в долинах, обводнять рисовые плантации. Наши крестьяне преимущественно обрабатывают землю огнем, то есть выжигают некоторые участки в джунглях под рисовые поля. Всюду, где только возможно, растут посаженные нашими руками овощи и зреет рис. Благодаря созданным запасам продовольствия мы можем помогать армии, снабжая ее тем, что нам удастся собрать с полей и огородов... Кроме того, мы ведем просветительную и пропагандистскую работу среди населения. И от руководства, и от комиссии по просвещению при ЦК Нео Лао Хаксат мы четырежды получали почетные грамоты...

Пока мы беседуем с Си Тха, работа в типографии не прекращается ни на минуту. Спускаемся в подземелье.

— Фантастика! — бормочет Богдан Мошкевич, вообще-то не очень щедрый на похвалу.

В руках у него кинокамера. Она то и дело стрекочет: Богдан увековечивает незабываемые картины пещерной жизни.

Тесный проход ведет нас из первого, «жилого», грота еще глубже в скальный лабиринт. Гроты разветвляются узкими коридорами, напоминающими штреки. Огромные скальные глыбы нависают над головами людей. В расщелинах и трещинах на подставках из досок лежат рулоны газетной бумаги. Вверху, под самым каменным сводом, тянутся провода. Шум динамо-машины — более громкий, чем снаружи, — доносится из соседнего помещения. Неровно, часто мигая, горят электрические лампочки...

В этом суровом «сценическом оформлении» на фоне мрачных скал бросаются в глаза яркие пятна женских, нарядов. Молоденькая лаоска, почти ребенок, с красным как мак бантом, который пышным узлом схватывает толстую косу, одетая в длинную юбку, украшенную понизу красно-белым узором, склонилась над кассой со шрифтом. Ловкие тонкие пальчики быстро выхватывают из кассы нужные буквы и ставят их в верстатку. Мы находимся в наборном цехе. Си Тха представляет мне двух молодых рабочих — семнадцатилетнего паренька и шестнадцатилетнюю девушку. Беседую с ними.

Низко нагибаясь, чтобы не стукнуться головой о нависший каменный свод, входим в помещение печатного цеха. Здесь работают машины из ГДР и Китая, а также французские — совсем уже старые и подлежащие замене. Метранпаж готовит очередной номер газеты армии Патет Лао. Читаю заголовок: *Конг тха пот пои па са сон Лао фоу фи ла ат ха*. Это означает: «Героическая армия лаосского народа». Такая газета выходит три раза в месяц. Ее тираж — 3 тысячи экземпляров.

— Мы печатаем здесь также брошюры, сборники стихов и песен, школьные учебники, — объясняет Си Тха.

Молодая женщина поднимает голову от машины и поглядывает на меня как-то недоуменно, недоверчиво, но потом что-то говорит и дружески улыбается.

— Она передает вам добрые пожелания! — переводит Си Тха. — Желает плодотворной работы и всего наилучшего по случаю нашего

Нового года, который начинается через несколько дней. Это очередной год нашей дальнейшей борьбы и новых побед!

Все работники подземной типографии очень молоды. Возраст самых «пожилых» в коллективе не превышает двадцати пяти лет. Детей, которые живут тут с отцами или матерями, я насчитала десять: среди них грудные младенцы и малолетки.

Когда типография начинала новую главу своей истории на очередном этапе борьбы, восемь членов ее первого коллектива были... неграмотными! Они выполняли тогда лишь подсобные работы. Но они учились читать и писать, а более квалифицированные товарищи (сдавшие экзамены по программе четвертого класса начальной школы) посвящали своих подопечных в тайны полиграфического искусства. Коллектив сам организовал курсы по повышению квалификации. Более способные учили и продолжают учить тех, кто подготовлен слабее. Сейчас среди рабочих и сотрудников типографии нет ни одного человека, который не обладал бы знаниями по крайней мере в объеме двух классов начальной школы. Наиболее старательные заканчивают уже седьмой класс.

— Раньше наша типография была хорошо замаскирована, но располагалась на поверхности, — рассказывает корректор Ма Ха Бум. — Во время одной из яростных воздушных атак врага несколько напалмовых бомб выжгли огромный участок леса, уничтожили много грядок, на которых мы выращивали овощи, ягоды и съедобные растения. К счастью, обошлось без человеческих жертв: мы уцелели все, так как успели укрыться в гротах...

— Однако рисковать дальше было просто нельзя, — добавляет Си Тха. — Слишком много труда вложили мы в нашу типографию, слишком ценен для нас каждый человек, работающий здесь, чтобы можно было оставаться на поверхности вместе с людьми, машинами и всем имуществом... Поэтому мы надолго перешли в пещеры и гроты.

Сюрприз: мы получаем в подарок только что отпечатанные буквари и маленькие календари. Букварь предназначен для лаосских школ, действующих в освобожденных зонах. Помещенные в нем рисунки изображают предметы, хорошо знакомые маленьким лаосцам: лук, стрела, нож, которым прорубают путь в зарослях, миска для риса, деревянная соха и плуг. На страницах букваря есть слон и буйвол. А вот и вода, текущая по выдолбленным бамбуковым стволам. Пест в

виде толстой палицы (такой же мы видели в хижине народности таи) опускается в ступу, наполненную нелущеным рисом. Вот мать, купающая малыша в деревянном корытце, и отец, разжигающий костер в джунглях. Дальше — крестьянин собирает с поля кукурузу и рис, партизаны идут в атаку...

Просмотр календарика откладываю на более поздний час. Пока что записываю текст лозунга, вывешенного внутри грота: «Будем работать лучше и производительнее. Выполним задания Центрального Комитета Нео Лао Хаксат!»

Поднимаемся на поверхность. Под скальным навесом стоит самодельный стол для пинг-понга. Двое молодых наборщиков, вышедших из грота вслед за нами, щурятся под лучами солнца, расправляют уставшие плечи и хватаются за ракетки.

Несколько дальше, на небольшой полянке, вырубленной в чащобе леса, укреплена между двумя деревьями волейбольная сетка, окрашенная в зеленый цвет: маскировка.

Полдень. Жара. Доносится гул приближающихся самолетов. Я довольно точно произношу их название по-лаосски: *хья бинь Америка*. Мой лаосский словарь постепенно увеличивается. Я запоминаю новые слова и фразы: бомбы — *ла бе*, грот — *тхам*, воздушная тревога — *ксан нья фай*. Просматриваю еще раз полученный утром букварь, ломаю голову над расшифровкой сложного лаосского алфавита. Лаосцы, как объяснил мне вечером Фом Конг — работник ЦК Нео Лао Хаксат, ответственный за вопросы информации и пропаганды, — заимствовали тайскую письменность, основанную на старокхмерской скорописи и включающую много элементов из индийского письма деванагари.

У лаосцев два алфавита: одним пишутся религиозные тексты, используемые во время богослужений и в буддийской философии, особенно на священном языке пали; другой алфавит — массовый, обиходный. Однако различие между обоими алфавитами незначительно.

— А лаосский язык? — спрашиваю я.

Меня действительно очень заинтересовал этот оригинальный язык. Моносиллабический, то есть односложный, как и вьетнамский, он все же имеет свои специфические особенности; собственно, он относится к группе языков таи, на которых говорят многие жители,

населяющие территории между Южным Китаем и Бирмой, а также между Сиамом и Тонкинским заливом. Лаосский язык похож на сиамский или на разговорный язык народности таи, живущей в горных районах Северного Вьетнама. У него несколько сменяемых интонаций. Зато неизменными остаются отдельные слова. Их грамматическая функция определяется группой, к которой они относятся, и местом в предложении. Род и число обозначаются вспомогательными словами. Например, для определения времени какого-либо события в соответствующем контексте используются наречия «сегодня», «вчера», «завтра». Словарный запас лаосского языка очень богат — особенно в области явлений, касающихся конкретных фактов.

Имеются три диалекта, или говора: одним пользуется сельское население, вторым — городские жители, третьим — буддийские монахи. Последние ввели в лаосский словарь многие выражения, заимствованные из священного языка пали: ведь этот язык играет большую роль в буддийском богослужении. Кроме того, лаосский язык дифференцируется географически: диалект жителей Северного Лаоса значительно отличается от диалекта населения Юга страны.

Лаосцы любят музыку и песни — эпические, воспевающие подвиги героев, и лирические. Герой многих народных легенд, которые передаются из поколения в поколение, — Сиенг Миенг, крестьянин-весельчак, оставляющий в дураках гордых монархов и спесивых аристократов, высмеивающий алчных купцов, хитрых сельских богачей и жестоких тупых чиновников.

Когда-нибудь Лаос станет сушим раем для этнографов, языковедов и натуралистов, придет время планового исследования еще не тронутых природных богатств, знатоки займутся научным анализом фольклора. Но для этого нужен прочный мир.

...И снова в небе гудят вражеские самолеты. Дуан и Кхам Фой устанавливают для нас маршрут на завтра. Через два дня мы получим в свое распоряжение переводчика, он будет сопровождать нас по всей территории освобожденных зон. Сейчас он в пути: задержала бомбежка.

— Но это ничего! — утешает нас Фом Конг. — Завтра вы посетите нашу радиостанцию. Там многие хорошо знают французский.

После ужина к нам придут кинематографисты. Они хотят показать свои короткометражные фильмы, отражающие жизнь лаосцев в освобожденных зонах.

Просматриваю календарик и записываю его текст. Тут есть практические указания: как соблюдать элементарные правила гигиены, как избежать заболевания малярией, как строить убежище, что нужно делать в случае бомбежки района напалмовыми бомбами, как спасти людей, обожженных напалмом, как оказывать первую помощь пораженным осколками шариковых бомб.

Фом Конг беседует с Мошкевичем о Польше. В начале 1966 года он две недели провел в нашей стране вместе с ансамблем песни и танца Патет Лао. Кстати, этот ансамбль мы, вероятно, увидим во время нашей поездки. Фом Конг безошибочно произносит трудное для лаосца название города, где молодых артистов встречали особенно сердечно: Быдгощ. А потом, задумчиво глядя на огонек лампы, произносит по-лаосски:

— *Варсавиа пень муанг тхи ксоузи нгам...* Варшава очень красивый город.

«Говорит „Голос Патет Лао“...»

Скалы, узловатые корни, лианы. Зелень, заполняющая расщелины и фестонами свисающая над ущельем. Отовсюду доносятся голоса, свидетельствующие о присутствии людей. Этот уголок напоминает улей: щели и лазы ведут в подземелье, где трудятся люди. Я слышу обрывки фраз, звук аккордеона... И еще один звук: пулеметная дробь пишущей машинки. Четкие слова, как будто кто-то произносит их перед микрофоном...

Внезапный гул... Неужели сработал механизм замедленного действия или разорвалась старая бомба? Нет. На сей раз нет! Просто саперы с помощью взрывчатки расширяют площадь естественных гротов.

Камни уложены на тропинке в виде ступенек. С одной стороны — монолит скалы, с другой — пропасть. Крутой поворот. С изумлением прислушиваюсь к голосам, раздающимся у нас под ногами. Действительно: там, внизу, узкие коридоры и ходы тянутся далеко в глубь пещеры. Сухие корни деревьев касаются скальной стенки, на которой мелом написано: «4 X хорошо». Мне говорят, что в этом лозунге изложены четыре принципа трудового соревнования: хорошо работать по специальности; постоянно учиться, повышать уровень знаний и квалификации; активно участвовать в общественной жизни; увеличивать производительность труда, помня при этом об экономии сырья.

Эти принципы обязательны и для сотрудников радиостанции Патет Лао. До ее главной базы мы добрались только сегодня после долгой и мучительной пешей «прогулки». Наши хозяева заметили это.

— Прежде чем вы начнете работать, отдохните! — с дружеской улыбкой сказал директор Сисана Сисан. — Вы слышали грохот взрыва? Да, нам нужно больше места: сейчас у нас новые задачи, новая работа, новые кадры — всем нужна жилплощадь...

Сисана хлопчет возле столика, пододвигая к нам чашки с дымящимся ароматным чаем. Мы находимся в шалаше, две стены которого — скала. Сплетенная из бамбука крыша покоится на двух скальных выступах. Внутри шалаша — стол, накрытый пластиковой

скатертью, на нем телефон и лампа. Двое солдат из нашей охраны, не снимая плоских фуражек и сандалий, присели за порогом.

...Я споткнулась об острые камни, торчащие посреди тропинки.

— Не зевай! — предостерегает Богдан, нацеливая фотоаппарат на интересующие его детали: он хочет использовать остатки дневного света, чтобы запечатлеть пейзаж скального ущелья.

Заметив наш интерес к окружающей местности, Сисана снисходительно улыбается. Богдан делает снимки, а я тем временем переписываю распорядок дня сотрудников радиостанции, написанный на листке бумаги, который прикреплен прямо к скале. Кхам Фой переводит:

5.30 — подъем.

6.30 — завтрак, работа в поле, уход за овощами и рисовыми плантациями.

7.30–11.00 — работа на станции.

11.00–13.00 — отдых.

13.00–16.00 — работа на станции.

17.00–18.30 — работа в поле.

18.30–19.00 — ужин.

19.00–21.00 — отдых, культработа.

Расписание занятия на неделю:

а) курсы по повышению знаний в объеме начальной школы — вторник, среда, четверг;

б) политические курсы — понедельник, пятница;

в) общие собрания — суббота.

Спрашиваю: кто же выполняет роль учителей на общеобразовательных курсах? Оказывается, наиболее подготовленные сотрудники станции подтягивают более слабых. Самые многочисленные группы — это V, VI, VII классы. Школьная учеба обязательна, занятия проводятся в отведенные дни, вечерами, и продолжаются три часа. Они включены в рамки культработы.

Директор радиостанции свободно владеет французским языком. Он сам вписывает в мой блокнот свое имя: Сисана Сисан. Ошибка? Двойное имя?.. Нет. Первое — это собственно имя. Второе — фамилия. Различие только в неуловимом для европейца акценте: Сисана Сисан означает «Великая победа». Маленький сыночек Сисаны, «гражданин освобожденных зон», как говорит о нем отец, родился в

1963 году тут, в джунглях. Ему дали имя — Ви Ра, то есть «героический». Его сестренка, чуть постарше, хрупкая и маленькая, с большим бантом в пышных темных волосах, носит звучное имя Су Мана. Это название прекрасного цветка, растущего в джунглях Лаоса.

Сисана Сисан заведует радиостанцией Патет Лао и входит в состав руководящего ядра ЦК Нео Лао Хаксат. У его заместителя Сон Тхеу (из этнической группы лаотхынг) суровый вид: кустистые брови нахмурены, щеки заросли щетиной, густые усы закручены. «Разбойничья красота», — записала я в блокнот рядом с его именем. А на самом деле он добряк. Сон Тхеу был одним из первых дикторов радио Патет Лао. В освободительной борьбе участвует с малых лет. Я надеюсь собрать богатый «урожай» после бесед с этими двумя патриотами. Мне очень хочется побольше услышать об их судьбах, испытаниях, приключениях.

Радиостанция в Лаосе играет огромную роль не только как источник информации, но и как пропагандистское оружие, как организованная помощь патриотам. Мне довелось побывать на радиостанции «Освобождение» в Южном Вьетнаме, расположенной глубоко под землей. Теперь я осматриваю радиостанцию «Голос Патет Лао», укрытую в скалах. Ее оснащение и аппаратура прибыли сюда из разных социалистических стран: передатчик — из ГДР, магнитофоны — из СССР, распределительные щиты — из Венгрии и т. д.

Сосредоточенно и торжественно лицо диктора. Звучат первые слова очередной передачи: «Говорит „Голос Патет Лао“»... Это те же самые слова, которыми Патриотический фронт Лаоса заявил о себе миру десять с лишним лет назад, когда начался новый этап борьбы за свободу и независимость лаосского народа.

Сисана Сисан продолжает беседу:

— Нам потом рассказывали, что многие люди, закаленные в борьбе и не скорые на проявление сентиментов, заплакали, когда услышали «свою» передачу. То была памятная для нас дата: тринадцатого августа шестидесятого года мы впервые вышли в эфир, призывая всех патриотов, всех любящих свою родину лаосцев объединиться для совместных действий... У нас тогда был старый небольшой передатчик и выдавший виды магнитофон, кажется немецкого производства. Передатчик был слабенький, совсем

небольшого радиуса действия, но с его помощью Фронт обращался к народу... Тексты очередных передач — четыре раза в день — мы писали от руки: не было даже пишущей машинки. Персонала — кот наплакал, а работы — хоть отбавляй...

Сисана Сисан показывает нам свое хозяйство. Представляет редакторов, ответственных за отдельные части программы, за передачи на французском языке и на языках основных этнических групп Лаоса. В подземных гротах при тусклом свете керосиновых ламп трудятся над составлением программ журналисты и дикторы. На главной базе радиостанции работает около ста человек. Многие — так же как и полиграфисты — живут в джунглях вместе с семьями. Самый маленький обитатель пещер — четырехмесячный младенец одной из работниц.

Всюду в пещерах, гротах и нишах — бамбуковые нары и топчаны, противомоскитные сетки и рюкзаки, узлы и корзины с личными вещами. А рядом — живописные сталактиты. Мы с Богданом осматриваем два запасных выхода из подземного лабиринта: двигаться здесь без проводника просто невыносимо.

— Поблизости есть хорошая питьевая вода, — с гордостью говорит Сисапа. — Мы сами выкопали глубокий колодец. И вообще место выбрали отличное: зимой нам не слишком холодно, а летом здесь не так мучает зной.

Записываем первую информацию, предоставленную нам Сисаной Сисаном.

— Программы наших передач, естественно, предназначены в основном для жителей Лаоса. Однако, как стало известно, их слушают также во Вьетнаме, Камбодже и Таиланде. Наша станция имеет сотрудников и корреспондентов во всех службах Нео Лао Хаксат. Во многих провинциях у нас есть собкоры, по пока их все же маловато... Четыре раза в день мы передаем радиопрограммы для жителей освобожденных зон, дважды в день — получасовые передачи для армии Патет Лао, дважды в сутки — по пятнадцать минут — идут программы для населения оккупированных районов. Но, кроме того, два раза в день в течение получаса передаем программы для народности мео и в течение пятнадцати минут — для этнической группы *кха моу*, а также для народности *лавен*... Вице-председатель ЦК Нео Лао Хаксат происходит как раз из этой этнической группы, —

добавляет Сисапа. — Ну а, кроме того, мы дважды и депь ведем передачи на вьетнамском и французском языках — но четверти часа каждая. Еще в течение семидесяти пяти минут передаются последние новости и читаются документы Нео Лао Хаксат. Народ должен хорошо знать их и помнить...

— А целесообразно ли это?

Сисана улыбается:

— Вы должны попятить, что радио у нас, особенно в нынешних условиях напряженной борьбы с врагом, играет значительно большую роль, чем где-либо в Европе или иных развитых и густонаселенных странах Азии. У нас радио с успехом заменяет газету. Оно действует лучше и эффективнее, чем пресса. Почему? Быстрее доходит до масс. Легче воспринимается людьми, которые совсем недавно перестали быть неграмотными или еще плохо умеют читать и писать. Радионовости скорее попадают к нашим соотечественникам, действующим конспиративно в оккупированных зонах. Радио молниеносно распространяет сообщения о всех происходящих в мире событиях. Оно фиксирует трудности нашей жизни и указывает, как с ними бороться. Оно информирует и вместе с тем учит. Оно сообщает примеры, достойные внимания и подражания, — примеры героизма, отваги, самоотверженности бойцов нашей армии и кадровых работников Фронта. Передачи «Голоса Патет Лао» влияют на решения многих молодых лаосцев: они уходят в джунгли, чтобы вступить в наши ряды и бороться за свободу родины. Нам известна эффективность призыва Патет Лао о пассивном сопротивлении распоряжениям врага, о минимальной производительности труда на предприятиях, контролируемых американцами. В каждом уезде — будь то освобожденные зоны или оккупированные районы — один из кадровых работников отвечает за пропаганду. В рамки ее входит очень важный пункт: совместное прослушивание наших радиопередач. В некоторых провинциях действуют группы из трех-пяти наших людей, систематически, с помощью транзисторных приемников организующие массовое прослушивание последних известий «Голоса Патет Лао» с целью дальнейшего распространения сообщений по соседним селениям. У нас много сторонников и помощников даже среди буддийских монахов.

— А есть ли у вас культурно-просветительная программа?

— Есть, и довольно обширная по нашим условиям. Три раза в день, по тридцать минут, идут программы песни, музыки и поэзии — так называемой лам. Это специфическая лаосская литературная форма — напеваемая или, точнее, декламируемая поэма о героических подвигах, о смелых и отважных людях, борцах за свободу... Это старинная форма, очень доходчивая и популярная, наполненная новым содержанием. Вы спрашиваете, какой отзвук вызывают наши программы? Пусть об этом свидетельствует хотя бы такой факт: вьентьянские власти уже несколько раз издавали в оккупированных районах решительный приказ, запрещающий слушание радиопередач в те часы, когда в эфире звучат песни и поэмы, передаваемые в рамках нашей культурно-просветительной программы. Однако эти приказы остаются гласом вопиющего в пустыне: власти бессильны. «Ведь это же не политика, мы слушаем стихи», — отвечают люди. Призывы к борьбе с врагом, с американскими захватчиками и их вьентьянскими прислужниками, напоминания о лучших традициях освободительной борьбы доходят до сердец наших слушателей...

— А как реагирует на это противник?

— Разумеется, он силится как-то противодействовать нам. «Там» хорошо понимают, что наша радиостанция выполняет роль не только информатора и пропагандиста, но что благодаря ей мы подсказываем способы нанесения ударов по наиболее слабым позициям врага. Никакие запреты не помогают: «Голос Патет Лао» люди слушают с помощью транзисторных приемников, которые не только легки, но и малы, их легко спрятать и трудно найти. Мы знаем, что ЮСИС — американская разведслужба — тщательно прослушивает и записывает наши передачи.

Я вспоминаю, что об этом же говорили мне и сотрудники радиостанции НФОЮВ «Освобождение». Записанные на магнитофонную ленту передачи патриотов противник использует в диверсионных целях. Голоса дикторов, тональность их речи изучаются и ловко подделываются в передачах врага, которые, по замыслу американских идеологических диверсантов, должны сеять замешательство и дезориентировать население.

Подобная «война в эфире» идет и на земле Лаоса. Враг отвечает радиостанции Патет Лао через свои пропагандистские центры. Один из них — радио Вьентьяна, второй — радио Таиланда, размещенное в

Бангкоке. Специальные передачи на Лаос организует также пресловутый «Голос Америки». Полным ходом работают и мощные установки для глушения радио Патет Лао. Однако все усилия врага тщетны — голоса правды не заглушить!

После ужина (мы ели рис с кусочками наперченного мяса и дьявольски острым соусом) Сон Тхеу раскладывает на столе карту Лаоса и подкручивает в лампе фитиль. Огонь поднимается выше. Солдаты вешают над нашим скальным уголком широкое одеяло, чтобы луч света не вырывался наружу. Становится жарко и душно. Но осторожность эта не лишняя: ни на минуту не умолкают звуки бомбежки.

Сисана получил от руководства Нео Лао Хаксат поручение — ознакомить нас с положением в стране. Теперь он указывает нам на желтые и розовые пятна, разбросанные по карте. Желтым цветом обозначены районы, где особенно сильно влияние правых, крайне реакционных группировок, безоговорочно поддерживающих политику США в отношении Лаоса и вооруженную американскую интервенцию. Когда речь заходит об этих группах — немногочисленных, продажных, раздираемых внутренними распрями, — снова звучат уже знакомые нам имена: Сананикон, Носаван, Купрасит, Абай.

Есть группа, тоже правого толка, которая не полностью поддерживает политику США. В этой группе отчетливо проявляются профранцузские, а не проамериканские симпатии.

— Мы стараемся взаимодействовать с нею в тех случаях, когда это возможно. Наша цель — не допускать блока двух правых партий. Как раз этого и добиваются американцы. Но пока наши правые постоянно грызутся между собой, — поясняет Сисана. — Тесный союз и сотрудничество связывают Нео Лао Хаксат с третьей группировкой, в которую входят многие патриотические и прогрессивные элементы, проявляющие мирные и подлинно нейтралистские тенденции... Мы сражаемся вместе с ними и с ними же будем восстанавливать нашу страну.

Лаконичные и меткие комментарии Сисаны довольно четко рисуют картину сложной и запутанной политической ситуации в Лаосе. Я снова рассматриваю карту страны. Розовые пятна — это освобожденные районы. Они занимают две трети всей территории страны. Здесь проживает почти половина населения. Кроме того, на

оккупированных территориях тоже есть партизанские базы, и американцы никак не могут найти и ликвидировать их.

— Вы уже, наверно, убедились, насколько мала у нас плотность населения, — говорит Сисана Сисан. — Это характерная черта Лаоса.

— Да! — подтверждает Богдан. — Мы не раз проезжали десятки километров, не встретив ни единой живой души.

— Более густо заселены лишь районы в дельте Меконга, то есть в Центральном и Нижнем Лаосе, контролируемые противником. Очень мало у нас и автомобильных дорог, совсем нет железнодорожного сообщения. Нет никаких естественных коммуникаций...

Внимательный взгляд на карту подтверждает слова моего собеседника. Территория страны растянута в длину, перерезана горными цепями и глубокими долинами. Меконг непригоден для судоходства из-за скальных порогов.

— Наши природные ресурсы еще не исследованы, до их эксплуатации пока очень далеко... — с грустью замечает Сисана. — Известно лишь одно: у нас много залежей меди, угля, золота, серебра... Но пока есть только два небольших рудника, где добывают олово и свинец, — в Боненге и Фон-Тхине. Оба они находятся в руках французских предпринимателей. Промышленности, как таковой, у нас нет вовсе. Далеко не полностью используются и наши леса, хотя в глубине джунглей растут очень ценные породы деревьев, например тиковое и сандаловое, имеющие огромный спрос на мировом рынке. В оккупированных районах действуют небольшие электростанции и ремонтные мастерские, которые работают в основном на американцев. Правда, сейчас во Вьентьяне начато строительство типографии, небольших мыловаренных заводов, сигаретной и ткацкой фабрик. Но все это — мелкие предприятия, которые даже не достигли запланированного уровня производства... Все, что продается в магазинах по ту сторону фронта, — импортное, заокеанское. Даже такая мелочь, как зубочистки, ввозится из Таиланда! Наше кустарное производство — тоже весьма слабо развитое — все больше и больше приходит в упадок. А ведь мы могли бы выпускать массу разных предметов и товаров широкого потребления, столь необходимых населению!.. Знаете ли вы что-нибудь о нашем сельском хозяйстве?

— Кажется, главная система обработки земли — это рай, то есть выжигание джунглей, — неуверенно отвечаю я.

— Только один сбор урожая в год, — подсказывает мне Богдан Мошкович.

— В основном так. Наши крестьяне незнакомы с повторным севом. Они не умеют использовать удобрения. Поэтому одним из важнейших требований Движения сопротивления стала организация кампании за проведение двух жатв в течение года. Вы столкнетесь с этим, когда поедете по деревням. Наиболее урожайные районы, где земля удобряется илом из Меконга, находятся в Нижнем Лаосе. Мы часто ощущаем нехватку риса. Правда, благодаря нашим стараниям площадь рисовых плантаций расширилась и занимает большую часть пахотных угодий, но уж очень низка урожайность. Об отсталости нашего сельского хозяйства может свидетельствовать тот факт, что в Нижнем Лаосе до сих пор используются примитивные бороны без каких-либо металлических деталей и деревянные сохи...

— А другие сельскохозяйственные культуры?

— На плоскогорье Боловен, где земля особенно плодородна, есть плантации кофе и чая, однако небольшие и не имеющие существенного значения для национального хозяйства.

В эту отсталую страну широким потоком идут доллары. В течение 12 лет — с 1955 по 1967 год — США выделили на оказание «помощи» Лаосу почти 900 миллионов долларов. Только за первые четыре года после заключения Женевских соглашений, то есть с середины 1955 по 1959 год, Королевство миллиона слонов получило «ссуду» в размере 190 миллионов долларов. Однако из этой суммы более 50 % израсходовано на содержание и оснащение вьетнянской армии, 25 % поглотили полиция и административный аппарат, 12,2 % предназначены «на экономическое развитие» страны и «улучшение условий жизни населения», но до народа эти деньги не дошли: развивались только те области национальной экономики, которые служили интересам США, улучшались условия жизни лишь у тех, кто сотрудничал с интервентами! А те 8,94 % этой суммы, что были выделены на просвещение и воспитание, использованы на подготовку и воспитание кадров для Вьетьяна. И лишь 3 % действительно израсходованы на социальные нужды.

В 1966 году доход Лаоса составил около 5 миллиардов кипов (так называется местная денежная единица). Но для покрытия ежегодных расходов стране требовалось 16 миллиардов кипов. В том же, 1966

году Лаос экспортировал товаров на сумму 1 миллион кипов, а импорт за это время достиг 21 миллиона кипов! Правящий во Вьентьяне режим не смог бы просуществовать и года, если бы не помощь извне. Долларовый поток, текущий из США, попадает исключительно во Вьентьян, в Луангпрабанг и некоторые другие крупные города. В деревню не попало и цента...

— Вы, конечно, знаете, что наша страна получила в наследство от колониального владычества тяжкое бремя?.. Да, совершенно верно: девяносто процентов населения были неграмотны, — говорит Сисана. — Теперь подумайте о другом: расходы, предусмотренные в бюджете нынешнего режима на дело просвещения, ничтожны. В городах, занятых американцами, процветают проституция, азартные игры, ширится употребление наркотиков, демонстрируются фильмы, полные крови и секса, превозносится на все лады «американский образ жизни».

Сисана листает свой блокнот, старательно просматривает записи, потом говорит:

— Ну, вот! Возьмем хотя бы продажу по спекулятивным ценам скота и кормов... Знаете ли вы, что торговые агенты Вьентьяна и американцев проникают с этой целью из оккупированных районов в наши освобожденные зоны? Они покупают здесь скот по низкой цене — допустим, платят за буйвола три тысячи кипов, а продают там, у себя, за десять тысяч кипов! Семь тысяч чистой прибыли!

Я анализирую положение. Да, в Лаосе промышленности нет, торговля расшатана коррупцией. Трудно говорить о развитии кустарного производства. Свыше 90 % населения — крестьяне. Это самая бедная, наиболее эксплуатируемая, а вместе с тем и самая многочисленная часть населения, с которой надо считаться. Враг понимает это и делает все, чтобы использовать крестьян в своих планах раскола страны.

— В Ханое мы слышали о существовании в Лаосе так называемых зон благоденствия или благосостояния. Наверное, это нечто вроде пресловутых «стратегических деревень», которые создаются американцами в Южном Вьетнаме?

— Совершенно верно. Именно такую цель и ставил перед собой враг, создавая «зоны благосостояния» и у нас, и в соседнем Таиланде. Эти планы особенно усиленно реализовались в шестьдесят третьем —

шестьдесят четвертом годах. Даже и теперь в «зонах благосостояния» находится около шестидесяти тысяч человек, большинство из них было согнано туда насильно. Существуют два вида «зон благосостояния». В поселках одного типа враг пытается добиться осуществления своих целей сравнительно мягкими методами. Тут создается видимость «доброжелательности» и «заботы» заокеанских «миротворцев». В самом начале строительства такого поселка прокладывается хорошая дорога, роется глубокий колодец с питьевой водой, возводится школа, амбулатория... О, враг отлично знает, что нужно пострадавшему народу! Разумеется, все эти мероприятия сопровождаются антикоммунистической пропагандой, особый упор делается на внушение чувства враждебности к Патет Лао. Естественно, такая пропаганда тщательно маскируется, чтобы не вызвать обратной реакции... Есть у нас и «стратегические деревни», жители которых были силой выгнаны из своих селений и под конвоем переведены на новое место. Они живут там, как в концлагере, за колючей проволокой. В таких «стратегических деревнях» так называемые непослушные элементы, то есть люди, не желающие признавать американцев и вьетнамский режим, подвергаются тюремному заключению или наказываются другими способами за сопротивление оккупантам и марионеточным властям. Здесь практикуются бесчисленные методы «перевоспитания» — например, человека бросают в ров, полный кровожадных пиявок... Запишите хотя бы одно название: местность Нонг Хонг в провинции Саваннакет. Там находится именно такая «стратегическая деревня», которую смело можно назвать концлагерем!

На несколько минут воцаряется тяжелое молчание. Из темноты доносятся только крик какой-то лесной птицы и тихий шепот сидящих неподалеку солдат. Чтобы разрядить обстановку, я обращаюсь к Сисане:

— Вы упоминали об использовании врагом национальных различий, верно?

— Да, да. Как я уже говорил вам, враг пытается любым способом вбить клин между Нео Лао Хаксат и патриотическими силами нейтраллистов: он хочет посеять между нами недоверие и враждебность. Кроме того, он пытается посорить различные этнические группы и народности Лаоса. Американцы стремятся всеми

доступными им средствами расположить к себе вождей отдельных племен. Так, например, они завербовали предводителей двух крупных племен народности мео из Верхнего Лаоса. Одного из них зовут Ванг Пао, второго — Тоу Би. Подобная политика применена и по отношению к некоему Вук, стоящему во главе племени *таои*...

— Может быть, таи? — переспрашиваю я.

— Нет, именно таои. Таи — это иная этническая группа. Можете записать: враг пытался таким же способом перетянуть на свою сторону и Си Ка — предводителя племени *ла ее*...

— Лавен? Это та самая народность, о которой вы рассказывали вчера?

— Нет! Лавен и ла ве, — Сисана произносит названия племен с разной интонацией, запомнить которую я не в состоянии, — это две различные этнические группы, несхожие между собой.

С невольным вздохом записываю в блокнот: «Поистине вавилонская башня!»

— Враг использует особенно коварные методы соблазна и подкупа в отношении племен, относящихся к этнической группе мео, — продолжает Сисана. — Это одна из наиболее многочисленных групп. Как вы, наверное, знаете, мео — отличные охотники, великолепно знающие все горные и лесные тропы. К тому же они очень отважны и как нельзя лучше подходят для «специальных сил» и для частей «коммандос», обученных диверсионным действиям в нашем тылу. Сейчас многие американцы в Лаосе изучают обычаи, традиции и верования различных этнических групп. Некоторые даже пробуют «войти в их жизнь» при помощи брака с местными девушками. Но это довольно редкие случаи. Особенно часто враг использует веру мео в таинственные высшие силы. Американские агенты отправляются в горные селения и несут туда страшную весть: вскоре наступит мор, который уничтожит зерно и другие сельскохозяйственные продукты, убьет скот, начнется голод... Что же может предотвратить неизбежную катастрофу? Усиленные молитвы и жертвы, которые должен приносить разгневанным духам тот, кого они услышат и кто будет просить у них о милости и снисхождении. Разумеется, как раз под рукой оказывается нужный человек — тоже американский агент! Конечно, в такой деревне сначала тщательно подготавливается благоприятная почва. Когда посланцы врага видят,

что их «предсказания» произвели нужное впечатление и местное население готово воспользоваться услугами посредника в переговорах с «потусторонними силами», они начинают организовывать соответствующие церемонии, старательно отрежиссированные ночью, где-нибудь в джунглях. Люди из народности мео приносят духам и демонам обильные жертвы в виде овощей, фруктов, птицы, мяса и рисовой водки, чтобы отвлечь грозящую опасность. От имени демонов выступает их «специальный посланец». Создается атмосфера страха и таинственности, «посланец» говорит в кромешной тьме, да еще и закрыв тряпкой лицо... Он обещает вымолить благосклонность «потусторонних сил» и клянется, что с этого дня духи начнут проявлять свою заботу о селении и его жителях. Затем торжественно провозглашает, что духи довольны принесенными жертвами и в ответ прислали подарки, которые вскоре будут розданы собравшимся. Эти «подарки» — автоматы и винтовки — вручаются горцам-мео вместе с «добрым советом» духов: «Вы должны иметь оружие, чтобы направить его против ненавистного Патет Лао, который как раз и грозит вам опасностью»...

— Не может быть! — перебивая Сисану, вскрикиваю я.

— Очень даже может! — парирует Сисана. — Невероятно, но правда. Вы должны знать, что ружье, винтовка или автомат имеют огромное значение для охотников-мео. Вы, наверное, видели по дороге людей, которые отправляются на охоту со старинными кремневыми ружьями. Для них оружие — большой соблазн... Однако, позвольте, я продолжу рассказ. Так вот, «слуги духов» инструктируют собравшихся: «Приносите присягу на верность тем, кто выступает против неугодного духам Патет Лао, против безбожников-коммунистов. Самые верные ваши друзья — американцы... Не слушайте агентов Патет Лао, которые уговаривают вас пахать и сеять, — нельзя нарушать покой земли! Так говорили ваши отцы и деды. Да и зачем вам мучиться, обрабатывать горные участки земли — ведь она неплодородна и никогда не дает большого урожая. Зачем вам пахота и животноводство? Духи-опекуны, которые теперь будут заботиться о вашей деревне, доставят вам все необходимое с помощью крылатых машин. У вас будет достаточно соли, риса, ткани и всего, что нужно для жизни...»

— И мео верят этим бредням?

— Суеверных людей обмануть не так уж трудно. Ну, а вслед за визитом духа-опекуна начинается вербовка мужчин, главным образом молодежи, в ряды «специальных сил». Их потом обучают американские инструкторы, готовящие из темных людей кадры диверсантов и убийц...

Снова воцаряется молчание. Я машинально листаю странички блокнота. Еще будучи в Южном Вьетнаме, я слышала сообщения о маневрах и приемах врага, пытающегося проникнуть в освобожденные зоны, чтобы разными способами вести подрывную работу среди населения. Подобные махинации американских «спецов» по «психологической войне» — посланцев Пентагона — мне известны по моим прежним поездкам в Южный Вьетнам. Там «советники» из США, одетые в штатское, тоже играли роль щедрых «доброжелателей». Они привозили в южновьетнамские деревни и раздавали жителям различные «подарки» — рис и соль, ткани и одежду, консервы и... косметику! Мне известны даже имена некоторых таких «советников»: Дэвид Наттл, офицер армии США, Джеймс Корделл, капитан разведки. Оба они на некоторое время поселились в деревне и жили среди местных жителей, занимаясь мнимой филантропической деятельностью, а в действительности — шпионажем. Различными были и «подарки», которыми американцы пытались подкупить горцев Южного Вьетнама, — от трактора, который подарила одному селению жена бывшего министра в правительстве Нго Динь Дьема, и до статуи божьей матери, которую привезли американские «миссионеры» якобы в качестве дара земляков, проживающих в США.

— Враг постоянно усиливает «специальную войну», модернизируя все ее области... — возвращается Сисана к прерванному разговору. — Почему? Стратегическое положение Лаоса давно привлекает внимание США. Американцы стремятся превратить нашу страну в свою военную базу, чтобы с ее помощью подавить революционное и национально-освободительное движение народов Индокитая. Этим целям служит не только СЕАТО, по также ряд союзов и договоров между вьетъянскими реакционерами и американскими сателлитами: сайгонским режимом в Южном Вьетнаме, военной кликой Пак Чжон Хи в Южной Корее, режимом на Тайване. Особое значение имеет военный союз, некая ось: Вьетъян —

Бангкок — Сайгон... Атакуя освобожденные зоны, враг пытается терроризировать население, заставить его бежать в районы, контролируемые Вьетняном и американцами: там-де спокойнее. С августа шестьдесят четвертого года США начали массированные бомбежки наших зон и продолжают их до сих пор. Они вводят в действие все новые и новые виды оружия массового уничтожения, новые типы самолетов и «усовершенствованные» бомбы. Чтобы облегчить своим войскам боевые действия, американцы строят в Южном Вьетнаме, Центральном Лаосе и Таиланде новые казармы, взлетные полосы и склады боеприпасов, расширяют сеть аэродромов и стратегических дорог. В Таиланде появились новые крупные базы США. Может быть, вы что-нибудь слышали о базе в Корате?

Мы с Богданом утвердительно киваем в ответ.

— Не очень давно на ней появились большие склады боеприпасов, которые могут обеспечить нужды сразу двух дивизий. Из Кората в Удон, — Сисана показывает нам точку на карте, — проложен нефтепровод. В Оутафо, на юге Таиланда, построен аэродром, который может принимать и отправлять тяжелые бомбардировщики Б-52. Сто боевых самолетов Т-28 находятся в «готовности номер один» на аэродроме Кхон Кхен в Центральном Таиланде, всего в семидесяти километрах от границы Лаоса... С весны шестьдесят шестого года бомбежки резко усилились. Самолеты врага стартуют с таких баз в Таиланде, как Корат, Паксе, Сено, с баз в Южном Вьетнаме, во Вьетняне и даже в Луангпрабанге. В шестьдесят шестом году среднее число самолетовылетов составило от тысячи пятисот до двух тысяч в месяц. С апреля шестьдесят шестого по апрель шестьдесят седьмого года «летающие крепости» Б-52 тридцать семь раз бомбили освобожденные зоны. Со второй половины шестьдесят седьмого до второй половины следующего года самолеты типа С-123 более ста раз распыляли ядохимикаты над территорией освобожденных зон. В этих злодейских операциях участвовало семьдесят вражеских машин...

— Можете перечислить местности?

— Вам трудно будет запомнить названия деревень, подвергавшихся особенно жестоким бомбежкам: их много, всех даже не перечислишь. Но все же запишите хотя бы одно: На Хао, между Себоном и Мафихом, вблизи известной дороги номер девять... Есть деревни, вокруг которых в радиусе десяти километров не осталось и

следа какого-либо жилья, не уцелело ни одного дерева, не сохранилось хотя бы клочка поля — все выжжено напалмом, разрушено бомбами, отравлено ядохимикатами. Ведь у нас, как и во Вьетнаме, американцы используют десятки различных бомб — осколочных и шариковых, фосфорных и напалмовых, фугасных и замедленного действия. Вдоль Меконга, вблизи границы Камбоджи, есть полоса шириной в двадцать километров, где погибли все деревья, пораженные страшным американским ядом. От некоторых ядов болеют и умирают люди. У многих беременных женщин наступают преждевременные роды, причем младенцы почти всегда оказываются мертвыми...

Сапер только что откопал труп мальчика, убитого осколком американской бомбы

— Это страшно... — невольно шепчу я.

— Да, страшно! К тому же поражает цинизм американцев: они вопят на весь мир, что бомбят только военные объекты, но вы сами увидите, что является жертвой их воздушных налетов — школы и больницы, базары и рынки, рисовые поля и хижины бедняков... Поначалу им казалось, что они достигли цели: население перепугано и

дезориентировано, оно массами уходит в горы и джунгли. Наверное, по пути сюда вы видели заброшенные рисовые плантации. На них буйно растут сорняки, так как некому выращивать рис. Но теперь возникают новые рисовые поля — на каменистых склонах и на лесных полянах, хотя там очень трудно создать сеть оросительных каналов. И все же мы создаем их, учим людей обрабатывать землю в труднейших военных условиях, пользоваться искусственными удобрениями и вести в некоторых местах глубокую вспашку... Идет борьба за сбор второго урожая в году. В деревнях, куда вы поедете, вам подробно расскажут о наших трудностях и успехах. Вы не раз увидите транспорты с рисом для вооруженных сил Освобождения. Вам расскажут о сети общего снабжения, которая через сельские магазины обеспечивает население не только освобожденных зон, но и далеких поселков в глубине джунглей...

— Расскажите нам, если это можно, как обстоит дело со снабжением армии Патет Лао и кадров Нео Лао Хаксат, — прошу я.

— У нас кадровые работники и бойцы сил Освобождения не получают никакого жалованья. Всем выдают только паек — рис, соль и другие продукты питания, а также некоторые товары, необходимые для жизни и работы. Кроме того, нам полагается небольшая сумма в кипах — на «карманные» расходы. Все мы, от руководителей Нео Лао Хаксат и до самых молодых работников, обязаны выращивать овощи, а в меру возможностей и рис, чтобы постоянно пополнять наши ресурсы. Самообеспечение помогает нам справляться с трудностями, если доставка продовольствия почему-либо задерживается или срывается.

Да, это мне знакомо. Такие же вопросы я задавала несколько лет назад членам ЦК НФОЮВ, когда была на Юге. И ответ был примерно такой же, как и теперь, в Лаосе.

— Я знаю, что вас интересуют и военные дела, — обращается ко мне Сисана Сисан, — Но будет лучше, если об этом вам расскажут в армии, а не здесь... На сегодня, пожалуй, довольно. Вы, наверное, устали?

— Прежде всего уточним: больше устали вы! — парирую я. — И все же еще одна просьба: расскажите нам что-нибудь о себе, о ваших личных испытаниях за время пребывания в Движении сопротивления. О самых больших трудностях и наиболее опасных моментах,

пережитых вами, поскольку вы давно участвуете в освободительной борьбе.

Сисана Сисан сначала сопротивляется. Упрямо, твердит, что в его биографии нет ничего примечательного, интересного и героического. Мы с Богданом наседаем на него. В конце концов он сдается.

— Родился в двадцать первом году в Саваннакете. Происхожу из национальной группы лаолум. Мой путь в революционное движение был, пожалуй, нетипичным: ведь я вырос в очень богатой купеческой семье. В тридцать восьмом году закончил в Ханое школу третьей ступени — полную среднюю. Разумеется, это была школа для «туземных детей». Еще будучи учеником, вместе с большой группой других школьников оказался в рядах антиколониального движения, направленного против французских властей Индокитая. В сороковом году участвовал в вооруженной борьбе против французских колонизаторов, а затем и против японских захватчиков. Но особенно активно включился в освободительное движение, пожалуй, в начале сорок пятого года. Начиная с марта того года я часто встречался с деятелями Коммунистической партии Индокитая и многому научился у них. В августе сорок пятого года принимал участие в свержении колониальной власти в Савапнакете. Был членом патриотического движения Нео Лао Итсала с первых же дней его существования. Сотрудничал также с тайландскими патриотами, на практике убеждаясь в том, какое огромное значение имеют союз и солидарность сил прогресса в борьбе с реакцией, мракобесием, колониализмом. Уже тогда я немного занимался журналистикой... — с легкой улыбкой добавляет Сисана. — Был редактором одной из местных газет. И уже тогда входил в круг лиц, которые сгруппировались вокруг принца Суфанувонга и искали пути освобождения страны от колониального ярма.

— Какие наиболее трудные моменты были в вашей жизни? Наиболее тяжелое испытание в предыдущей войне, на начальном этапе освободительного движения?

Сисана Сисан задумывается. Потом продолжает рассказывать:

— В пятьдесят втором году, когда я находился в джунглях, меня свалил сильный приступ малярии. Двенадцать дней я лежал без сознания... А было такое время, что не хватало риса, соли, лекарств. О хинине и других противомаларийных средствах можно было только

мечтать... Когда я поднялся после болезни, то был очень слаб. Пришлось заново учиться ходить. Если бы тогда враг выследил меня, то я бы бесспорно пропал. Но меня охраняли и защищали простые люди — крестьяне и охотники. Без их опеки я бы погиб. Правда, у меня сильный организм и мне удалось победить болезнь, но в результате истощения у меня выпали волосы... Ничего, после они отросли!

В 1959–1960 годах наш собеседник находился во Вьентьяне. Входил в руководящую группу деятелей Нео Лао Хаксат. В июле 1959 года вместе с принцем Суфанувонгом и другими членами ЦК Патриотического фронта Сисана был арестован и брошен в тюрьму Фон Кхенг, в трех километрах от столицы.

— Сначала королевская жандармерия окружила здание ЦК Нео Лао Хаксат и редакции нашей газеты. Носавановцы, которые тогда захватили власть в стране, требовали дальнейших «решительных» санкций против нас. Кроме принца было арестовано еще пятнадцать деятелей Нео Лао Хаксат. Как депутат Национального собрания, я пользовался парламентской неприкосновенностью, но это не спасло меня от тюрьмы. Впрочем, депутатов там было несколько человек. Над всеми нами нависла угроза смерти...

Тюрьма. Сначала полное одиночество в специальной камере. Горсть тухлого риса, кружка воды — вот и весь «паек».

— По вечерам я метался в тесной камере, освещаемой маленькой свечкой, чувствуя всю свою беспомощность и беззащитность... — вспоминает Сисана. — Где-то близко сидели мои товарищи по недолге, но пока что и речи быть не могло об установлении с ними хоть какого-нибудь контакта. Мы были изолированы друг от друга. Я хорошо понимал, что каждый следующий день, каждый час может быть последним...

Лаконичные разговоры со стражниками, которых постоянно меняли по требованию жандармерии: боялись, что узники могут договориться с ними. Блеск сочувствия в глазах молчаливого человека, который охраняет дверь тюремной камеры. Едва слышный шепот: «Скверно с вами поступили, несправедливо». Несколько большая порция пищи. И тень надежды: а может быть, с этими людьми все же удастся договориться?.. Постепенно между камерами установилась

тайная связь. Уже было известно, какой именно стражник более человечен и доброжелателен, на кого можно рассчитывать, если...

Бегство из тюрьмы Фон Кхенг было смелым, рискованным.

— Об этом лучше расскажет сам принц Суфанувонг. Попросите его, когда он встретится с вами, — улыбаясь, советует Сисана. — Но мне хотелось бы, чтобы вы знали одно: никакое бегство не удалось бы, если бы нас не поддерживал народ. Подумайте сами: враг был так жесток и беспощаден, что надежд не оставалось! Наши шансы по сравнению с возможностями и силами врага были просто ничтожными. И все же нам удалось бежать! Удалось благодаря участию стражников, помогавших нам, благодаря многим крестьянам, которые давали нам кров и пищу, благодаря десяткам связных, передававших нас из рук в руки, все дальше и дальше в глубь гор... Мы бежали из тюрьмы в ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое мая шестидесятого года. Потом три недели почти в непрерывном марше. Мы были страшно измучены и истощены, за многие месяцы сидения в тюрьме совсем отвыкли ходить, а тут шла борьба за жизнь... На третий день мы достигли первых постов Патет Лао, а позднее — основной базы.

— Потом, что было потом?

— Что было потом? Дальнейшее продолжение борьбы. Как и другие наши патриоты, я принимаю в ней участие. Всем нам близка и дорога отчизна...

Нам удастся вытянуть из Сисаны еще совсем немного. Год 1981-й, Москва. Участие в Форуме молодежи. Год 1984-й, Пномпень. Участие в Международной конференции солидарности с народом Вьетнама. Год 1985-й, Джакарта. Участие в торжествах по случаю десятилетия знаменитой Бандунгской конференции.

Приходит очередь второго собеседника. Это немного угрюмый и молчаливый Сон Тхеу. Беседа протекает теперь значительно медленнее: Сон Тхеу не знает французского языка. Сисана помогает нам в качестве переводчика.

Сон Тхеу утверждает, что не сумеет рассказать о войне и о себе, так как у него не было каких-либо серьезных испытаний. Просто обычная жизнь рядового революционера. Он родился в многодетной крестьянской семье в провинции Чампассак. Эта семья была в

родственных отношениях с известным национальным героем Комманданом.

— Вы что-нибудь слышали о нем? — спрашивает Сисапа.

— Да. Но очень немного... — отвечаю я.

— Тогда пусть вам о нем подробнее расскажут в армии. Стоит послушать. Это был вождь одного из наших горных племен. Он прославился в борьбе против французских колонизаторов. И погиб в бою с французскими войсками еще в тридцать седьмом году.

Сон Тхеу начал участвовать в Движении сопротивления с двенадцати лет. А в 1950 году, всего пятнадцати лет от роду, вступил в ряды Патет Лао.

— В пятьдесят первом году закончил военные курсы... В общем, это старая история и нечего о ней говорить. Лучше посмотрите, как теперь подготовлены офицерские кадры Патет Лао!.. В пятьдесят третьем году я участвовал в одном крупном сражении на лаосско-камбоджийской границе. В пятьдесят четвертом году по приказу командования я оказался в районе перегруппирования отрядов Патет Лао. Позже участвовал в обороне этого района, атакованного солдатами Китая и других реакционеров. В пятьдесят шестом году был ранен в бою. В пятьдесят девятом был солдатом знаменитого Второго батальона и вместе с этой воинской частью ушел в джунгли... С пятьдесят третьего года у меня не было ни возможности, ни времени посетить родную деревню. В шестьдесят втором году женился. У меня двое сыновей: одному четыре года, второму два... Да, жена и дети находятся на одной из лесных баз Нео Лао Хаксат.

— Учились в школе?

— При французах закончил три класса начальной школы. Учился и позже, когда время и условия позволяли братья за книгу. Учусь и сейчас. Работая на радио, стал особенно чувствовать недостаток общего образования.

— А вы можете поподробнее рассказать о Втором батальоне? О его уходе в джунгли? Ведь вы ускользнули буквально из-под носа врага!

— Да, конечно. Это было действительно трудное дело! Тогда во Вьентьян нахлынуло множество американцев — так называемых туристов, а на самом деле это были военные «советники». Уже всю действовала пресловутая ЮСОМ — Оперативная миссия

Соединенных Штатов. «Спеццы» из США привели в боевую готовность почти тридцатитысячную королевскую армию, тщательно обучив ее новым методам боевых действий и оснастив современным оружием. С помощью этой армии американцы намеревались ликвидировать два наших батальона, которые — в соответствии с Женевскими соглашениями — ожидали включения их в состав королевской армии. Лагерь Первого батальона, находившийся в местности Сиенгкуанг, был предательски окружен. Под угрозой огня пулеметов и орудий, наведенных на ряды безоружных солдат, батальон был расформирован...

— И люди даже не пытались сопротивляться?

— А что они могли сделать? Их обманули: приказали оставить оружие в казармах и собраться на плацу якобы для принесения торжественной присяги и регистрации. Они поверили этому и оказались в ловушке...

— А как же Второй батальон?

— На этот раз номер не прошел! Наши командиры своевременно узнали о подлом коварстве в отношении Первого батальона. Враг пытался повторить маневр, но, когда пришел приказ оставить оружие и выйти для принесения присяги, наше командование потребовало отложить «столь торжественную церемонию» до приезда руководящих деятелей Нео Лао Хаксат. Это было расценено реакционерами как акт восстания и бунта. Нас окружили королевские войска, связь с руководством Патриотического фронта во Вьентьяне была прервана. О каких-либо переговорах и компромиссном решении вопроса не могло быть и речи. От нас категорически потребовали сложить оружие, угрожая в противном случае огнем пулеметов. Вокруг нас замкнулось кольцо осады, через которое, казалось, не было никакой возможности прорваться. Не силой, а военной хитростью надо было выйти из положения, хотя многим оно казалось совершенно безнадежным... И вот командование Второго батальона назначило на восемнадцатое мая футбольный матч и другие соревнования. Об этом было заранее сообщено противнику. До позднего вечера в лагере стоял шум и веселье било через край. Потом постепенно установилась тишина. Врагу могло показаться, что примирившиеся с судьбой офицеры и солдаты Второго батальона отправились спать... А утром обнаружили, что Второй батальон исчез!.. Мы усыпили бдительность королевских

войск, наши солдаты, с оружием и всем имеющимся снаряжением, бесшумно выступили ночью из лагеря и направились в провинцию Самнеа, которая много лет подряд была одним из центров освободительного движения Лаоса.

— Наверное, тогда в столице поднялся невероятный шум? — спрашиваю я.

— Еще бы! Королевские войска сразу же начали преследовать нас, но ничего не добились. Реакционное правительство Сананикона обвинило Центральный Комитет Нео Лао Хаксат в нарушении условий договора о прекращении огня. Жандармерия окружила здание ЦК... Дальнейший ход событий вам известен: были арестованы принц Суфанувонг и другие руководители, потом им удалось бежать.

— Какие особые трудности вы преодолели за время пребывания в рядах Сопротивления?

Сон Тхеу снисходительно поглядывает на меня и Богдана. Потом тень улыбки скользит по его суровому загорелому лицу.

— Их было так много, что невозможно привести отдельные примеры... Помню, был период тяжелейших боев, когда на нас обрушивались внезапные и яростные атаки врага, а наши бойцы были измучены постоянным недоеданием. Изо дня в день нам приходилось довольствоваться жиденьким супчиком из растертого в порошок риса... Наверное, вы догадываетесь, что нам не хватало и соли?

— А что вы делаете сейчас?

— В работе на радиостанции все для меня ново. Мне не хватает опыта, поэтому приходится изучать специфику пропагандистской работы на радио в условиях нарастающей борьбы.

...Часы показывают одиннадцать вечера. Солдаты нашей охраны уже дремлют, прижавшись спиной к выступу скалы.

— А куда завтра? — спрашиваю я журналиста Дуана, когда мы идем, спотыкаясь на узкой каменистой тропке, «домой», в «грот дружбы».

— *Кхоум лан!* — звучит слегка насмешливый ответ.

Это значит: военная тайна...

«Кхоум лап» означает «военная тайна»

Я провела беспокойную ночь. Поминутно прерываемая дрема была полна каких-то видений. Я знаю, что мне мешало: странное создание, похожее на помесь таракана с летучей мышью. Оно летало под каменным сводом нашего грота и громко жужжало. Скальные стены усиливали этот звук, и эхо назойливо повторяло его. А Богдан спал отлично. И теперь, бодрый, отдохнувший, он смеется над моим непреодолимым отвращением ко всем тропическим насекомым.

— Давно пора бы привыкнуть! — говорит Богдан.

И конечно, он, как всегда, прав.

В пять утра мы уже встали и собирались отправиться в путь. Но вдруг разразилась страшная буря. Около полудня (а я смотрела на бушевавшую стихию через отверстие, пробитое в каменной стене грота) растущее поблизости могучее дерево с шумом и треском упало. Внезапный порыв ветра разломил его словно спичку. Сплошная завеса дождя, казалось, соединяет землю с небом. Буря кончилась так же неожиданно, как и началась. Гонимые ветром тучи унеслись дальше, последние раскаты грома отшумели над вершинами гор, и все стихло. Под лучами солнца заблестела мокрая зелень. Земля пока еще влажная, так что пыль уже не будет надоедать нам в дороге...

С утра к нам присоединился переводчик — молодой, худощавый, с быстрым и умным взглядом. Зовут его Си Мон Чампасит. Он из народности лаолум, родился во Вьентьяне. Мы называем его Симон, хотя имя Си Мон не имеет ничего общего с французским. Выговариваемое по-лаосски, с определенным ударением, оно означает «красочный, цветной».

Мы выехали лишь после полудня. Сначала — сумасшедшая езда на машине по участку дороги, сплошь изрытому воронками от бомб. И снова так немилосердно трясет на выбоинах, что с трудом хватаешь воздух и некогда любоваться окружающим пейзажем, хотя тебе и выпал редкий случай увидеть его днем, под лучами солнца. Затем долгий пеший марш через джунгли, по узким тропинкам, прорубленным в непроходимой чащобе длинными ножами, похожими на кубинские мачете. Но вот лес редет. Начинаются бамбуковые

рощи. Неустанный монотонный шелест листвы. Огромные разноцветные бабочки летают почти над самой землей. Поляна. Еще один лесок, и мы оказываемся в большой котловине. Вокруг нее — зеленая цепь гор. Красный диск заходящего солнца цепляется за зубчатые вершины скал. Группа солдат в выцветших зеленых блузах и в плоских фуражках. Один из них вытягивается по стойке «смирно» и рапортует сопровождающему нас офицеру. Мы — на позиции зенитчиков. Взвод, с солдатами которого мне предстоит беседовать, более ста раз отражал атаки американских самолетов. А батарея, в состав которой входит этот взвод, сбила более семидесяти вражеских машин и повредила девять.

Пока что вокруг тихо и спокойно. Но по опыту Вьетнама я хорошо знаю, что в любую минуту эта тишина может быть разорвана пронзительным воем и гулом американских бомбардировщиков. Мгновенно, внезапно, по-разбойничьи они могут выскочить из-за ближайших гор и начать сеять разрушение и смерть. Поэтому надо торопиться использовать те минуты, когда их нет. И я обращаюсь к солдатам:

— Расскажите, друзья, об одном из последних боев.

Мы с Богданом достаем блокноты. Солдаты сели вокруг нас, некоторые опустили на корточки. Все они довольно молоды: средний возраст — двадцать три года.

Артиллеристы Патет Лао на огневой позиции

Самому старшему — лет тридцать, самому юному — пятнадцать. Командир рассказывает:

— В один из последних декабрьских дней американцы бросили против нас сорок пять реактивных самолетов типа Ф-101 и Ф-105. Атака началась около шести часов утра. Но сначала нас выследили разведывательные самолеты АД-5. Они сбросили дымовые ракеты, которые указали остальным направление атаки. Одна из таких ракет

упала примерно метрах в пятидесяти от наших орудий. И тут мы увидели самолеты, появившиеся из-за облаков дыма. Бомбежка и обстрел из бортовых пулеметов длились почти до полудня...

Во время рассказа офицера Патет Лао мне почудилось, что я слышу знакомые звуки: быстрый перестук пулеметов, взрывы контейнеров с шариковыми бомбами... Вблизи нас воронки — следы тяжелых фугасных бомб и обычных «полутонок». Но снова звучит голос командира:

— Первую атаку мы отбили. Один самолет был уничтожен, три повреждены. Мы вели бой при ослепительном сиянии солнца, которое било нам прямо в глаза и затрудняло прицельную стрельбу. Бой был такой ожесточенный и яростный, что окрестное население, следившее за схваткой, думало, что от нас не останется и следа. А у нас даже никто не погиб, лишь несколько бойцов были легко ранены. Трудно передать, как мы радовались, когда над американскими самолетами вдруг вспыхивало губительное пламя...

Тропа ведет нас сквозь густые заросли. Окружающий пейзаж кажется осенним, хотя сейчас весна. Весна в Лаосе — это сильные ветры, проливные дожди, внезапные бури.

Между скалами приютился бамбуковый барак на сваях. Возле него — несколько человек среднего возраста. Знакомимся. Достаточно бросить беглый взгляд на наших собеседников, чтобы угадать в них кадровых военных.

Мы на территории Военной академии Патет Лао. Она носит имя героя, борца за освобождение Лаоса — Коммадана. Вы можете спросить: а где находится эта академия? Скажем заранее: *кхоум лап* — военная тайна. Словом, где-то в глубине джунглей, среди гор, в пещерах... Нам с Богданом сразу же захотелось услышать что-нибудь о жизни Коммадана, и мы просим рассказать о нем наших хозяев.

— Вы узнаете о нем многое, — улыбаются наши собеседники. — Но, может быть, вы сначала осмотрите наше хозяйство?

Совет правильный. Надо использовать хорошую погоду и временное затишье, чтобы сфотографировать эту удивительную военную академию. Здесь нет аудиторий — их заменяют гроты. Да, гроты и пещеры, созданные природой, с многочисленными коридорами, уходящими в глубь скал.

Военная академия Патет Лао. Идут занятия

Вырубленные в монолите ступеньки ведут нас в одну из пещер, где вскоре состоится наша встреча с курсантами. Густая листва могучего дерева с непередаваемым названием *би нанг ни* прикрывает вход в пещеру. Подземное помещение делится на две части. В одной — рядом со столбиками белесоватых сталагмитов, около серых каменных стен — несколько походных коек, нары из неструганых досок, топчаны, термосы и ящики. В другой части — ряды скамеек. Перед ними — стол и обычная черная классная доска. Это зал собраний и аудитория.

Идем в глубь подземелья, включив электрические фонарики. Под ногами поскрипывает гравий. Перед нами полукруглая пещера. В центре ее сталактиты образовали стеклянную гору, напоминающую величественный орган. Длинные сосульки играют радужными блестками, как только на них попадает луч фонаря.

Учеба в Академии Патет Лао — этом столь нети-личном центре подготовки офицерских кадров, который функционирует в специфических условиях партизанской войны против интервентов и внутренней реакции, — продолжается от шести до двенадцати месяцев. В числе слушателей — представители всех народностей и

этнических групп, населяющих Лаос. Но больше всего мео и лаосунгов. У каждого слушателя за плечами многие годы участия в освободительной борьбе. Обучение ведется в трех направлениях: чисто армейском, военнополитическом и, если так можно сказать, квартирмейстерском, то есть военно-хозяйственном. Методы учебы тесно связываются с обстановкой в стране и условиями войны.

Мы беседуем с офицерами из числа руководящего состава академии: Сомсахом, Соуфаном и Кхамми.

— У нас давние традиции освободительных войн, — говорит один из офицеров. — В первой половине этого столетия, когда французским колонизаторам уже казалось, что они полностью овладели нашей страной, в Лаосе то и дело вспыхивали бунты и восстания. Особенно непримиримыми оказались жители плоскогорья Боловен в Южном Лаосе — лаотхынги. Долгих двадцать семь лет они не складывали оружия! Самое большое выступление против французских колонизаторов произошло весной тысяча девятьсот десятого года: оно получило широкий резонанс и поддержку среди населения страны. Во главе повстанцев тогда находился умный и опытный предводитель Онг Кео.

Когда потерпели фиаско все способы усмирения бунта, колонизаторы прибегли к методам провокации и предательства. Они послали в штаб Онг Кео своего парламентаря. Были определены условия встречи лаосского предводителя с французским колониальным резидентом Фендлером для предварительных переговоров.

Этот Фендлер долгое время жил в Лаосе, знал местные обычаи, суеверия и «табу». Все лаотхынги — очень честные люди, и они никогда не нарушают данного ими слова. Соглашаясь на переговоры с французским резидентом, Онг Кео никак не предполагал, что его заманивают в ловушку. Разумеется, он был весьма осторожен и предупредил парламентаря, что приедет на встречу с охраной. В присутствии эскорта Онг Кео и Фендлер проверили друг друга, чтобы убедиться, что никто из них не таит оружия. Дальнейшие же переговоры должны были проходить без свидетелей. Казалось, были приняты все меры предосторожности...

Но Фендлер знал, что для лаотхынгов голова человека — строгое табу. Ни один лаотхынг не позволит кому бы то ни было дотронуться

до своей головы, как и сам никогда не сделает этого в отношении другого человека. Такой жест означал бы смертельное оскорбление.

Переговоры должны были состояться в одной из буддийских пагод. Но как только охрана отошла от нее, Фендлер выхватил спрятанный под шляпой пистолет и в упор застрелил Онг Кео!

Однако повстанческое движение не угасло и после предательского убийства Онг Кео. На место погибшего встал его брат Коммадан. Способный и энергичный, он рано попал во французскую тюрьму, познал там унижения и пытки. Убежденные в том, что Коммадан получил хороший урок и что они выбили «всю дурь из его башки», французы выпустили Коммадана на свободу.

Ошиблись! Коммадан добрался до штаба Онг Кео, который тогда еще был жив. Коммадан многому научился у этого опытного руководителя. Вскоре Коммадан стал одним из лучших и способнейших помощников Онг Кео. После его гибели Коммадан взял на себя руководство освободительной борьбой в Южном Лаосе. Он был рассудительным и дальновидным вождем.

Французские колонизаторы быстро оценили ум нового народного предводителя. Они сконцентрировали войска и решили нанести сокрушительный удар по отрядам повстанцев. Искали они и другие пути ликвидации вождя восстания. В конце концов нашелся предатель: он показал врагам место, где жил Коммадан. И вскоре тот был убит. Случилось это в 1937 году.

Пятеро из десяти сыновей Коммадана сражались плечом к плечу с отцом. Когда Коммадан был убит, эти пятеро тоже попали в плен. Трое были расстреляны на месте, двое живы до сих пор. Один из сыновей героя, Ситхон, занимает сейчас ответственный пост в руководстве Нео Лао Хаксат.

...Мы исписываем страницу за страницей. Наши собеседники, наверное, уже устали, а нам еще многое хочется узнать.

— Какова структура вооруженных сил Патет Лао? — спрашивает Богдан Мошкович.

— У нас есть партизанские отряды, местные формирования и регулярная армия.

— Суть различия между ними?

— Отряды и партизанские группы, располагающие сравнительно устаревшим или даже примитивным оружием, охраняют и защищают

свои деревни. Они создают вокруг них сеть ловушек и засад, а в случае надобности могут с оружием в руках оказать врагу должное сопротивление. Партизаны поддерживают связь с территориальными формированиями и регулярной армией. Довольно часто они сдерживают силы противника, затрудняя его продвижение от пункта к пункту. Вероятно, во время вашей поездки вы побываете в таких партизанских селениях. Что касается местных, или территориальных, формирований, то они отличаются мобильностью, быстротой перемещения и лучшим вооружением. Их вооружение можно назвать смешанным — у них есть и старое и современное оружие. Обычно они действуют на «своей» территории, то есть в границах уезда или провинции. Но туда, где враг концентрирует более или менее крупные силы, посылаются части регулярной армии Патет Лао. Разумеется, в случае необходимости их поддерживают территориальные формирования и партизанские отряды. Как правило, регулярная армия ведет боевые действия только широкого масштаба.

Конечно, нам хочется узнать и другие подробности обстановки на фронтах Лаоса, особенно в период усиления так называемой специальной войны США. Комиссар Соуфан показывает нам на карте крупные скопления войск противника. Кстати сказать, в армии врага много отрядов наемников, которыми командуют американцы.

Кроме лаосской марионеточной армии и американских интервентов (которые по-прежнему упорно называют себя «советниками», хотя число их превышает несколько тысяч и растет изо дня в день) на юго-западе страны действуют тысячи тайландских «коммандос» и много подразделений южновьетнамских солдат. Шестьсот тайландских диверсантов, как недавно донесли партизаны, прочесывают провинцию Луангпрабанг. В Лаосе находятся также 400 тайландских и более 600 филиппинских «наблюдателей», а кроме того, пока еще точно не установленное число чанкайшистов с Тайваня. Все эти наемники, разумеется, ходят в штатском, стараясь не показывать своей государственной принадлежности и армейских чинов...

Приведу некоторые детали той своеобразной мозаики, какую создают американские захватчики на лаосской земле.

С 1964 года, а точнее, с момента тогдашнего государственного переворота, когда генерал Конг Ле со своими вооруженными отрядами переметнулся на сторону правых, началась особенно сильная

концентрация вражеских сил. Американцы стремились с помощью всех доступных им средств и способов атаковать освобожденные зоны и заставить население уйти из родных мест. Цель: загнать жителей в «стратегические деревни».

Па нас с Богданом сыплются названия акций и боевых операций, закодированных американскими генералами и проводимых по директивам военного командования США. Эскалация «грязной войны» продолжается не только во Вьетнаме, но и в Лаосе! В течение двух с половиной лет, с осени 1964 до начала 1967 года, враг осуществил более десяти боевых операций крупного масштаба. В некоторых из них участвовало по пять-шесть батальонов, в других — по два-три. Операция «Три стрелы», операция «Стрела победы», операция «Координация» — это год 1966-й в провинции Луангпрабанг. Операция «Тхе Ва Тхат» (название взято из буддийской мифологии и переводится примерно как «Окружение чудовища») — это в провинции Саваннакет. Атака против крепости Фо Кхоут в знаменитой Долине Кувшинов... Да разве все перечтешь?!

Названия, цифры, подробности... Как мелкий песок сыпятся они информационным петитом на страницы мировой печати. Чем ожесточеннее атаки американцев против Вьетнама, тем больше сил набирает интервенция США в Лаосе. И каждая такая операция — это дым пожарищ, пепелища деревень, бомбы и напалм, кровь и смерть.

Мы просим рассказать об одном из боев сил территориальной обороны Патет Лао против наседающего врага.

— В атаке на вражеский пост в местности Тхат Тхон принимали участие две группы местных сил, то есть около ста человек. Главным козырем наших людей была внезапность: враг никак не ожидал штурма. А результат боя таков: более ста вражеских солдат убито и ранено, десять человек взято в плен... Док Тиб — так называется другая местность в провинции Самнеа. Там местные формирования, действуя скрытно и внезапно, тоже разгромили военный пост. В течение нескольких минут молниеносного боя было уничтожено свыше пятидесяти солдат противника. Не так давно, в феврале, во время такой же стремительной атаки на очень строго охраняемый объект — вражеский аэродром в Луангпрабанге — повреждено двенадцать самолетов...

— А не могли бы вы рассказать нам что-нибудь о себе, о вашем участии в освободительной борьбе? — спрашиваю у комиссара.

Он долго отказывается и говорит, что его жизнь и биография ничем не примечательны и типичны для многих людей, сражающихся в рядах армии Патет Лао. Все-таки мы с Богданом уговорили его, и комиссар стал рассказывать:

— В сорок шестом году я добровольно вступил в один из партизанских отрядов, боровшихся с французскими колонизаторами. Было мне тогда пятнадцать лет. В то время существовало временное правительство — правда, оно находилось у власти недолго, — которое провозгласило независимость Лаоса. Потом наступил долгий период партизанской войны, затем возникновение Национального фронта Нео Лао Итсала...

— Все это очень хорошо, — перебиваю я комиссара, — но мы хотели бы узнать лично о вас!

— Ну что ж... Было нам тогда очень тяжело, голодно... По нескольку дней нечего было есть — довольствовались листьями и съедобными кореньями. Горячий вареный рис казался несбыточной мечтой. Часто молодые побеги бамбука составляли наш «обед». Правда, мы ловили лесную дичь, именно ловили, а не стреляли, так как приходилось беречь каждый патрон. И оружия у нас не хватало. На целую роту было десятка три бамбуковых пик, ножи, несколько гранат и десятка два очень «заслуженных», преимущественно трофейных винтовок. Больше того, мы сами делали оружие: запалы, мины, снаряды — примитивные, разумеется. Наши раненые и больные товарищи умирали на наших глазах из-за отсутствия лекарств и перевязочных средств!.. Гибли люди, которых можно было бы спасти, если бы у нас имелись медикаменты, санитары и вспомогательные средства... Мы смотрели на их смерть в бессильной ярости...

— И ничем нельзя было помочь?

— Ничем. Высокие горы, трудно доступные для врага, были нашей защитой, но и сами мы не могли носа высунуть за их пределы... В пятьдесят седьмом году я попал в руки врага и два года находился в заключении в Саваннакете. Тогда были схвачены многие наши люди. Вышел на свободу в шестидесятом году. Женился. Сейчас моя жена и трое детей находятся в одной из освобожденных зон. Время от времени мне представляется возможность повидаться с ними. Но

самый младший сынок не узнает меня: слишком редки и коротки мои свидания с семьей. Что поделаешь? Война есть война. Но теперь нам уже намного легче сражаться с врагом, чем в годы моей юности. Сейчас жизнь в освобожденных зонах налажена, у нас есть хорошо укрепленные базы. Мы располагаем значительными запасами продовольствия, оружия, боеприпасов, медикаментов. А главное — мы сейчас не одиноки в нашей борьбе: нам помогают, нас активно поддерживают социалистические страны. Это мы ценим выше всего. Можете мне верить...

Гроты, пахнувшие лекарствами

Наши просьбы ни к чему не привели: лишь ночью мы отправимся к очередному месту привала, а выедем оттуда перед рассветом. Богдан взбешен. Без лампы-вспышки и речи не может быть ни о фотографировании, ни о съемках фильма. А что поделаешь, если днем все время гудят самолеты и земля то и дело вздрагивает от бомбежки... Лишь с наступлением сумерек устанавливается относительная тишина.

— Чтобы раскромсать человека, не обязательно нужна бомба. Достаточно одной зазевавшейся скотины... — едко замечает Си Мон.

Да, вообще говоря, он прав. Всего несколько минут назад наш газик оказался в центре стада буйволов. Было совсем темно. Один из буйволов, лениво бредущий рядом с машиной, видимо, испугался, когда наш водитель стал давать сигналы, и едва не пробил рогами борт газика.

Причем как раз в том месте, где сидел Богдан, забывший обо всем на свете из-за своей кинокамеры...

Водитель резко тормозит. Дальше придется идти пешком... Нас окружают скалы и руины давно не существующего селения. Мерцающие огоньки светлячков. Вспышки электрических фонариков. Едва различимые входы в расщелинах скал. То тут, то там появляются слабенькие, тщательно маскируемые отблески света, выдающие присутствие людей. Они рядом, хотя их совсем не видно во тьме тропической ночи. Неистово квакают лягушки. Доносится перестук колотушек, подвешенных к шеям буйволов. Мы движемся медленно, осторожно ступая по мокрым и скользким мостикам. Мелкий, но бурный ручей, вязкий ил. Камни, скалы, опять тропки...

Мы то карабкаемся вверх, то спускаемся вниз. Голоса людей. Бамбуковый барак, притулившийся среди скал. Запах дыма смешивается с запахом запариваемых трав... Колбы, реторты, горелки. Бушующее пламя в очагах. Кто-то раздувает огонь и одновременно старательно прикрывает его. Стреха крыши упирается в скалу. Из темных уголков появляются люди. Шипит и потрескивает бензоловая лампа. Лаборатория средневекового алхимика, устроенная в скальном

гроте?.. Нет. Это центр по производству лекарств, созданный усилиями руководства Нео Лао Хаксат. В будущем он, несомненно, станет первым лаосским фармацевтическим заводом.

Обмениваемся приветствиями и рукопожатиями. Обычные вопросы о здоровье, самочувствии, о трудностях пути. Руководитель фармацевтического центра Тхонг Фон хотел бы знать: видели ли мы уже госпитали в освобожденных зонах?.. Ему отвечают: нет, только завтра мы посетим подземную больницу. Но по пути туда польским товарищам захотелось посмотреть, как делают лекарства в условиях войны.

— Наша фабрика, — Тхонг Фон употребляет именно это слово: «фабрика», — возникла в шестьдесят третьем году по решению руководства Нео Лао Хаксат. Как вы знаете, агрессия США против нашей страны постоянно усиливается. То и дело повторяются атаки врага на освобожденные зоны. Ну и понятно, что нам очень нужны медикаменты. Нужны для населения, для армии, для кадров Патриотического фронта и вообще для всех, кто сражается и работает во имя родины.

— Есть трудности?

— Трудности?.. Поначалу нам не хватало всего: людей, сырья, оборудования. В шестьдесят третьем году нас было пятнадцать человек. Некоторые, и я в том числе, имели неполное среднее образование или закончили школу лаборантов. Сейчас у нас на фабрике занято около ста человек, считая тех, кто занимается на краткосрочных курсах по фармакологии. По окончании таких курсов, обычно десятимесячных, подготовленные нами специалисты несут полученные знания на периферию, в родные села... Начали мы очень скромно — с производства дистиллированной воды и самых простых противобольных, дезинфицирующих и укрепляющих средств. Выпускаемые нами медикаменты предназначались в основном для нужд фронта. Потом, по мере увеличения производительности лаборатории и расширения ассортимента, наша продукция стала поступать в деревню, к гражданскому населению...

— А сырье? Откуда вы получали его?

— Сырье?.. Ну, прежде всего мы перерабатывали лекарственные растения... Сейчас мы выпускаем около сорока видов лекарств,

используя при этом в самых широких масштабах опыт традиционной народной медицины.

В полумраке осматриваем дистилляторы польского производства, советские машины, превращающие в таблетки порошкообразные лекарства. Рядом стоят барабаны для производства пилюль из ГДР. Мельница для перемола нарезанных корней и кусков лиан. Лежит сырье: сушеные листья, травы, стебли. И еще — пилюли, порошки, микстуры. В плоском флакончике — бесцветная жидкость: это средство против ожогов, необходимое в Лаосе из-за постоянной угрозы пожаров от бомб и ракет. Глазные капли. Жидкие лекарства против кожной сыпи. Препараты, с успехом заменяющие сульфаниламиды. Противоревматические средства. Темные, шоколадного цвета пилюли против дизентерии и кишечных паразитов. Но гордость и слава «фабрики» — жидкий витамин В-12.

— Жаль только, что мы пока еще мало выпускаем его... — со вздохом говорит Тхонг Фон.

И вдруг, как бы неожиданно вспомнив, откуда мы прибыли, он оправдывающимся тоном добавляет:

— Вы приехали к нам из Европы. И наверное, все, что вы у нас видите, кажется вам очень простым и даже примитивным...

Да, конечно. Но мы хорошо знаем, что никогда раньше в Лаосе не существовало фабричного производства необходимых народу лекарств. Импортируемые из Франции медикаменты стоили баснословно дорого и были доступны только богачам. А ведь в этой стране, как и повсюду в Азии, собирали обильный урожай такие болезни, как малярия, бери-бери, дизентерия, воспаление легких, и была невероятно велика детская смертность.

— До шестьдесят пятого года мы работали в хижинах, укрытых среди джунглей, — продолжает Тхонг Фон. — Но американские бомбардировки настолько усилились, что нам пришлось четырежды менять месторасположение фабрики. Ну и, само собой разумеется, каждый раз мы начинали все сызнова. Нам очень не хватало многих необходимых вещей: оборудования и аппаратуры, инструментов и стеклянной посуды. Водь в наших условиях пузырьки, флаконы и бутылки — это просто бесценные предметы. Мы их используем по нескольку раз — разумеется, после соответствующей обработки. Нам приходится делать много микстур потому, что из-за большой

влажности порошки и таблетки быстро превращаются в липкую массу, негодную к употреблению...

Спускаемся в глубокое подземелье. Грот. Вход в пего защищен гофрированным железом. Это склад лекарств. Осматриваем продукцию всех четырех цехов «фабрики» — порошки, таблетки, ампулы с жидкостями для инъекций, лекарства традиционной восточной медицины. Тхонг Фон сообщает нам общее количество выработанной за истекшее полугодие продукции: более *одинадцати тонн!*

— Мы ждем подвоза упаковочных средств, чтобы отправить наши лекарства туда, где они наиболее необходимы сейчас, — говорит Тхонг Фон. — Так что все это пробудет здесь лишь несколько дней.

Вблизи плещет подземный ручей. Осторожно, по узкой бамбуковой кладке, переходим на другой берег. Еще один грот, приспособленный под склад. Это тоже очень надежное укрытие в случае налета авиации США. Тхонг Фон дает нам на пробу некоторые лекарства:

— Берите, берите! Вам они тоже могут пригодиться в пути.

Он не спеша объясняет нам с Богданом, как надо употреблять средство, укрепляющее и восстанавливающее силы. Оно сделано из... перемолотых в порошок обезьяньих костей! Маслянистая жидкость в плоском флакончике отлично ликвидирует последствия тяжелых ожогов.

Я с благодарностью принимаю ценный подарок, по в душе лелею надежду, что в пути нам не придется заглядывать в дорожную аптечку. Вообще мне как-то неловко брать эти лекарства: я хорошо знаю, как ценна и нужна лаосским товарищам каждая пилюля, каждая таблетка, каждая доза лекарственной жидкости в условиях этой страшной и долгой войны... Тхонг Фон словно бы прочел мои мысли.

— Пожалуйста, я очень прошу вас, возьмите лекарства! — повторяет он. — Правда, их у нас маловато. Но когда вы будете писать или рассказывать о нашей работе, покажите своим европейским коллегам эти вещи, иначе они не поверят...

Осторожно упаковываю в рюкзак флакончики, тюбики, порошки. Этикетки на них написаны по-лаосски от руки.

Покидаем пахнущий лекарствами грот. Где-то — кажется, бесконечно далеко отсюда, в каком-то ином мире — существуют

богатые, даже роскошные лаборатории, сверкающие никелем, стеклом и пластмассами... А здесь, в глуши джунглей, в неимоверно тяжелых условиях идет упорная борьба за жизнь и здоровье людей. Для них пока нет роскошных лабораторий и больничного сервиса, а слово «Америка» означает — смерть.

...Поздней ночью мы приехали на очередную «квартиру». Это грот, в котором нам отведено место для ночлега. Туда надо лезть по приставной лестнице на высоту не меньше двух, а то и трех этажей... Я спала крепко, но под утро все-таки расслышала какой-то мерный, монотонный стук. На рассвете нас разбудили и попросили спуститься в «нижний холл» — то есть в грот, где нам приготовили завтрак. Тут я узнала, что это был за стук: под тем помещением, где мы спали, расположена ткацкая фабричка.

Скользкие после дождя тропинки круто уходят вверх, в горы. Среди кустов замечаю провод полевого телефона. Влажное, круглое бревно. По нему надо ступать осторожно, мелкими шажками, чтобы не свалиться в бурный, широко разлившийся поток. Снова грот. В него ведет отверстие, прикрытое досками и циновками. Невольно задираю голову: надо мной нависли огромные скальные глыбы... Просто удивительно, как они не рухнут, на чем держатся? Запах лекарств, белые халаты. В изломах стен глубокой и разветвленной на длинные подземные коридоры пещеры стоят бамбуковые топчаны и нары. Эта больница предназначена для гражданского населения. Существует она более двух лет, но персонал переподготовлен сравнительно недавно.

— Все наши сотрудники учатся, — говорит заведующий больницей Сом Фет, — Причем не только тому, как надо оказывать помощь больному и ухаживать за ним, но также и методам пропаганды основ санитарии и гигиены среди окружающего населения.

В условиях «специальной войны» США в Лаосе больница или госпиталь должны быть невелики и занимать немного места: каждое более или менее крупное сосредоточение людей немедленно привлекает внимание американских воздушных пиратов. В любом лаосском госпитале не больше 70–80 коек. В больнице, которую мы осматриваем, всего 50 мест. Персонал: один врач, тринадцать санитарок и медсестер, фармацевт (он же заведующий медскладом), интендант и повар. Не хватает очень многих необходимых вещей: лекарств, инструментов, термосов и посуды для больных. Всем

пациентам, нередко приходящим из очень отдаленных селений, оказывается медицинская помощь и объясняются элементарные правила гигиены. За вторую половину прошлого года было проконсультировано более 500 больных. Свыше половины находящихся сейчас в больнице пациентов — это жертвы бомбежек и вражеских мин. Остальные страдают внутренними и кожными заболеваниями. Часто встречаются малярия и желудочные болезни, особенно дизентерия.

Я записываю названия лекарств и стран, откуда прибыли различные лечебные средства, спасшие жизнь и здоровье многих тысяч людей в освобожденных зонах. Тут советские лекарства, наши польские, венгерские, немецкие из ГДР. Получая эти медикаменты, иной раз впервые в жизни, больные реагируют на них отлично. Но их еще очень мало... Не хватает и продовольствия.

— Как вы выходите из столь трудного положения? — спрашиваю у врача.

Прежде всего больных снабжают родные. Но и персонал не остается в стороне: сотрудники, хотя они совсем недавно открыли стационар в этой местности, уже выращивают овощи на огороде, разводят кур, откармливают поросят. В самом начале получили помощь от руководства Нео Лао Хаксат: партию провианта, а также соль и хлопчатобумажную ткань, которую можно обменять в окрестных селениях на фрукты, овощи, кур, свиней.

— Очень мало у нас носилок, — говорит Сом Фот, — Приходится транспортировать больных на брезентовых полотнищах или одеялах, натянутых на две длинные жерди. Нередко бывает, что больные или раненые, особенно старики и дети, настолько истощены и слабы, что помощь им оказываем прямо на месте.

— Справляетесь?

— Приходится лечить людей и одновременно учить их предотвращать заболевания... — при этих словах на усталом и похудевшем лице врача появляется мягкая улыбка. — Мы завоевали полное доверие жителей тем, что спасли многих раненых сразу же после бомбежки. Мы учим крестьян, как соблюдать личную чистоту и гигиену, как навести порядок в своем хозяйстве, как защищаться от эпидемий. Мы терпеливо объясняем пациентам, почему надо пить только кипяченую воду и как спастись от moskitov. Наша больница,

если считать с самого начала, шесть раз оказывалась под массированными бомбежками врага. Сперва мы размещались в бараках, укрытых среди скал. По мере усиления «специальной войны» США и нарастания воздушных налетов пришлось уйти глубоко под землю. Слишком рискованно было оставаться на поверхности, особенно после того, как в результате прямого попадания бомбы был разрушен барак с частью запаса медикаментов и перевязочных средств...

...Всюду мешки с песком — это защита от осколков и шариков. Там и тут топчаны, на которых лежат больные. Землистые или восковые лица: «тяжелые». Врач рассказывает о каждом:

— Это Фом Муонг, ему пятьдесят пять лет, он крестьянин одной из окрестных деревень. Около месяца назад был тяжело ранен в плечо. Осколок бомбы настиг его в поле...

На соседнем топчане лежит 38-летняя женщина по имени Нанг Бао Хунг. На лице — ни кровинки, оно искажено мукой. Левая нога ампутирована выше колена... Когда шла по полю с серпом в руках, случайно наступила на мину, предательски зарытую диверсантами. Сначала ее оперировали в армейском госпитале Нео Лао Хаксат, затем перевезли сюда. Почему? Оказывается, тот госпиталь расположен в районе, яростно атакуемом американской авиацией. Нанг Бао Хунг была беременна, но после тяжелого ранения наступили преждевременные роды... Рядом с ее топчаном сидит семилетний сын, а муж держит у запекшихся губ жены кружку с водой и оттирает обильный пот, то и дело выступающий на лбу измученной женщины.

— Она непременно вернется к себе в деревню. Выживет! — говорит мне врач, видя, что я не могу оторвать взгляда от раненой.

Да, конечно, тут сделают все, она вернется. Но какой? Искалеченной навеки! Как тяжело будет ей работать в поле и управляться по дому, ухаживать за детьми. А как побежит она от бомб и пуль бортовых пулеметов в случае очередного налета воздушных бандитов?..

Когда мы будем возвращаться из больницы, Си Мон напомнит мне о подорвавшейся на mine женщине и еще раз попросит строго выполнять все указания охраны. Ведь здесь всюду мины, а я очень «недисциплинированная».

Тем временем Богдан расспрашивает врача о самых сильных налетах в последние дни. Врач называет селение Но Тхен в провинции Самнеа. Во время очередного налета там погибло сразу пятнадцать человек. Семья из пяти душ живьем сгорела от напалма. На ближайших к нам койках лежат двое раненых, которых принесли из того же селения. Двенадцатилетний Сонсай не может даже повернуться: осколки попали в левое плечо и ранили обе ноги. Неизвестно, сможет ли он ходить. Восемнадцатилетний солдат Бун Кхан, хотя и легко ранен, просит нас написать о том, что во время налета потерял сердечного друга: осколок бомбы попал тому прямо в висок...

Почти автоматически записываю имена, даты и факты, а сама не могу отогнать назойливой мысли: сколько же еще жертв унесет эта проклятая и подлая война? Сколько еще погибнет детей, женщин, стариков, воинов, пахарей? Сколько людей навеки останется калеками?..

Операционный зал. Простой стол, завеса из простынь. На столе кусок пластика — наиболее дефицитный и необходимый элемент оснащения военных госпиталей...

— Вчера мы оперировали здесь трех солдат, раненных во время последнего налета, — говорит врач. — К сожалению, одного из них спасти не удалось. Двое других пока живы, но не приходят в сознание, и трудно еще сказать, выздоровеют ли...

В нишах и изломах стен — миски, чайники, ящички с лекарствами, помеченные знаком Красного Креста. В металлических банках, обернутых пластиком для предохранения от сырости, хранятся хирургические ножницы и операционные нити — кетгут. Препарат «Декстран-плазма» в специальной упаковке. Он уже спас жизнь многим больным, которые погибали от потери крови. Но всего этого так мало, так мало!..

Спрашиваю: при каком свете делаете операции?

Красноречивый жест руки нашего собеседника: он показывает на бензоловую лампу. Это все. Динамо-машиной, которая давала бы электроэнергию, больница пока не располагает. Из скальной расщелины появляется девушка. Врач подзывает ее.

— Это одна из наших лучших медсестер. Зовут ее Нанг Май Бун, — переводит слова врача Си Мон. — Ей двадцать один год, она из

этнической группы лаолум. Когда наша больница находилась на старом месте, еще в бараках, откуда пришлось поспешно эвакуироваться в безопасные гроты, Май Бун днем и ночью на собственных плечах переносила больных и раненых. Другая наша медсестра под огнем бомб вынесла из горящего барака все лекарства и медицинское имущество...

Врач открывает металлическую коробку и протягивает нам маленький, невзрачный на вид кусочек стали. Мы с Богданом внимательно осматриваем его. Это что-то вроде толстой иглы или маленькой шпильки, сделанной наподобие миниатюрной стрелы. Си Мон объясняет:

— Это содержимое новых, «усовершенствованных» американцами шариковых бомб. Недавно около больницы взорвался контейнер с такими «подарками», сброшенными самолетами США.

В начале эскалации, как я уже писала раньше, американцы сбрасывали на Вьетнам и Лаос «ананасы» и «апельсины», начиненные маленькими стальными шариками вроде охотничьей дроби. Потом они заполнили бомбы кусочками рубленой стали — шестигранниками, кубиками, полосками, которые более жестоко ранят людей. Теперь они сбрасывают бомбы продолговатой формы, похожие на трубы. Пентагоновские «спецы» настолько «усовершенствовали» свои бомбы, что они могут попадать даже в гроты и пещеры, в которых укрывается мирное население. Даже у края скальной расщелины человек не чувствует себя в безопасности — лишь тогда, когда он уйдет в глубь грота, он может рассчитывать на спасение.

Однако вернемся к иглам. Эти стальные «летающие гвозди», как называют их патриоты Лаоса, имеют огромную силу поражения. Она образуется в результате большой скорости полета бомбы и от содержащегося в ней дополнительного заряда взрывчатого вещества. Стальные иголки своим губительным действием далеко превосходят и шарики, и сеченую сталь. Это неоспоримое свидетельство усиления «специальной войны» и постоянного «совершенствования» средств массового уничтожения, применяемых заокеанскими интервентами^[5].

«Сабайди Пи май!»

Сегодня, как обычно, — ночной марш. Сначала езда по дороге, а точнее, по размокшему от ливня грунту. Наш газик, словно страдающий пляской святого Витта, скачет и месит колесами превратившуюся в липкую массу глинистую землю. Потом пеший переход. Густая зелень, хлюпающий под ногами ручей, невидимая глазу тропинка и полная темень. Где-то далеко маячит едва различимое, тусклое пятнышко света.

— Это там! — показывает Си Мон.

Да, нелегко идти по такой лестнице...

Черт его знает, где это «там» и когда, мы туда дойдем! Лично мне неизвестно.

Дошли. Сперва карабкаемся по ступенькам, вырытым в глине, потом по камням, затем по жердочкам, укрепляющим крутую тропку, и, наконец, по приставной лестнице... Нет, я никогда не признавалась ни Богдану, ни тем более кому-нибудь из нашей охраны, что каждый раз, когда мы оказывались «на квартире», я с невольным вздохом облегчения оглядывалась кругом. Карабкаться по шаткой лесенке на высоту третьего этажа и переползать через высокий порог внутрь пещеры... Нет уж, хватит! С каждым шагом пот заливает мне глаза, спина мокрая, блуза прилипла к телу...

Полукруглая, искусственно расширенная и прикрытая бамбуковыми матами ниша в скале отведена под жилье Богдана и нашего эскорта. Крепкие деревянные столбы подпирают свод. Внутри ниши — бамбуковые топчаны, противомоскитные сетки, одеяла и развешенные на веревках полотенца. Маленькая стремянка, всего из нескольких ступенек, ведет через лаз в скале в соседний грот, где лежат несколько циновок, приготовленных для меня. Через узкие вертикальные щели в скале днем сюда проникает немного света, а в ясную ночь заглядывают звезды и луна. Маленькая платформа из жердей, втиснутая между скальными стенками, — умывальня. Тут есть кадка с водой, таз и два черпака: одни из жести, второй из скорлупы кокосового ореха.

Несмотря на позднюю ночь, нас ждут двое лаосцев. Тхао Пенг занимается вопросами просвещения, культуры и воспитания в провинции Самнеа. Ему поручено сопровождать нас в дальнейшей поездке. Нанг Кхам Ла, руководитель местной женской организации, через Си Мона говорит мне, что дважды побывала в Европе: сначала на фестивале молодежи в Хельсинки, а затем в столице «страны Полой», то есть в Варшаве. Ох, как тесен мир: где только не встречаются люди!

Вскоре мы отправляемся спать, так как на сон у нас остается совсем немного времени: на рассвете надо вставать. Поедем в город Самнеа и дальше.

Глаза у меня слипаются. В полумраке, при свете каганца, я различаю дружеское, улыбающееся лицо Нанг Кхам Ла. Укладываясь на соседнем топчане, она жестами спрашивает: удобно ли мне? Едва

коснувшись изголовья, я засыпаю как убитая. Мне кажется, что я спала не больше пятнадцати минут, по уже наступает время «побудки».

Туманное, хмурое утро. Богдан ворчит: неизвестно, можно ли будет работать с камерой. А мы ведь многого ожидали от посещения города Самнеа. Что поделаешь: туман, тучи, дождь — все это «высшая сила». Может быть, еще прояснится?

Солнце мглистым багровым диском висит в небе среди туч, которые вроде бы начинают редеть. Наш шофер то и дело высовывается из кабины и посматривает вверх. Впереди нас едет первый газик с охраной. Один из солдат буквально висит на борту и не отрывает глаз от неба. Есть надежда на хорошую погоду и... на появление самолетов.

Окружающий пейзаж окрашен в желтые и багрово-красные тона, лишь кое-где видны пятна зелени. Дорога и крутые склоны гор — цвета охры. На буро-желтых обрывах торчат взъерошенные кусты. Молочно-белый туман заполняет все котловины и ущелья.

Вместе с нами едут представители администрации провинции: Тхао Ой и Конг Муонг, а также «женские кадры», то есть Нанг Кхам Ла. У нее на голове замысловатый тюрбан из полотенца. Тхао Ой показывает нам на дорогу, которая широкими витками спускается в долину. Всюду видны воронки от бомб. Некоторые участки дороги подвергались бомбежке по 20–25 раз.

Горы остались позади. Перед нами плоская как стол равнина, заросли, какие-то руины. Видим разрушенные здания, а среди них — кое-как слепленные хижинки и землянки: мы достигли города Самнеа. Минуем развалины школы, которую, как рассказывает Тхао Ой, разбомбили еще в 1964 году. Машина снижает скорость: среди землянок и жалких хижин снуют люди. Я кричу:

— Смотри, Богдан! Это похоже на азиатский базар!

— Точно! Торговая улица. Это надо посмотреть вблизи!

Мы выскакиваем из газика. Короткий и оживленный обмен мнениями (а по правде — просто ругань) с Тхао Пенгом и Си Моном, Конг Муонгом и Тхао Ой. Конечно, они правы — это небезопасно, так как уже слышен гул кружащих неподалеку «хья бинь Америка». Но нам так хочется наконец увидеть настоящий, живой, хотя и начисто разрушенный город!

Самнеа был когда-то большим — разумеется, по местной мерке — городом, столицей одноименной провинции, торговым центром. После Женевских соглашений 1954 года провинция Самнеа, так же как и соседняя — Фонгсали, была районом перегруппировки армии Патет Лао, и через эти же провинции проходили войска Народной армии Вьетнама, которые должны были отойти с Юга на Север. Как сегодня выглядит этот город — сказать трудно, поскольку большинство его жителей в страхе перед непрекращающимися бомбежками ушло в джунгли и горы. Но, несмотря на постоянную опасность, несмотря на усиливающиеся налеты авиации США, город Самнеа отнюдь не опустел. Об этом свидетельствует оживленное движение на главной торговой «улице». Сюда за покупками спускаются с гор и приходят из джунглей представители почти всех этнических групп и племен. Разноцветная, яркая и живописная одежда, вышивки, узоры и украшения из различных металлов бросаются в глаза.

— Записывай! — лихорадочно маневрируя кинокамерой, умоляет Богдан, — Пиши обо всем, что тут есть, что ты видишь! Я не могу крутить фильм и одновременно делать записи... Ведь ничего подобного мы больше не увидим!..

Портняжная мастерская. Стоит швейная машинка — судя по ее виду времен царя Гороха или по крайней мере первых лет колониальных захватов. Продовольственная лавчонка: соль в пакетиках и какие-то приправы, от запаха которых аж щиплет в носу, связанная пучками сушеная рыба. Палатки и ларьки, в которых можно купить пластмассовые мешочки и сумки, ножи для пробивания дороги в джунглях, листы оцинкованного железа для крыши, мотки разноцветных бумажных ниток, а также серебряные и золотые нити для вышивания узоров на женских юбках и блузах. Рядом с сульфаниламидными препаратами, на которых наклеены американские и французские этикетки, — «тигровый бальзам», популярное восточное лекарство, применяемое при многих заболеваниях.

Посреди дороги неторопливым шагом идет мео — на гладко выбритой голове пучок волос. На спине у него узел с сильно пахнущими травами и растениями. Я иду следом за ним, пытаюсь установить, куда это он направляется со своим необычным грузом.

Девушки в синих вышитых юбках и ярко-красных тюрбанах, вызывая ярость Богдана, подтрунивают над ним и не желают

позировать для фильма. А ему это очень надо — экзотика! На пальцах у девушек кованые перстни, на шеях — серебряные обручи, за поясом — ножи в деревянных ножнах, а за спиной — искусно сплетенные корзинки.

Еще один мео стоит возле прилавка, за которым купец — судя по его виду китаец — тщательно взвешивает маленькие темные комочки зелья. Это опиум.

— Сколько он стоит у вас? — спрашиваю у Си Мона.

Оказывается, средняя цена за сто граммов опиума — 2600 лаосских кипов. Тут, разумеется, идет торговля маленькими дозами. Соседняя лавчонка: в ней висят маленькие мешочки из кожи и разноцветных тряпок. Это фетиши и амулеты, предотвращающие болезни и отводящие гнев злых демонов.

Пожилая женщина присела возле очага, в котором пылает огонь. Она нечет лепешки, похожие на пончики, и рисовые пирожки. Каждая штука стоит 10 кипов. Богдан уговорил-таки девушек в красных тюрбанах и теперь торопится увековечить их на киноплёнке. К нему бежит запыхавшийся Си Мон: несет запасные кассеты. Экзотичный мео с вязанкой ароматных трав куда-то исчез, и я его больше нигде не вижу...

Большое деревянное строение. Внутри — красиво уложенные на полках товары самого обычного ассортимента: ситец, спортивные майки, носки, шарфы, одеяла и простыни. Есть тут и товары местного производства, но преимущественно все же импортные — вьетнамские и китайские. Керосиновые лампы и стекла к ним, чайники, карандаши, ручки, даже игрушки — детские барабаны. Это государственный магазин, где по твердым ценам продаются товары широкого потребления. Метр хлопчатобумажной ткани стоит 260 кино, носки — 200 кипов. Самый дорогой здесь предмет — термос. Он стоит 1500 кипов.

Под сенью широкой кроны дерева *кхо кхао*, которое по внешнему виду напоминает акацию, заведующий магазином Ки Кео кладет на весы большие куски какой-то застывшей массы. Я не сразу догадываюсь об их назначении. Они слегка похожи на янтарь, но темно-коричневого или серо-желтого цвета. Неужели смола? Да, смола. Но совершенно особого вида: *бад вин*. Ее добывают только из некоторых редких деревьев. На мировом рынке она пользуется

большим спросом и применяется при изготовлении дорогих духов. Маленькая страна Лаос обеспечивает свыше половины мировой потребности в этой смоле!

Как долго еще будет цела эта сельская пагода?..

...Наконец-то я отыскала «своего» мео. Оказывается, он принес не только лекарственные растения, но и несколько кусков смолы бад вин. За нее он получает довольно приличную сумму. А что он собирается делать с растениями? Иду за ним. Вот и барак. Из него доносится такой запах, какой обычно бывает в деревенских амбарах. На глинобитном полу лежат кучи сушеных лиан, кореньев и листьев. Что же это — скупочный пункт лекарственных растений? Правильно, скупочный пункт, но не только растения и травы принимают здесь у населения. С изумлением оглядываю олени рога, кости обезьян, медведей и тигров, чешуйчатую шкуру какого-то зверя, которого лаосцы называют *лин*. Это нечто вроде большой панцирной ящерицы. Ее чешуя, как и кости многих диких зверей, обитающих в джунглях, служит ценным сырьем для восточной медицины. Перемолотые в

порошок, они используются для производства лекарств. Скупочный пункт платит по 400 кипов за килограмм обезьяньих или медвежьих костей. Кости тигра ценятся еще дороже. Спрашиваю: а вот эти белесоватые глыбы сгущенного латекса тоже служат лечебным целям? Оказывается, нет. Латекс нужен только для производства каучука. Он будет доставлен туда, где в нем есть необходимость как в ценном сырье для промышленности.

...Самолеты опять воют над нами — на сей раз они значительно ближе, чем раньше. Доносятся близкие разрывы бомб. Улица пустеет мгновенно, будто кто-то одним взмахом гигантской метлы смет куда-то и людей и животных.

Война давно научила жителей Самнеа дисциплине и предусмотрительности. Люди поспешно спрятались в укрытия и противовоздушные рвы. Продавщица лепешек в один миг сгребла свой товар и посуду. Нам тоже приходится сидеть в ближайшем укрытии, пока не стихнет назойливый рев турбин реактивных самолетов. Вообще длительные прогулки по городу в такую пору дня весьма опасны. «Надо уходить отсюда, и как можно скорее!» — решительно заявляют наши сопровождающие. Не без сожаления покидаем мы город и отправляемся в дальнейший путь.

На окраине Самнеа мы на минутку остановились возле красивой пагоды с прелестными цветными фресками на стенах фасада. Каким-то чудом эта пагода Инг Пенг пока уцелела. Надолго ли?.. Вход в нее стерегут расписные звери: стилизованный слон и крылатый конь. Драконы резной работы таращат цветные глаза, выглядывая из-за углов. Перед пагодой стоит колонна в форме цветочного стебля.

Мимо нас проходят двое буддийских монахов. Головы их блестят — настолько чисто они выбриты. Сверкают на солнце и их оранжевые одеяния. Мы приветствуем бонз традиционным лаосским жестом, выражающим уважение: сложенные как для молитвы руки подняты на уровень груди.

Выезжаем за пределы Самнеа. Охрана требует, чтобы мы ехали быстрее — доносится гул приближающихся самолетов. Но в роце мы слышим и другие, тоже знакомые нам звуки. Школу, куда ее ни помести, можно узнать сразу — по характерному гомону веселых ребячьих голосов. И школа всюду остается школой — в хорошем

каменном здании, в бамбуковой хижине, в шалаше, гроте и подземном убежище.

Вспоминаю, что говорили вчера о положении дел в области просвещения, воспитания и культуры Тхао Ой и председатель административного комитета провинции, Сайявонг: «Увы, вам не удастся побывать во всех районах освобожденных зон и познакомиться с обстановкой. Но это не беда: в провинции Самнеа, как в зеркале, отражаются наша повседневная жизнь, заботы, тревоги и наши достижения. Вы знаете, что в период колониального владычества девяносто процентов лаосцев были неграмотными. Теперь положение резко изменилось, но борьба с неграмотностью все еще остается для нас одной из главных задач...»

К 1953 году в провинции Самнеа, насчитывавшей тогда свыше 150 тысяч жителей, умело читать и писать всего около 400 человек. Действовала только одна четырехклассная школа, то есть начальная школа первой ступени. Не было даже семилетки. Учеба в этой школе была доступна лишь детям богачей и мелких чиновников, выслуживавшихся перед колонизаторами. Правда, на территории провинции функционировали еще три маленькие частные школы. Словом, училось всего около пятисот детей — капля в море. Да и программа была самая минимальная: по мнению колонизаторов, «туземцам» достаточно уметь читать, писать и считать, чтобы потом стать мелкими чиновниками где-нибудь в уезде или общине. В школе на первый план выдвигалось изучение французского языка: в Лаосе хозяйничали французы, программа школы составлялась на языке властей, учение велось по их плану. Детей в школах воспитывали в духе покорности и служения колонизаторам.

В тяжелейших условиях первого Сопrotивления Национальный фронт Нео Лао Итсала проводил работу в области просвещения и воспитания детей и юношества. После Женевских соглашений эту деятельность продолжил новый фронт — Нео Лао Хаксат. Дальнейшее развитие событий, появление в Лаосе американцев, новая губительная война — все это, казалось, должно было свести на нет усилия Патриотического фронта в деле развития просвещения и заботы о детях. Но центральные органы Нео Лао Хаксат отдают этой проблеме очень много времени и внимания. Несмотря на зверские бомбежки, несмотря на постоянную опасность, сейчас в провинции Самнеа

действуют около 160 начальных школ первой и второй ступени, а также три полные средние школы. Все они разбросаны среди джунглей, в горных селах или укрыты в гротах. Работает в них более двухсот учителей и воспитателей. Некоторые учителя по происхождению относятся к этническим меньшинствам. Почти треть педагогического состава — женщины. Обучение ведется на лаосском языке. Общее число учащихся школьников в провинции Самнеа превышает шесть тысяч человек, почти 25 % из них — девочки.

— Конечно, их еще маловато, — говорили нам собеседники. — Но мы делаем все, что можно, для увеличения их числа в общей массе учащихся. Однако не так-то скоро и не всюду можно побороть старые навыки, предрассудки и различные трудности, вызванные этой войной, бомбежками, постоянной угрозой опасности, разбросанностью школ, а зачастую и большой отдаленностью их от укрытых в глубине джунглей деревень.

...Шум, предвещающий близость школы, постепенно нарастает. В роще виднеются два бамбуковых барака, крытых гофрированным железом. Вблизи выкопаны траншеи. Щель в скальной стене ведет в подземный грот. Входим в первый барак. Стоят сбитые из жердей и досок скамейки. Более тридцати учеников и учениц встают и приветствуют зарубежных гостей. Я вижу, что мальчиков значительно больше, чем девочек. Успеваю записать название длинных, до щиколоток, юбочек: *кси не*.

— Здесь занимается седьмой класс, — объясняет директор школы Кхам Ман.

В нашу честь ребята хором исполняют популярную песню Патриотического фронта «Приветствуем зенитную артиллерию, которая защищает наше небо». Школьники с любопытством рассматривают нас с Богданом: они впервые видят европейцев-друзей.

Беру в руки первую попавшуюся книжку. Это учебник арифметики. Он отпечатан в подземной типографии, которую мы посетили совсем недавно.

Школа, куда мы попали, существует с 1952 года. Поначалу она находилась в городе Самнеа, но усилившиеся бомбежки и вторжение войск США вынудили Патриотический фронт эвакуировать ее в джунгли. Учителей здесь десять человек, все молодые, некоторые давно

связаны с этой школой и называют ее «своей» — когда-то они были ее учениками, теперь сами учат других.

Просматриваю учебники, работы учеников, тетради, записываю детали, касающиеся школьной программы. Школы тут, как и в ДРВ, действуют «в рассредоточении», то есть классы находятся на расстоянии друг от друга, чтобы не подвергать опасности детей, сконцентрированных в одном месте: это всегда привлекает внимание воздушных пиратов. В двух шалашах разместились шестой и седьмой классы. Среди учащихся больше всего детей из этнических групп лаолум и лаотхынг.

Я убедительно прошу учителей не прерывать занятий. Соглашаются. Сегодня в программе — уроки по математике, истории Лаоса и родному языку. Этот язык лишь теперь получил право гражданства в лаосских школах, хотя народ страны веками говорил на нем.

Разумеется, нам и здесь приходится рассказывать детям о «стране Полой» и показывать на карте из карманного атласа, где она находится. Мы с Богданом передаем школе скромные подарки — значки с гербами Варшавы и Кракова, открытки с видами нашей столицы... Самолеты опять прошли над памп — раз, другой, третий... Теперь они совсем близко. Несмотря на явную угрозу налета, урок продолжается. Девочка, рядом с которой я сижу, что-то шепчет Си Мону.

— Она спрашивает, останетесь ли вы в школе, чтобы вместе с учениками отпраздновать Пи май, наш традиционный Новый год? — говорит Си Мон.

Интересно: какое решение примут Кхам Фой и Дуан? Ожидая их ответа, я спрашиваю девочку:

— Кем бы ты хотела стать, когда вырастешь?

Девочка, которая кажется значительно моложе своих пятнадцати лет, смотрит на меня темными серьезными глазами. Потом вдруг краснеет до ушей и тихо говорит:

— Учительницей...

О, я хорошо понимаю ее решительный ответ! Народы Лаоса, ведущие длительную борьбу за свободу и независимость, строящие новую жизнь упорным трудом, высоко ценят профессию учителя.

...Несколько километров идем пешком. Добираемся до центра подготовки педагогических кадров, который тоже эвакуирован в глубь

джунглей. Его открыли в 1962 году в городе Самнеа, а четыре года спустя перевели сюда.

Директор представляет нам слушателей лицея. Их тут около пятидесяти человек, в том числе всего шесть девушек и женщин среднего возраста. («Слишком мало!» — немедленно слышим мы самокритичное замечание.) Как и среди учеников той школы, откуда мы пришли сюда, здесь преобладают представители этнических групп лаолум и лаотхынг. («Надеемся, что по мере разработки алфавитов и выпуска национальных букварей к нам будет поступать все больше и больше представителей других национальных меньшинств, окончивших школы на местах», — говорит директор лицея.) Срок обучения в центре подготовки учительских кадров — немного больше года. Состоялось уже пять выпусков, готовится к экзаменам шестой. В четвертом выпуске, насчитывавшем свыше девяноста человек, все слушатели принадлежали в этнической группе лаолум, среди них было всего восемь девушек. Год спустя из девяноста восьми выпускников было семнадцать лаотхынгов, двое лаосунгов, а женщин — пятнадцать. До недавнего времени здесь готовили кадры учителей для школ первой и второй ступени, примерно соответствующих нашей семилетке. Теперь начали подготавливать учителей для школ третьей ступени. И хотя этих школ и посещающих их учеников еще очень мало, уже сегодня надо думать о будущем.

Записываю наиболее характерные пункты учебной программы, на которые обращает особое внимание комиссия по просвещению при ЦК Нео Лао Хаксат: воспитание молодежи в духе патриотизма; соединение учебы с трудом, главным образом в сельском хозяйстве; распространение среди учащихся знаний по сельскому хозяйству, в частности обучение способам возделывания риса в военных условиях; помощь населению во время проведения полевых работ; пропаганда основ санитарии и гигиены; самообеспечение продовольствием. В местных условиях сельский учитель, как и фельдшер, санитар, акушерка, играет огромную роль: это своеобразные форпосты новой жизни. А эта новая жизнь добирается до самых отдаленных горных пещер и укрытых в джунглях селений. Она проникает туда, несмотря на бомбы, ракеты, напалм и бешеные атаки «хья бинь Америка»!

Возвращаемся в школу, которую мы посетили сегодня утром. Среди густой тропической зелени слышны возбужденные голоса, смех,

звуки аккордеона. Лаосские товарищи разрешили нам отметить вместе с педагогами и учениками начало новогодних торжеств: Пи май наступит лишь через два дня.

Один из старших учеников держит перед собой гонг, другой — заржавевший котел, которому предстоит выполнять роль тамтама. Оба пытаются настроить эти «инструменты», чтобы аккомпанировать аккордеону. Завидев нас, дети громко и весело кричат: они рады, что мы вернулись и вместе с ними будем отмечать Пи май.

— Каковы обычаи и традиции, связанные с праздником Пи май? — спрашиваю я у сопровождающих.

Кхам Фой рассказывает, что в Лаосе, так же как и в Индии, во время новогодних торжеств люди обливают друг друга водой. Этот обычай называется *хот нам*. Так что вскоре начнутся танцы и... холодный душ.

— Ну, тебе выпала честь представлять нас двоих! — слегка злорадствуя, говорит Богдан, готовя камеру. — Я буду снимать, меня обливать нельзя!

Богдан предусмотрительно прячет наши фотоаппараты в рюкзак и относит его в шалаш. Потом отходит на безопасное расстояние и просит Си Мона передать, что его кинокамеру обливать водой ни в коем случае нельзя: испортится аппарат, сорвется съемка.

— Вы можете потом даже искупать меня в речке, но камеру умоляю не трогать! — говорит он.

— И ты не пойдешь танцевать? — спрашиваю его. — Несмотря на приглашение?!

— Потерпи немного, я скоро присоединюсь! Но сперва я должен заснять наших друзей во время танца. И тебя тоже. Такой редкий случай!

Веселой плясовой мелодией аккордеон подгоняет всех нас. Ему вторит флейта, гонг придает танцу быстрый ритм. Участники традиционного лаосского танца *ламвонг* становятся в ряд, друг за другом. Плавные движения танца не так уж трудны. Но вот первая струя воды, за ней вторая, третья... Из кружек, бутылок, чайников и мисок на нас обрушиваются каскады холодной воды.

Мое обмундирование мгновенно промокло до нитки. Через несколько минут я выгляжу так, словно меня только что вытащили со дна реки. Богдан успел благополучно заснять на киноплёнку

танцующих и теперь присоединяется к нам. Со всех сторон гремят пожелания:

— *Сабайди Пи май!* Счастливого Нового года!

Да, вот как бывает: третий раз встречаю я за эти несколько педель Новый год. Сначала в Варшаве, потом, в феврале, в Ханое я праздновала Тет, вьетнамский Новый лунный год. И наконец, сегодня — Пи май, новогодний праздник — тоже по лунному календарю.

Все еще мокрые, сердечно прощаемся с обитателями лесной школы и садимся в машину. Чтобы согреться, выпиваем по чарке рисовой водки. В пути, выжимая свою армейскую блузу, Кхам Фой предупреждает:

— Подождите, это еще только начало! Всех нас ждет веселое продолжение новогодних торжеств...

Вторая жатва

Ночь в переполненной до отказа машине. Все пассажиры спят сном праведников, хотя газик то и дело подскакивает на выбоинах и неровностях дороги. Сидя спит Богдан, прижимая к себе свою драгоценную кинокамеру. Спят Кхам Фой и Дуан. Заснула и Нанг Кхам Ла. Она очень плохо переносит езду на автомашине, но и ее сморил сои — после солидной дозы польского «авиамарина», который я дала ей перед выездом. Бодрствуют только шофер и, как обычно, я. Но вот сильный подскок, и Си Мон просыпается. Зевая, спрашивает:

— Который час?

— Скоро два, — не без труда разглядев цифры на часах, отвечаю я. — Далеко еще?

Длинный и сладкий зевок.

— Надо бороться... любой ценой... с сопливостью... Так же, как с врагом... э-э-э...

Не dokonчив своей тирады, Си Мон засыпает. Голова его склоняется на грудь, я слышу равномерное дыхание. Нет никакого смысла мучить его вопросами.

Погружаясь в чуткую, то и дело прерываемую дремоту, я где-то около половины третьего ночи вдруг просыпаюсь. Наш газик внезапно остановился. Вокруг машины раздаются голоса. Мы приехали в селение Л., где нам предстоит задержаться на два дня.

Из темноты появляются еле различимые фигуры людей. Их становится все больше и больше — мужчин и женщин. Замечаю, что все они вооружены винтовками. Это «партизанская деревня», не раз атакованная врагом. Крестьяне окружили машину, дружески жмут нам руки, восклицают традиционное «*Сабайди!*». Сыплются вопросы:

— Как вы себя чувствуете?

— Не мешали ли вам в пути самолеты?

— Очень устали?

— Ночлег вам приготовлен. Хотите спать?

Кто-то хватает у нас из рук багаж. Кто-то показывает дорогу, на миг включая электрический фонарик. Сегодня мы будем ночевать не в гроте, а на земле. Хижина на сваях. Под ногами пружинит бамбуковый

пол. Кружка терпкого чая, разостланное одеяло. Ни у кого из нас уже нет сил развешивать противомоскитные сетки. Не открывая слипающихся от усталости глаз, Богдан выпивает несколько глотков ароматного чая и мгновенно засыпает. Я выскальзываю на минутку из хижины и, напрягая зрение, боясь пользоваться фонариком, ищу «тихое местечко»...

Если бы Кхам Ла была рядом со мной, она наверняка догадалась бы, что я ищу. Мы с ней уже научились «говорить» друг с другом при помощи жестов. Но, измученная непривычно долгой ездой на газике, она спит теперь как убитая.

Возле хижины все еще спуют люди. Кто-то появляется из мрака и показывает мне направление. Двигаюсь в темноту и вдруг замечаю, что я... не одна! Слышу за собой тихие шаги, оглядываюсь и с изумлением различаю, что вслед за мной идут три вооруженные женщины! Останавливаюсь, красноречивыми жестами умоляю их оставить меня одну... Как об стенку горох! Не понимают или не хотят понять? Стоит мне остановиться, останавливаются и они. Я делаю шаг вперед — они за мной! Волей-неволей я смиряюсь с присутствием такого «эскорта». Женщины сопровождают меня до самого «санитарного уголка», прикрытого плетенкой из тонких бамбуковых прутьев. Они «стоят на посту» и терпеливо ждут меня, затем опять эскортируют до хижины...

Хорошо выспавшись, мы встали около восьми часов утра. Богдан выглядывает наружу, откинув кусок брезента, которым прикрыто отверстие в стене.

— Послушай, Моника! — вдруг тихо говорит он. — Вроде бы ты ночью выходила куда-то... Можешь показать мне, где находится это место?

— Возле нашей хижины увидишь кухню, за ней тропинку. Пойдешь налево, к зарослям, там увидишь плетеную загородку... Только не думай, что будешь там один!

— Как так?!

Я рассказываю ему о моем ночном «эскорте». Богдан легкомысленно машет рукой и слезает по стремянке вниз. Не проходит и минуты, как он, словно ошпаренный, покрасневший, как девчонка, поспешно взбирается обратно. Я не могу удержаться: хохот валит меня на циновку. Слышу его просьбу, обращенную к Си Мону и Кхам Фою:

— Дорогие друзья! Объясните, пожалуйста, вашим землякам, что есть такие места, где человеку надо хотя бы на минутку остаться одному...

Оказывается, едва только он двинулся в указанном мною направлении, как из-за угла выскочили два рослых усатых партизана с автоматами. Они хотели было сопровождать Богдана до «заветного» места, но он тут же позорно бежал...

После разговора с партизанами Си Мон предупреждает нас:

— Если вы не хотите, чтобы вас «туда» сопровождали, пи в коем случае не сходите с тропинки.

Мы клянемся ему, что будем строго придерживаться тропинки и не сходить с нее даже на сантиметр. По правде говоря, нам не очень-то ясно, зачем это надо и какая такая опасность может грозить нам, если мы собьемся с дороги? Но через полчаса нам становятся понятны опасения лаосских товарищей. Да, действительно нельзя сходить с тропы, пробитой в зарослях: кто не знает этого, тот легко может нарваться на неприятность. Повсюду здесь — среди кустов и просто в траве — расставлены ловушки, западни, на дне которых лежат доски с торчащими вверх гвоздями и отравленными ядом колышками. Такие «ямочки» называются здесь *кхоум хоуак*...

Моя поездка по Лаосу закончилась бы преждевременно и весьма трагически, если бы я пошла одна и нечаянно наступила бы на искусно сделанную ловушку, состоящую из лиан и отравленных страшным ядом стрел. Один неосторожный шаг — и «будь здоров на том свете!», как говорят у нас в Польше: отравленная стрела *хао* мгновенно впиалась бы мне в живот или в шею. Брр!.. Яд, которым смазаны эти колышки и стрелы, действует мгновенно и безотказно. Против такого яда европейская медицина и фармакология пока еще не изобрели противоядия.

Третий вид ловушек, *кха тан хине*, применяется очень часто, особенно на пересеченной местности и на склонах гор. При помощи длинных лиан вызывают искусственный обвал и осыпают противника градом летящих с огромной скоростью скальных обломков и камней.

Партизаны готовят для врага ловушку из отравленных ядом стрел

Вы можете усмехнуться и сказать, что все это — примитивные средства борьбы и обороны. Да, конечно. Но это примитивное оружие находится в руках умело пользующихся им людей, которым на их родной земле благоприятствует решительно все — климат, растительность, местность. Отважный и свободолюбивый народ, используя свои примитивные средства борьбы, успешно борется с превосходящими силами заокеанских агрессоров и остается непокоренным.

Жители селения, где мы остановились, на протяжении многих лет защищались от карательных и «усмирительных» экспедиций еще во время колониального владычества французов. И сейчас люди каждый день выходят на работу в поле с неразлучной винтовкой. Следы бомбежек видны тут на каждом шагу.

При ярком дневном свете мы внимательно осматриваем окрестности. Хижины на сваях построены так, что целиком находятся над сенью деревьев и почти незаметны для самолетов. Местность предгорная: по пологим склонам холмов стелется туман. На отдаленных горах видны столбы дыма: там выжигают лес и готовят

землю под вспашку. На сырых участках в обширных долинах зеленеют нежные ростки молодого риса...

Но «обезьяньему мостику» переходим на другой берег речки и оказываемся на рисовых полях. Идем по гребням оградительных валов. Грунт такой скользкий, что я хочу снять сандалии и идти босиком. С помощью Си Мона хозяин той хижины, где мы ночевали, Сиванхуопг предупреждает:

— Здесь, в мелководье, полно всяких пиявок. Остерегайтесь, будьте внимательны!

На полях зеленеет молодая рассада. Ранней весной с полей был убран урожай риса, посаженного еще осенью, а в ноябре предстоит новая жатва. Мы слушаем рассказ сопровождающих нас товарищей о неимоверно трудной борьбе, которую пришлось вести крестьянам, чтобы заставить землю давать два урожая в год. Тяжело было обрабатывать неподатливую горную почву, но не легче было преодолеть и глубоко укоренившиеся навыки и предрассудки. Так что перед кадровыми работниками Патриотического фронта стояла двойная задача: заставить землю давать более высокий урожай, да еще дважды в год, а также убедить мостное население не бояться «гнева богов» за нарушение древних обычаев.

— Наши крестьяне обычно недоедали значительную часть года, — говорит Тхао Фенг, кадровый работник из Самнеа, отлично разбирающийся в сельских делах. — Они не раз страдали от голода, но свято верили в то, что нельзя дважды пахать землю, нарушать ее покой и гневить спящих в ней демонов. Издавна, можно сказать испокон веков, урожай тут собирали только один раз в год, в период дождей. Люди считали, что, если они выйдут на поле в сухой период, духи, опекающие землю, разгневаются и не дадут влаги в период дождей и тогда засуха погубит поля. Трудно, ох как трудно было разъяснить крестьянам, что надо попытаться собрать второй урожай!..

По полям снуют небольшие группы крестьян. Быстрая и оживленная Нанг Кхам Ла, совсем оправившаяся после трудной ночной поездки, присоединяется к крестьянам. То же самое делают Си Мон и Кхам Фой. Я не без удивления смотрю, как ловко пикируют они рисовую рассаду.

— Как это вам удастся работать не хуже крестьян? — спрашиваю у Кхам Фоя.

Он отбрасывает со лба непокорную прядку волос, распрямляет усталые плечи и с улыбкой отвечает:

— Видите ли, все мы, кадровые работники Нео Лао Хаксат, прошли специальную сельскохозяйственную подготовку. Кто-то должен же был на собственном примере доказать крестьянам, что злые духи не наказывают тех, кто нарушает покой земли. Когда люди убедились, что земля вовсе не гневается и что от нее можно получить больше риса, чем прежде, градом посыпались просьбы прислать опытных работников, которые покажут, как выращивать второй урожай риса и как обводнять поля.

— Правда, пока что у нас нет излишков риса, — вступает в разговор Сиванхуонг, — по мы умеем выращивать маниоку и такие овощи, которых у нас раньше почти не знали. Так что мы теперь не голодаем. К тому же за это время мы научились сушить и сохранять овощи.

...Ранним утром я иду вместе с несколькими женщинами к реке. Кхам Ла и две девушки из ночного «эскорта», которые по-прежнему сопровождают меня, сбрасывают одежду и с удовольствием прыгают в воду. Река быстрая, я не рискую плавать и стою в воде почти у самого берега. Стираю запасную смену белья и радуюсь, что в этой холодной реке нет отвратительных пиявок. Третья женщина из моей охраны — ее зовут Тхао Фом — сидит на берегу и смотрит на купающихся, не выпуская винтовки из рук. В ответ на пригласительный жест Кхам Ла, которая плавает как рыба, Тхао Фом отрицательно качает головой. Затем, показывая на винтовку и на небо, говорит:

— *Хья бинь Америка!*

Да, она права: надо быть осторожным. Тхао Фом рассматривает мои поцарапанные в пути руки и ноги, неодобрительно качает головой и произносит:

— *Мак кен...*

Позже я узнала, что это название колючего кустарника, который часто ранит кожу во время прохода через заросли. Надо быть осторожным, так как такие царапины плохо заживают, болят и гноятся.

Я знаю, что Тхао Фом больше сорока лет, что у нее пятеро детей. Обе девушки из моей охраны значительно моложе и могли бы быть ее дочерьми: одной всего семнадцать, а второй — двадцать. Все три отлично стреляют, мастерски устраивают ловушки и западни. В

трудные минуты, когда к деревне приближались отряды противника, чтобы «усмирить» непокорных, женщины прорывались в джунгли за помощью территориальных формирований или частей регулярной армии Патет Лао.

После завтрака нас ждет бун. Так по-лаосски звучит слово «праздник». Разумеется, это Пи май, начало которого мы отметили в лесной школе. В деревнях он проходит шумно и торжественно.

Вчера я расспрашивала Си Мойя о других традиционных праздниках. В городах Лаоса, так же как и в соседней Камбодже, в конце периода дождей отмечается Праздник вод. По реке тогда пускают плоты, на которых горят масляные светильники. Они символизируют жертву злым духам и капризным демонам. В погоне за принесенными им дарами духи уплывают вниз по течению рек. А на пороге лаосского лета, в мае или июне, жители горных селений особенно торжественно отмечают Праздник духов: тогда в жертву духам приносят буйвола. В этом празднике обычно участвуют ворожеи, с помощью которых духи якобы предсказывают собравшимся их будущее.

...На земле расстелена большая циновка. На ней стоит традиционное деревце *фа кхуан*, сплетенное из веток, травы и цветов. Оно символизирует урожай, а мне напоминает нашу рождественскую елку. Под деревцем лежат букетики из белых и алых цветов. Рядом с букетиками положены бетель, яйца, куски вареной курицы и кокосовые орехи, стоят маленькие чарочки, наполненные рисовой водкой. Мун Бун, хорошо знающий традиционную восточную медицину, обладающий талантом певца и мастерством актера, начинает певучую мелодекламацию. Мы внимательно слушаем его, сидя на пятках, со сложенными на груди руками. Мерный и легкий треск камеры смешивается с протяжным пением. Богдан снимает не виданную нами раньше сцену праздника. Партизаны из отряда самообороны стоят на постах за деревней. Винтовки их наготове: возможен налет американской авиации.

Мун Бун поет импровизированную оду о гостях из «страны Полой», которая лежит за горами, за лесами — далеко, очень далеко от страны Лао: «Будем же помнить тот день, когда нас посетили друзья! Это день Нового года, новой весны, новых побед. Наши предки сражались против злых духов. Мы же сражаемся против злобных

врагов, которые хотят уничтожить наши хижины, опустошить наши поля, отнять у нас рис насущный. Борьба наша длительна и трудна, но закончится победой... Помогите нам в нашей борьбе вы, которые прошли полмира, не боясь трудностей, не страшась опасностей, чтобы добраться до страны и народа Лао!.. Отойдите прочь, злые демоны! Явитесь к нам, добрые духи, чтобы дать нашим далеким друзьям крепкое здоровье, долгую жизнь и благословение неба! Счастливого Нового года, друзья!»

За праздничным столом становится шумно. Богдан закончил съемку. Он садится на корточки возле меня и посматривает на стол. Но, прежде чем мы успеваем дотянуться до дымящегося риса, который, как и всюду в Лаосе, подается в красиво сплетенных корзиночках *гиб кхао*, начинается церемония *баси*. Жители села по очереди подходят к нам и завязывают у нас на запястьях обеих рук белые шерстяные нитки. Обряд *баси* связан не только с новогодним праздником — белые нитки обязательно завязывают на руках гостей также на свадьбе, во время визита по случаю рождения ребенка, перед отъездом в далекий путь и по случаю прибытия в дом верных друзей. Чем больше нитей, завязанных на запястье, тем больше сердечных пожеланий.

Женщины приглашают нас отведать рисовый напиток *кхао том*. В огромной кадке посреди густой массы, напоминающей бродящие дрожжи, торчат тростниковые трубочки. Обряд дегустации этого напитка называется *кин лао хай*.

— Пошли! — подмигивает мне Богдан. Мина у него такая, словно он хочет сказать: «Назвалась груздем — полезай в кузов». — Надо всего попробовать. Это не так уж страшно!

Отделаться от кислого вкуса *кхао том*, напоминающего испортившееся пиво, помогает лишь рюмка рисовой самогонки. Мерные удары в гонги и барабаны. Кружат по застолью чарки из тыквы и корзиночки, то и дело наполняемые ароматным аппетитным рисом. Тем самым рисом, который в этом селении, как и во многих других местах Лаоса, собирают с полей *дважды в год*! Мы запомним это и опишем по возвращении домой. Запомним склады риса в гротах и пещерах, не забудем и о молодой рисовой рассаде, которая сейчас ярко зеленеет на полях, где полно воронок от бомб.

Выезжаем из Л. при последних отблесках заходящего солнца. Сумерки опускаются на землю быстро, но все же мы еще успеваем заметить красоту спокойных, гаснущих красок пейзажа... Небо в розовых тонах, горы сначала голубеют, потом синеют. На земле преобладают два цвета: алый и зеленый. Красная почва и темная зелень диких бананов с мясистыми листьями и широкими кронами. Лохматая зелень заполняет глубокие ущелья и, словно мехом овчины, покрывает обрывистые склоны гор. Внизу, на дне ущелий, быстро текут бурные реки и ручьи. Пока еще все красиво и спокойно, но...

Около дороги на пологом склоне холма высится большая роща ширококронного бамбука. Шелест его листвы долго будет помниться нам и тревожить даже тогда, когда Лаос останется далеко позади...

Песня спешит на фронт

Снова тяжелый пеший переход. Дорога идет по горным склонам и обрывает в хмурой и туманной полутьме. Мелкий и нудный дождичек переходит в ливень. Тропка очень крутая и скользкая, идти по ней опасно. Гибкие и топкие стебли вьюнка обвиваются вокруг наших ног, затрудняют движение. На один короткий миг блеснет луч фонарика, и снова темно. Слышим тихие оклики солдат нашей охраны. Богдан отчаянно ругается, но, к счастью, по-польски, так что никто, кроме меня, его не понимает. Сумку с запасными кассетами несет один из наших лаосских товарищей. Сам же Богдан не выпускает из рук своей кинокамеры и считает, что ей (а не ему!) грозит опасностью каждое неосторожное движение. Я тоже боюсь за сохранность моих фотоаппаратов. Просто счастье, что их у меня два! Если разобьется один, то можно будет работать вторым. А если сломаются оба?..

— Внимание! Осторожно!

Споткнувшись о камень, я едва сохраняю равновесие. Что-то вцепилось в рукав моей блузы. Колючий куст, название которого я не знаю, больно ранит плечо... Позабыв о всякой гордости, преодолеваю очередной поворот крутой тропинки... на четвереньках! Так безопаснее. Лишь бы не ударить фотоаппараты о камень.

— Холера ясна! — ворчит Богдан. — Тоже мне гениальная мысль... Ну, за каким дьяволом нужно было идти по этому чертову ущелью, да еще ночью?!

Кхам Фой, словно угадав смысл этой тирады Богдана, подходит к нам.

— Днем здесь очень опасно. Самолеты... — слышим из темноты его голос.

— Можно было бы выйти в сумерки, когда еще видно хоть что-нибудь! — не сдаётся Богдан. — А что теперь? От самолетов мы избавились, а свернуть шею или поломать ноги в любую минуту можно...

— Еще немного! Теперь уже недалеко, — утешает нас Кхам Фой.

Это «немного» затянулось надолго. Глаза привыкли к темноте, и мы кое-как различаем детали пейзажа. Нагромождение скал слева и

справа. Заросли бамбука. В могучем дереве, как бы расколотом пополам, зияет огромное дупло. Мы останавливаемся, чтобы перевести дух. Задрал голову, я смотрю на небо. Ни одной звездочки...

Вокруг нас начинается оживленное движение. Слышу возобновившиеся тихие оклики солдат.

— Похоже, что мы пришли на место, — говорю Богдану.

— Да? — насмешливо отвечает он. — Нет, это было бы слишком прекрасно... Не верится! — возясь со своим багажом, ворчит Богдан.

Внезапно мы слышим четкие и ритмичные удары гонга. Тревога? Пожалуй, нет: ведь самолетов пока не слышно. Один из наших лаосских товарищей стоит возле крыла сбитого вражеского самолета, которое подвешено на железном крюке, и ударяет по нему каким-то предметом. Снова повторяются вибрирующие, ритмичные звуки — один протяжный, второй отрывистый...

— Это что же: фанфары в нашу честь? — с насмешкой спрашивает Богдан.

— Нет! — отвечает ему из темноты Си Мон. — Как вам известно, мы направляемся к месту расположения Центрального ансамбля песни и танца. Если бы мы своевременно не предупредили этим условным сигналом охрану, то наши товарищи из ансамбля немедленно открыли бы огонь.

С некоторым облегчением узнаю, что сигнал был услышан. Из мрака появляются две неясные фигуры. Спешат к нам. Кто-то протягивает мне руку и помогает идти. Кто-то другой, жестами и на ломаном французском языке, предупреждает: наклоните головы, иначе ударитесь о скальные выступы. Среди горных расщелин тускло мерцает пятнышко света. Слышу оживленные голоса. Еще минута, и мы оказываемся в шалаше, «встроенном» прямо в скальную стену.

Нас окружают улыбающиеся молодые лица.

— *Сабайди! Сабайди!*

Слова приветствия звучат со всех сторон. Горит керосиновая лампа, искусно сделанная из корпуса шариковой бомбы. Молоденькая девушка склоняется к моим ногам... Это еще что такое! Пытаюсь громко протестовать и чувствую, как ловкие тонкие пальчики развязывают шнуровку на моих сандалиях. Что делать?..

— Она хочет помочь вам! — говорит Дуан. — Надо немедленно проверить: не впилась ли в ваши ноги какая-нибудь древесная пиявка,

скажем *тхак*...

Действительно, маленькие черные червячки извиваются на моих ногах. Кто-то из присутствующих протягивает горящую сигарету. Девушка огоньком сигареты прижигает отвратительных пиявок, и они отваливаются от кожи. Остаются лишь маленькие ранки, из которых сочится кровь. Как это я не догадалась натереть ноги мылом — во Вьетнаме оно помогало избавиться от назойливых гадов.

Пиявки не отказались и от Богдана, который со злостью отрывает их и бросает в огонь очага. Достāju из походной аптечки перекись водорода, промываю ранки и спешу на помощь Си Мону: наш переводчик зацепился ногой за камень и здорово покалечил ее. А ведь во время перехода он даже не ойкнул! Из разбитой ноги сильно течет кровь. Делаю ему перевязку.

В полумраке различаю на стене помещения яркие, от руки написанные плакаты и неизменную, встречаемую нами во всех пунктах нашей поездки надпись: «Привет делегации журналистов из страны Полой!» После дьявольски трудного ночного перехода нам здесь тепло и уютно. Может быть, тому причиной горячий ароматный чай, дымящийся в керамических чашках?

Или знакомые, хотя и немного искаженные, по легко узнаваемые слова, то и дело повторяющиеся в начале беседы: Варшава, Быдгощ, Белосток?..

Именно в этих городах Польши всего год назад выступал Центральный ансамбль песни и танца Нео Лао Хаксат.

— В нашем коллективе больше семидесяти человек, преимущественно молодежь, — рассказывает художественный руководитель ансамбля Пассеутх, высокий, рослый мужчина с мягким, немного грустным взглядом темных, выразительных глаз. — Но сейчас здесь, на базе, нас всего около тридцати. Остальные на гастролях в окрестностях базы и в тех местах, где идут бои. Наши товарищи выступают там перед бойцами и сами довольно часто бывают на передовой.

— Давно ли организован ваш ансамбль?

— Пожалуй, датой нашего рождения можно назвать пятьдесят четвертый год. В это время из маленьких и разбросанных артистических группок, выступавших среди бойцов Патет Лао во время первого Сопrotивления против французских колонизаторов,

постепенно был создан единый ансамбль. Мы находились тогда во Вьентьяне. Население столицы и по сей день вспоминает наши выступления. А мы помним вашу Польшу, где выступали в начале шестьдесят седьмого года. Но самые старые участники ансамбля и мы, его руководители, впервые столкнулись со словом «Полой» и получили дружескую помощь польских товарищей значительно раньше...

Обстановка в стране была тогда трудной и запутанной. Выступления ансамбля, которые были проникнуты любовью к родине и свободе и призывали бороться за мир и независимость, не понравились врагам единства страны. Времена колониального владычества французов закончились, но во Вьентьян хлынули американцы. В городе буквально кишели агенты и осведомители ЦРУ.

— Сперва они только следили за нами и ходили по пятам, — вспоминает Чанг Нонг, помощник Пассеутха. — Потом это им надоело и они перешли к активным действиям...

— Однажды мы выступали в здании вьентьянского городского театра, где было электрическое освещение, — говорит Пассеутх. — Чьи-то «таинственные» руки перерезали электрические провода вскоре после начала концерта. Сцена погрузилась в темноту, в зале возникла паника. Во время очередного нашего выступления, проходившего в зале кинотеатра, кто-то бросил на сцену две слезоточивые гранаты — сразу, как только вышли наши молодые артисты. Позже диверсионный акт был значительно более грубым и мог закончиться трагически: около кулис взорвалась предательски подложенная мина. Было ранено несколько участников концерта. Принц Суфанувонг обратился тогда к полякам, членам Международной комиссии по наблюдению и контролю. И вот польские врачи оказали помощь раненым артистам...

Сквозь шум дождя мы слышим какой-то гул. Это американские самолеты. Несколько парней встают, чтобы прикрыть лампу кусками циновок. Затем они проверяют, не проникает ли свет за пределы шалаша.

— ...Нам пришлось тогда покинуть столицу, — вступает в беседу музыкальный руководитель и дирижер ансамбля Линь Тхонг, который хорошо помнит вьентьянский период. — Почему? Огромный интерес жителей города к нашему ансамблю был бельмом на глазу для наших врагов. Бывало, что королевские полицейские и даже солдаты «с той

стороны баррикады» вручали нашим танцорам и певцам сувениры, выражая при этом горячую благодарность за исполнение патриотических песен. Но никакие симпатии наших зрителей и слушателей не могли защитить ансамбль от нападков и козней врага...

— А что было после вашего отъезда из Вьентяна?

— В течение длительного времени, разбившись на небольшие группки, мы выступали в деревнях, подальше от городов, — говорит Пассеутх. — Но в шестидесятом году мы опять соединились. Теперь наш ансамбль окружен заботой центрального аппарата Нео Лао Хаксат. Те несколько лет, что мы провели в селах, не пропали зря: бывая среди крестьян, мы изучили народные танцы, собрали множество старых песен. Все это очень обогатило наш репертуар. Лаосский фольклор — это сокровище, которым до нас почти никто не интересовался.

— А как используются старые кадры? — спрашиваю я.

— Многие прежние участники ансамбля, выступавшие на сцене десять-двенадцать лет назад, служат сейчас в армии Патет Лао или в кадрах Нео Лао Хаксат.

Некоторые руководят культурной жизнью и просвещением на селе и в уездах. Дело в том, что в ансамбле могут участвовать только молодые люди в возрасте шестнадцати-двадцати лет. Это ведь не такая уж легкая работа! Обычно мы принимаем кандидатов, умеющих читать и писать, обладающих определенными артистическими данными. Подготовка каждого набора продолжается более года. А как выглядит наша учеба — увидите сами.

Знакомство с жизнью молодых артистов откладываем на завтра. Рано утром мы уже внимательно следим за ходом занятий. Несколько часов подряд идет репетиция — песни, танцы, занятия по сольфеджио. Учеба проходит под открытым небом, в узкой котловине между скалами. Но всюду зорко следят за небом посты самообороны. Им приходится быть начеку: музыка и пение могут помешать вовремя услышать гул приближающихся самолетов.

Барак из толстых стволов бамбука, построенный участниками ансамбля (Тхонг назвал его «лекционным залом»), сгорел дотла во время одного из массированных налетов вражеской авиации.

— Мы потеряли тогда значительную часть костюмов, много музыкальных инструментов, транзистор, — с горечью замечает Чанг

Нонг.

— Как часто ансамбль подвергался бомбежкам?

— О, много раз!.. Совсем недавно, с месяц назад, четыре «хья бинь Америка» яростно атаковали эту местность, — рассказывает Пассеутх, — Они прилетели с запада, используя огромную щель в тесной горной цепи, окружающей котловину. Это были два Ф-105 и два АД-6. От сброшенных ими зажигательных ракет в ближайшей деревне сгорело девять хижин. Досталось бы и нам, если бы мы вовремя не спрятались в укрытие... С шестьдесят пятого по шестьдесят восьмой год нам шесть раз пришлось переносить свою базу.

У подножия скал — полоса зелени. На клочках старательно возделанной земли растут овощи, батат.

— У нас были бы трудности с питанием, если бы не самообеспечение, — говорит Тхонг.

Каждый день в вечерние часы все члены ансамбля выходят на полевые работы. В вечерние же часы — дополнительная учеба в объеме начальной школы и политподготовка.

— Пока что на нашем счету около трехсот выступлений среди солдат и гражданского населения, — не без гордости замечает Пассеутх.

— Какие наиболее трудные и опасные моменты испытал ансамбль во время своих поездок на фронт?

— Год назад в уезде Х. мы едва не попали в засаду. На дороге, по которой ехала наша машина, диверсанты установили мину. По впереди ехал военный патруль. Это нас спасло: та машина была серьезно повреждена, несколько человек ранено.

— А как теперь? Дают вам охрану?

— Нет. Обычно мы делаем переходы, имея с собой оружие, чтобы защищаться в случае необходимости. А вообще-то каждому из нас приходится нести кроме винтовки еще двадцать килограммов груза: НЗ продовольствия, костюмы, музыкальные инструменты и все, что необходимо для жизни и работы в пути... Не раз мы выступали перед бойцами сразу после сражения. Бывали мы и в так называемых скользких зонах — на территории, которая часто переходит из рук в руки. Население всегда помогает нам, охраняет, предупреждает о приближении врага. Всюду, где мы бываем, наши люди собирают

старые песни и народные сказания. Неизмеримо богатство нашего народного искусства! И мы жаждем показать миру хотя бы сотую его долю...

Ансамбль побывал в двух заграничных поездках — в конце 1964 года он посетил Китай и КНДР. Второе турне состоялось в 1966–1967 годах и продолжалось несколько месяцев. За это время молодые артисты объездили немало стран — они выступали в Советском Союзе, Монголии, Польше, ГДР, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании, а затем во Вьетнаме и снова в Китае. Зрители Варшавы, Белостока и Быдгоща горячей овацией встречали «Тапец победивших бойцов», «Танец жатвы» и пантомиму, показывающую возвращение бойцов в родное село после успешного боя. Бурные аплодисменты сопровождали исполнение польских песен. В ансамбле до сих пор напевают «Пташку» и «Едут гости, едут».

...Едва оркестр стал настраивать инструменты для концерта в нашу честь, как в небе внезапно раздался гул самолета. Мы инстинктивно прижались к скальной стене. Артисты мгновенно рассредоточились по всем уголкам грота. Бойцы из группы самообороны схватились за оружие, заняли свои места. Бомбы взорвались где-то неподалеку, за перевалом.

Мы ждали с полчаса. Наконец Линь Тхонг дал знак: можно начинать. Чансамай, молоденькая певица, выполняющая одновременно и роль конферансье, обращается к нам с Богданом:

— Вы пришли к нам, чтобы собственными глазами увидеть жизнь нашего народа. Суровую, трудную и тяжелую, проходящую в непрестанной борьбе — борьбе, которую мы будем продолжать до окончательной победы. Мы верим, что вы сделаете многое, чтобы помочь нашему справедливому делу и укрепить дружбу народа Полой с народом Лао. В благодарность за это мы дарим вам наши танцы и песни...

Первый номер программы — это уже известная нам песня «Приветствуем зенитную артиллерию». Однако мы еще не слышали ее в столь прекрасном исполнении. Наверное, учеба молодых артистов в военных условиях Лаоса проходит иначе, чем в тех странах, где жизнь идет нормально — без бомбежек, разрушений и смерти. Но способности и талант можно распознать сразу и всюду. Сильные и

мелодичные голоса девушек, кажется, раздвигают стены скального ущелья.

Маленькая и красивая как куколка певица Да Нья. Вчера за ужином она спрашивала меня через Си Мона: «Как же так: мы ничего плохого американцам не сделали, почему же они напали на нас?» Сейчас она исполняет песню о борьбе: «Девушки, вступайте и вы в наши ряды! Женщины-матери! Защищайте домашние очаги и своих детей! Пусть старые люди остаются в деревнях, чтобы возделывать рисовые поля. Все молодые и здоровые — на фронт!»

Обтянутый кожей бубен с побрякушками — *конг* — отбивает ритм. Пронзительно звенят цимбалы — *синг*. Им вторят аккордеон, однострунная скрипка и *кхены* — бамбуковые флейты. Выступает еще одна вокалистка, прелестная и не лишенная кокетства. В ее ушах колышутся большие серебряные серьги. Голосок у нее нежный и чистый, как кристалл. Звучит *Тоели му онг* — народная песенка, воспевающая красоты Самнеа. Она сопровождается ритмичными хлопками остальных членов ансамбля. Следующую песенку исполняют сразу три певицы. Шутливая и задорная, она рассказывает о девушках, которые встречают возвращающихся после боя воинов. Поселка, исполняемая в дни праздника Пи май: «Пусть весь народ в наступающем Новом году утроит свои усилия в борьбе...» Еще одна песня: «Сражались наши деды и отцы... И мы делаем это. Мы заставим врага уйти с нашей земли. Для всех хватит риса, земли и солнца...»

«Танец урожая». Плавно двигаются по кругу молодые артистки. Ритмичный и грациозный шаг — такой же, как и в известном нам танце ламвонг. Гибкие, пластичные, полные несказанной прелести и гармонии движения рук. Очередной номер программы: *лам*. Это мелодекламация с острым сатирическим содержанием, похожая на наши частушки.

Записывая текст песен, слова которых мне поспешно переводит Си Мон, я невольно думаю о второй группе ансамбля, которая сейчас находится где-то на передовой. Возможно, что и эти талантливые молодые артисты, с которыми мы познакомились только вчера, завтра пойдут по дорогам, усеянным минами и бомбами замедленного действия...

Песня о «стальной горе» Фо Кхут, которая словно сторожевая башня преграждает врагу путь в стратегически важную Долину Кувшинов:

Высока гора Фо Кхут,
по виду похожая на седло.
Высока гора Фо Кхут,
которая защищает нас от врагов.
Сто раз подступал сюда враг,
сто раз отступал от горы...

Песню о горе Фо Кхут создал руководитель ансамбля Пассеутх после окончания турне по социалистическим странам. Очень жаль, что ее еще не слышали в Европе — она прекрасна!

— Совсем недавно у нас стали записывать ноты, — говорит композитор. — Прежде наши народные певцы играли и пели на слух, и только так мелодии передавались из поколения в поколение. К сожалению, ноты песни о горе Фо Кхут сгорели во время недавнего налета. Но песня осталась и ее будут петь!

Я тоже верю: песня, рожденная в огне битв, доживет до победы народа Лаоса!

Визит к «красному принцу»

Сперва езда в сумерках, потом в крошечной мгле. Время от времени слышу зловещее уханье совы и громкое кваканье лягушек. Вылезаем из машины — дальше придется идти пешком. Стараюсь шагать осторожно, чтобы не промочить сандалии и не слишком забрызгать грязью свое обмундирование. Сегодня нам с Богданом предстоит самый важный визит из всех, которые были запланированы для первых журналистов из Польши, находящихся в освобожденных зонах Лаоса.

Узкая тропка. Мокро и скользко. С обеих сторон растут невысокие лохматые пальмы. Над головой тянутся многочисленные провода. Бетонные ступеньки ведут к продолговатой расщелине, в которой виднеется свет. Листы гофрированного железа прикрывают вход.

Подземная «комната». Слева у стены — знамя Лаоса. Рослый мужчина в кожаной тужурке дружески протягивает нам руку. У него правильные черты лица. Кустистые, резко очерченные брови, небольшие подстриженные усы и быстрые глаза, в которых временами появляются веселые искорки. Темные волосы посеребрила седина...

Это принц Суфанувонг, председатель Центрального Комитета Нео Лао Хаксат. Принц — признанный вождь сражающегося лаосского народа, политик и государственный деятель, а вместе с тем человек, при жизни ставший легендой. Его отвагу, ум, бескомпромиссность и страстный патриотизм признают даже враги.

«Красный принц» происходит из влиятельной ветви находящейся у власти королевской династии. У его отца, принца Бун Конга, было двадцать сыновей, из которых Суфанувонг — самый младший. После преждевременной смерти отца заботу о семье взял на себя старший из братьев, принц Петсарат. И хотя сыновья Бун Конга были сводными братьями (они происходили от одного отца, но от разных матерей), старший был обязан нести опеку над остальными. Он получил хорошее образование: закончил во Франции Политехническую школу и имел диплом инженера-полиграфиста. Младших братьев Петсарат заставил окончить начальную школу, затем лицей в Ханое, а позже направил на учебу во Францию.

Юный Суфанувонг оказался очень способным. Во Франции он получает диплом с отличием инженера по строительству дорог и мостов. Затем кончает еще три факультета и получает дипломы морского инженера, инженера-электротехника и инженера-строителя. Знакомится с Францией, ее внутренним и внешним положением, с ее народом. Устанавливает контакты с представителями различных общественных слоев, с активными деятелями многих областей политической, экономической и культурной жизни. В 1937 году, когда во Франции был образован Народный фронт, лаосский принц (работавший тогда на верфях в Бордо) знакомится с передовыми рабочими, с представителями левой интеллигенции и профсоюзов. Эти «годы учебы и скитаний» заложили фундамент для развития передового мировоззрения молодого аристократа и ускорили формирование его прогрессивных взглядов.

В Париже принц Суфанувонг ведет беседы и дискуссии с деятелями вьетнамского освободительного движения, приезжающими во Францию. В результате этих контактов принц решает на некоторое время поселиться во Вьетнаме, чтобы на месте ознакомиться с перспективами Движения освобождения. Как инженер-дорожник, он много ездит по стране. Кстати сказать, во всех биографических очерках о принце Суфанувонге упоминается его короткая беседа с будущим президентом ДРВ товарищем Хо Ши Мином. Молодой лаосец задал коммунисту вопрос: что нужно делать, чтобы завоевать независимость? «Отобрать у колонизаторов власть!» — ответил тот, которого потом называли «отцом Хо».

Принц устанавливает связь с группами участвующей во вьетнамском освободительном движении лаосской молодежи, которые периодически отправляют в Лаос своих посланцев. Там, на месте, они готовят почву для создания конспиративных революционных групп. В попытках привлечь к освободительному движению своих земляков принц Суфанувонг рассчитывает главным образом на городскую молодежь и немногочисленную лаосскую интеллигенцию. Он еще не понимает и не видит необходимости опираться на крестьянство, на широкие массы наиболее бедных слоев населения Лаоса.

Понимание законов диалектики приходит к принцу Суфанувонгу позже — в ходе длительной и трудной борьбы с французскими колонизаторами, после неудач и поражений на полях битв.

О развитии событий в Лаосе между 1954 и 1964 годами я писала выше. О драматических этапах в жизни принца Суфанувонга, брошенного носавановцами в тюрьму Фоп Кхенг, мы слышали от Сисаны Сисана. А вот что рассказывает сам принц о покушении на его свободу и жизнь: «После ареста каждого из нас поместили в отдельную камеру. Нам заявили, что движение Нео Лао Хаксат окончательно разгромлено, что наши вооруженные силы рассеяны и прекратили существование, а мы сами будем преданы суду и повешены. Мы решили сделать все, чтобы повлиять на людей, с которыми нам приходилось общаться, — на охранников, следователей, судей. Например, нам удалось полностью склонить на свою сторону одного из судей. В результате он перешел к нам и даже принимал участие в Женевской конференции 1962 года.

Тюрьма размещалась в бывшей армейской конюшне. Наши камеры были вонючими тесными клетушками, где хозяйничали крысы и летучие мыши. Нам запрещалось читать и переговариваться между собой. Всех арестованных постоянно обыскивали, а кроме того, осыпали грязными ругательствами через мегафон, установленный во дворе. Нас сторожила отборная жандармская часть, сформированная американцами из числа наиболее зыблых и жестоких реакционеров. Когда мы пытались заговорить с ними, они затыкали уши. И все же мы осуществляли свой план: мы говорили, а они делали вид, что не слушают нас. Мы рассказывали им о моральном разложении среди военных и политических лидеров, об их подлом и жестоком отношении к собственному народу, о том, что они продают за доллары свой родной край...

В результате некоторые охранники стали прислушиваться к тому, что мы говорили. Время от времени кто-нибудь останавливался возле камеры. Затем один из стражников посетил наши семьи и принес от них весточку... Со временем некоторые стражники начали тайно помогать нам, сообщать о последних событиях. Вскоре мы уже отлично разбирались в обстановке, царящей в Лаосе и в мире. Затем охрана стала передавать информацию от нас на волю. Благодаря этому нам удалось установить связь с нашими организациями. Затем мы приступили к подготовке побега...

Была выбрана такая ночь, когда девять из десяти человек охраны были нашими сторонниками. За день до этого в тюрьму доставили

одного из наших товарищей, по тюремная администрация не подозревала, что это наш будущий проводник. Когда наступил решающий момент, мы известили об этом стражников, которые решили бежать вместе с нами. Они принесли нам жандармскую форму и привели на склад, где каждый из нас выбрал себе оружие, а затем вся группа покинула территорию тюрьмы. Мы вышли в жандармских мундирах за ограду и спрятались в глубине большой плантации сахарного тростника... Мы видели погоню — прошли грузовики, до отказа набитые солдатами, пролетел над нами вертолет... Нас искали не там, где мы были, а значительно дальше... А потом триста километров почти непрерывного марша — по горам, через джунгли, без еды... Я тяжело заболел, порой терял сознание. Ноги стер до крови... И вот тогда-то я пережил самую счастливую минуту в моей жизни: ночью мы встретили крестьянина, сторонника Патет Лао. Он привел нас к себе. Еще издали почуял я запах дыма — запах домашнего очага. Впервые за все время после побега мы получили горячую пищу — дымящийся рис. А потом я лег спать рядом с членами семьи крестьянина. Я, принц королевской крови, лежа на циновке в хижине этого бедняка, чувствовал себя как дома, уверенно и в безопасности...»

Автор на приеме у «красного принца» Суфанувонга

И вот этот человек, имя которого овеяно легендой, стоит перед нами и гостеприимным жестом просит нас занять места около стола. В довершение всего мы слышим из его уст правильно сказанные польски слова:

— Добры вечур!

Заметив наше изумление, принц говорит с улыбкой:

— Это результат дружеских связей с вашими земляками из Международной комиссии.

Перед визитом к принцу мы спрашивали у лаосских товарищей: как согласно дипломатическому протоколу и существующему этикету следует обращаться к председателю ЦК Нео Лао Хаксат? Надо ли титуловать его: «Ваше королевское высочество»? Друзья запротестовали: достаточно вежливой формы с добавлением слова «принц».

На столе — кекс и чашки с чаем. В чарках поблескивает водка. На стенах грота лозунги:

«Да здравствует солидарность и дружба между Польшей и Лаосом!»

«Приветствуем польскую делегацию, которая посетила освобожденные зоны Лаоса!»

Снаружи доносится монотонный шум дождя и очень домашнее мяуканье кошек. Мы просим принца высказать свою оценку нынешней обстановки в Лаосе.

— Настоящая ситуация — результат вмешательства американских империалистов в дела Лаоса! — отвечает принц. — Вот уже несколько лет подряд лаосский народ оказывает упорное сопротивление врагу, хотя агрессия с каждым днем усиливается, а война — особенно воздушная — становится все более разрушительной. С апреля шестьдесят шестого года американцы стали использовать стратегические бомбардировщики Б-52, которые уничтожают все живое... Но все планы американцев, направленные против нашей страны, терпят фиаско. Мы знаем, что Соединенные Штаты хотели бы превратить Лаос в колонию нового типа, в свою военную базу. И чтобы достичь этой цели, они применяют все средства военного, политического, экономического и психического нажима... За нашими плечами несколько лет упорной, нелегкой борьбы. Борьбы, в которой

много жертв, самоотверженности и отваги. Наши силы все более консолидируются и крепнут, а лагерь врага раздирают противоречия.

— Как можно решить проблему Лаоса? — спрашиваю я.

— Единственный путь — это возвращение ко всем подписанным ранее соглашениям, к концепции правительства национального единства — к легальному трехстороннему правительству, признаваемому королем и народом и соответствующему решениям Женевских соглашений. Такие правые политики, как Бун Ум и Суванна Фума, должны отказаться от слепого прислуживания американцам, чтобы можно было возобновить трехсторонние переговоры. Но подлинное правительство национального единства может быть создано лишь тогда, когда закончится интервенция США в Лаосе. Наши вопросы должен решать сам лаосский народ, и только он один — без какого бы то ни было вмешательства извне.

Принц говорит негромко, на великолепном французском языке. Некоторые слова он подчеркивает энергичным жестом руки.

— Военные неудачи и политические провалы американских империалистов, а вместе с тем и наши успехи заставляют их идти на новые акты агрессии. Они прилагают все силы, чтобы как-то объединить остатки марионеточных сил. Пытаются развернуть кампанию саботажа и шпионажа с помощью «специальных сил», действующих вместе с наемниками из Южного Вьетнама и Таиланда. Они то и дело предпринимают наступательные операции с участием тайландских частей и «закамуфлированных» под них американских групп, поддерживаемых авиацией США. Кроме того, они проводят карательные экспедиции на оккупированной территории и совершают набеги на освобожденные зоны. Но мы отвечаем ударом на удар!

Наш народ имеет давние традиции в деле борьбы за свободу и независимость. Несмотря на все свое численное и техническое превосходство, захватчики несут ощутимые потери и терпят поражения. Так будет и впредь!

Вы хорошо знаете Вьетнам. Героический вьетнамский народ показал и доказал всему миру, что он способен противостоять американским агрессорам и защищать свою землю, пусть даже враг введет в действие миллионы солдат. Сейчас во всем мире только две страны подвергаются налетам американских суперкрепостей Б-52 — Вьетнам и Лаос, но наши народы выдерживают такие бомбардировки.

Лаосцев всего три миллиона, а против нас вся мощь современной военной техники США. Если бы в сорок пятом году кто-нибудь сказал, что мы будем противостоять такому сильному противнику, мало кто поверил бы в это. И все же мы доказали миру, что умеем защищаться... Что же получили американцы, развязав эту «грязную войну» на Индокитайском полуострове? Ненависть и сопротивление народов. Они утратили престиж и уважение не только у нас, но и во всей Азии, во всем мире. Ход событий показывает, что США неуклонно идут к своему полному поражению... В той борьбе, которую сейчас ведет наш народ, мы рассчитываем прежде всего на свои силы. Однако мы высоко ценим поддержку, оказываемую нам всем миром, особенно социалистическими странами.

Принц Суфанувонг говорит очень интересно, тщательно анализирует причины неудач и тяжелых поражений американцев и их наемников. В гористых и труднодоступных лесных районах Лаоса танки, броневые автомобили и самолеты мало пригодны для ведения боя в широких масштабах. Авиация, хотя она и бомбит лаосскую территорию, не может выиграть эту войну.

— Мы стоим на своей земле, где нам благоприятствует все. Мы проникаем в оккупированные города, хотя врагу кажется, что он полностью овладел ими. У нас больше свободы передвижения, чем у противника. Знаете ли вы, например, что война в Южном Вьетнаме заставляет американцев держать там пятьдесят-шестьдесят хозяйственных и вспомогательных батальонов? Еще труднее им снабжать свои войска в Лаосе: наша страна не имеет доступа к морю, у нас нет портов. Поэтому снабжение осуществляется только по суше или по воздуху, с баз в Бангкоке... Вообще американцы затеяли несправедливое, плохое дело. Их политика — это политика войны и агрессии. Поэтому их ждет неизбежное поражение. Наша же борьба справедлива, а путь, по которому мы идем, единственно верный, хотя и длинный, и трудный. Мы хотели бы, чтобы мировое общественное мнение лучше и полнее узнало о нашей борьбе и глубже проникло в ее суть. В этом вы и можете помочь нам... Мы благодарны Народной Польше за помощь и поддержку. Пользуясь случаем, я хотел бы через вас передать польскому народу наш горячий, братский привет!

Мы поднимаем тост за дружбу. Затем принц обращается ко мне:

— Я слышал, что вы побывали не только на Севере, но и на Юге Вьетнама и что вьетнамцы хорошо знают все ваши книги, посвященные их стране. Это верно?

Я вынимаю из сумки экземпляр книги «Вьетнам в моем сердце». Принц читает вьетнамское заглавие «*Вьет Нам чонг лонг той*» без малейшего акцента, как настоящий вьетнамец. Принц действительно полиглот — он хорошо владеет французским и английским языками, знает вьетнамский, китайский, кхмерский.

— Можете ли вы подарить мне эту книгу? С вашим автографом? — улыбаясь, спрашивает принц.

Я старательно вывожу на титуле дарственную надпись. Принц в ответ дарит мне свое фото с подписью.

Визит, который затянулся дольше предусмотренного времени, длился полтора часа. Мы уезжаем дальше, а принц вместе со своим народом будет продолжать тяжелую, но справедливую борьбу...

Бамбук шумит ночью

После многочасового ливня дорога скользкая, «как шкура змеи» (так говорят лаосцы). Мы вспоминаем, что на дне машины лежат высокие резиновые сапоги, которые нам одолжили в нашем посольстве в Ханое. Они хорошо защищают от многочисленных пиявок.

Короткий отдых. Из глубокого ущелья доносятся голоса людей. В распадке под скальным навесом — ларек. Продавщица Бун Фат показывает нам товары, разложенные на каменных полках в естественной нише. Обращаю внимание на разнообразные ткани — вьетнамские, китайские («И наши тоже», — добавляет продавщица). Мужскую верхнюю рубашку можно купить за 3000 кипов, шерстяной мужской шарф — за 1000. Волейбольный мяч стоит 500 кипов, эмалированная миска — 1200, полотенце — 135, школьная тетрадь — 30 кипов. Сульфаниламидные препараты продаются на штуки, по таблетке. Ларек действует здесь с 1964 года. Несмотря на бомбежки и обстрел, он открыт каждый день, кроме понедельника. Разглядываю ножи, мотыги, кастрюли для варки риса.

— Это все наше! — с гордостью подчеркивают не только Бун Фат, но также Кхам Ла и все сопровождающие нас представители уездных властей.

Вскоре я пойму значение этого выражения: «наше».

Мы находимся в долине, около дороги. Дуан просит нас оглянуться назад. Да, правда, очень живописно выглядит снизу эта тропинка, по которой мы спускались сюда, боясь свернуть себе шею.

Ожидая прибытия машины с нашей охраной, мы решили осмотреть пагоду, что высится по ту сторону дороги. По соседству с пей зияет пустотой хижина на сваях, где некогда жили бонзы. Она разрушена почти наполовину — воздушная волна от разорвавшейся неподалеку бомбы сорвала крышу и повалила две стены. И только на верхнем этаже чудом сохранился барабан, звуками которого бонзы созывали верующих.

Пусто и на дворе вокруг святилища. Уцелевшая пока что пагода имеет двускатную, резко скошенную крышу, которая до странности напоминает мне крестьянские хаты в Подгалье (горный район

Польши. — Я. Н.). Над входом дата: «1939» — год постройки. Наугольники крыши — так называемые драконьи хвосты — сделаны в форме изогнутого языка пламени. Подобную архитектурную деталь я видела в Камбодже, в святилищах кхмеров. За пагодой возвышается тонкая колонна.

Входим внутрь. Деревянная статуя Будды с лицом, полным какой-то особой выразительности: от него трудно оторвать взгляд. Слева другая статуя, представляющая человека с поднятыми вверх руками неестественной величины и лицом, на котором за маской спокойствия угадывается боль и страх. На алтаре беспорядочно наставлены терракотовые статуэтки-божки. Мы с Богданом переглядываемся и смотрим на алтарь с одной и той же мыслью, которую стыдно выразить вслух: нам очень хочется взять отсюда хотя бы по одной статуэтке...

С дороги слышится оклик — нас торопят. Уже прибыла охрана: Май Тхо — высокий и рослый лаолум, которому на этом этапе придется быть квартирмейстером, и два бойца — Соенг Кео и Тхао Синг, оба вооруженные автоматами.

Горы, долины, снова горы. Рядом с отвесным склоном — пропасть, на дне которой волнуется зеленое море растительности. Высоко в небо устремлены верхушки бамбуков. Мы едем прямо к двум горным вершинам. Если смотреть на них издалека, можно подумать, что ясно различимые на их склонах блестящие белые пятна — это ледники или снег. Но вот солнце уходит за тучи, и блеск гаснет. Теперь даже без помощи бинокля отчетливо видно: мнимые ледники — это просто обнаженные скалы, голые и белые, словно обглоданная кость.

Стоящие на дороге солдаты предупреждающе машут руками: снова воронки от бомб закрыли нам проезд. Наш шофер, отлично ведущий машину, осторожно сворачивает на разъезженную и грязную боковую тропу.

— Мы хотели подвезти вас еще дальше, чтобы максимально сократить пеший марш, поскольку дальнейший путь будет и без того весьма утомительным, — говорит Кхам Фой, — но это слишком рискованно. Мы можем в любую минуту застрять в грязи. Будет лучше, если мы оставим газик здесь...

Дальше идем пешком. Тропинка зигзагами вьется около самой реки. Живописные холмы привлекают взор. Богдан спрашивает Кхам

Фоя: можно ли снимать камерой? Решительный отказ: в ущельях и распадах, во всей этой на первый взгляд безлюдной и пустынной местности, укрыты позиции зенитной артиллерии.

Заросли, бамбук. За изгородями — грядки с помидорами и капустой. Хижины буквально утопают в зелени: их едва видно. Речка. Две длиннющие жерди, переброшенные с одного берега на другой, образуют «мостик». По нему могут прыгать разве что обезьяны, к тому же он скользкий и узкий. Я утешаю себя тем, что если и упаду в речку, то здесь неглубоко и утонуть трудно. Однако на всякий случай я передаю Дуану оба фотоаппарата и сумку с блокнотами. Лаосские товарищи переходят мостик первыми и протягивают нам с того берега длинный бамбуковый шест — как опору при таком «форсировании» реки. К счастью, нам с Богданом удается без приключений выбраться на берег — сперва иду я, а за мной, осторожно ступая и держась одной рукой за камеру, а другой за шест, следует он...

Еще одна река. Переходим ее вброд — моста нет. Вот где пригодилась единственная пара резиновых сапог! Я надеваю их, а Богдан шлепает по воде босиком. Выбравшись на берег, он тщательно осматривает ноги: не прицепились ли зловерные пиявки.

Перед нами каменистый склон горы. Кхам Фой шагает впереди. Тропинка все круче и круче уходит вверх. Ступеньки из кусков дерева и камня напоминают лестницу на колокольню. Наконец выходим на широкую площадку между скалами. Видим шалаши и убогие хижины. Тянутся трубы «водопровода» из выдолбленных стволов бамбука. Несколько женщин, много детей. Похрюкивая и повизгивая, вертятся под ногами юркие поросята. Высокие и пышные вереницы бамбуков образуют естественную аллею.

Только теперь, когда нам разрешили отдохнуть, мы чувствуем, как тяжела и изнурительна была дорога сюда. Пот струйками течет по лицу, сердце молотом бьет в груди... Нам приносят полный чайник кипятка. Обжигая губы, мы жадно выпиваем несколько чашек горячей жидкости, отлично утоляющей жажду.

— Можете идти дальше или устали? — спрашивает Си Мон, хотя и сам выдохся за эти часы.

Утвердительно киваем головами. Но Кхам Фой не верит и велит нам отдохнуть еще несколько минут. Предупреждает, что мы не прошли еще и половины пути. Нас ждут еще сто с лишним таких же

крутых ступенек. Выдержим ли мы? Вопрос явно риторический. Через пятнадцать минут мы двигаемся вперед, шагая медленно и расчетливо, останавливаясь на две-три минуты после каждого десятка ступенек — только чтобы перевести дух. Лучше не оглядываться назад и не смотреть в сторону: там открывается зияющая пропасть.

Но вот восхождение закончено, и мы у цели. Шалаш как бы втиснутый в скалу. Нам приготовлены постели. То и дело слышим жалобный писк — это напоминают о себе перескакивающие со скалы на скалу обезьяны. Быстро опускается вечер.

— Это еще хорошо, что мы шли днем... — ворчит Богдан, накрывшийся противомоскитной сеткой зеленого цвета, но на сей раз без узора, отгоняющего злых духов.

Всю ночь льет как из ведра. Крыша нашего шалаша протекает. Дрожа от холода, вылезает из-под мокрых одеял. Горячий кофе помогает прийти в себя. И вскоре мы забываем о трудностях вчерашней дороги, об усталости и непогоде — ждем, что покажет нам Унг Хеуан, кадровый работник Нео Лао Хаксат, который приветствует гостей из страны Полой от имени дирекции фабрики...

«Дирекция фабрики»?! Здесь, в скалах, в лесных дебрях, среди горных ущелий и каменного хаоса?!

Унг Хеуан — молодой, энергичный, одетый в кожаную куртку и резиновые сапоги — радостно улыбается, заметив наше удивление. Да, мы снова увидим нечто невероятное... Приближаемся к гроту, откуда доносится мерный стук: там работают прядильные и ткацкие машины.

— Вы прибыли к нам из далекой страны, которая значительно богаче нас и хорошо индустриализована, — говорит Унг Хеуан. — Конечно, наша фабричка выглядит очень скромной по сравнению с вашими текстильными предприятиями. Но она служит народу, его нуждам.

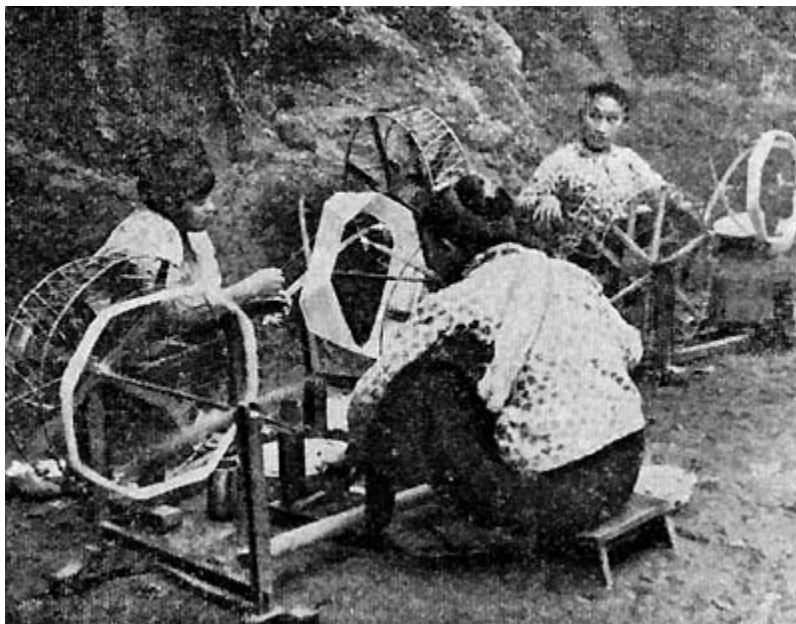
Фабрика возникла в 1964 году. В это время уже усилились воздушные налеты на освобожденные зоны.

— Мы работали на одном месте почти восемь месяцев, пока нас не выследили «хья бинь Америка», — говорит Унг Хеуан. — Во время бомбежки было уничтожено несколько машин. Уцелевшее оборудование мы перевезли в другое место, но там нас обнаружили еще быстрее — всего через три недели. И снова американские пираты

хотели уничтожить фабрику и нас самих. Теперь мы ушли в грот, куда бомбы не попадают...

Да, от бомб машины защищены, это правда. И люди, работающие здесь, — тоже. Но американские самолеты постоянно гонятся за каждым, кто носит сырье на такие вот фабрички, и выслеживают транспортные колонны, снабжающие рабочих продовольствием.

Я вспоминаю наше вчерашнее восхождение, и мне просто не верится, что тяжелые части демонтированных машин можно было перенести сюда по крутым, узким и опасным горным тропкам. Грот, в котором размещена фабрика, сначала был не таким обширным, как сейчас: рабочие сами расширили его. Сперва они пользовались кирками и кайлами, затем эту изнурительную работу им облегчил динамит, который доставлялся по распоряжению властей Нео Лао Хаксат. Днем рабочие расширяли грот, а по ночам перевозили сюда машины и сырье.

В гротах укрыты небольшие ткацкие фабрички. Сейчас затишье, нет самолетов, и прядильщицы вышли на воздух, чтобы размотать пряжу

На фабрике занято около ста человек, преимущественно женщин. Вьетнамские инструкторы обучают своих лаосских товарищей. В

коллективе преобладает молодежь: средний возраст рабочего или работницы не превышает 20 лет.

— Какие испытываете трудности в повседневной жизни? — спрашиваю собеседников.

— Их много... — отвечает Хеуан. — Одни создает враг, другие — природа. Нелегко было доставить машины в эти высокие горы, а потом смонтировать их и пустить в ход. Когда мы шли сюда, нас подстерегали бомбы замедленного действия и мины... Много трудностей было с огородом, а сейчас у нас есть кукуруза и батат. В маленьких окрестных долинках мы выращиваем рис. Чтобы вспахать землю, выжигаем участки джунглей. В первый год существования нашей фабрики мы смогли только два месяца продержаться за счет своих запасов продовольствия. Но уже в шестьдесят седьмом нам хватило своего продовольствия на целых полгода.

— Это хорошо. А что мешало вам потом?

— Прошлой весной, как раз в период дождей, в горах началось половодье. Бурно разлившиеся потоки и речки сметали все, что встречали на своем пути. На некоторое время фабрику остановили. Надо было защитить машины и все наше хозяйство...

— А какие еще трудности?

— Ну, во-первых, недостаток опыта, профессиональных знаний, привычки к работе в коллективе. Есть и языковые трудности: на фабрике заняты представители тринадцати различных этнических групп. Большинство рабочих пришло к нам, имея лишь смутное понятие о процессе прядения и машинном ткачестве. А ведь переход от веретена и примитивных кросен к машинам — дело совсем не простое. Этому надо было научиться. Мало кто умел читать и писать, когда начинал работу на фабрике. Теперь же у нас совсем нет неграмотных. В этом году ЦК Нео Лао Хаксат прислал к нам опытных учителей. Кроме того, более грамотные рабочие подтягивают отстающих. Мы осуществляем лозунг, хорошо известный на всей территории освобожденных зон: «Если ты знаешь на одну букву больше, чем твой сосед, — научи его этой букве!» Проводим мы и политучебу.

Как бы вспомнив самое важное, Хеуан с гордостью в голосе произносит:

— Да, мы уже в этом году получили большую партию машин. Обещали нам и электроагрегат...

Осматривая оборудование и знакомясь с работающими на фабрике молодыми женщинами, я вспоминаю текстильные предприятия, которые мне довелось видеть в Лодзи и Ташкенте, в Пхеньяне и Ханое. Огромные фабричные цехи, современные машины, механизированные поточные линии... Да, все это так, но с чего-то надо начинать?! Вот это начало будущей лаосской промышленности мы и видим собственными глазами. Трудно забыть то, что говорили нам вчера: кустарное ткачество не обеспечивало потребностей населения, ткань стоила очень дорого и люди носили одежду долгие годы, а дети ходили в лохмотьях. Перекупщики, привозившие вьетнамские товары, продавали их в горных селениях по очень высокой цене.

Теперь из сырья, доставляемого в основном из Вьетнама, производят ситец для легкой женской одежды, а также хлопчатобумажную ткань для мужских рубаш и брюк. Кроме того, на этой фабрике делают противомоскитные сетки и полотенца. И мне понятна гордость продавщицы ларька и представителей местной администрации, показывавших на собственную продукцию и говоривших: «Это наше!»

Над станками свисают каменные глыбы неровного свода пещеры. Девушки ритмично двигают педалями. Белая в черную клетку с цветной кромкой ткань медленно, метр за метром, наворачивается на барабан. Завтра нам подарят по куску этого материала — на память. А пока я вижу, как девушки выносят кипы готового ситца. Нам показывают его рисунок — хотят похвалиться своей работой. В глубине пещеры устроен склад; отсюда ткань отправляют в села по разнарядке.

...Передавая символический подарок — кусок польского ситца, рассказываю о фабриках в Лодзи, Пабьянице и Згеже. О наших предприятиях, ограбленных и разрушенных гитлеровскими оккупантами. О том, как рабочим этих предприятий пришлось все начинать сначала. О памятных старшему поколению временам, когда на прядильных и ткацких фабриках нещадно эксплуатировался труд детей, когда рабочий день длился 15–16 часов, а власть фабрикантов была безграничной.

Сидящий рядом со мной товарищ М. внимательно слушает мой рассказ. И я стараюсь говорить медленно, чтобы Си Мои успевал переводить. Товарищ М. подтверждает: да, он на собственном опыте знает, что такое работа на крупной текстильной фабрике, принадлежащей капиталисту. М. — вьетнамец, родился в городе Намдинь. Уже два года он работает инструктором в освобожденных зонах Лаоса.

— Тяжело вам жить вдали от семьи, от родного города? — спрашиваю его.

Он утвердительно кивает головой. Я знаю, что нет такого дня, когда он мысленно не стремился бы к Намдиню — разрушенному бомбами городу, который живет несмотря ни на что.

— Мы нужны тут... — негромко говорит М. — Так же, как и вы.

Обломки сбитого американского самолета. Металл пригодится в подземных мастерских

...Еще один грот. Печи, трубы, меха. Мотки проволоки, груды металлолома. Клубы удушливого дыма, снопы искр... Кузница? Да, кузница. Пока здесь делают лопаты, ножи, мотыги и другие мелкие сельскохозяйственные орудия. Часть сырья доставляется из Вьетнама. А в основном металл поставляет лаосским кузнецам... враг! Металлические части разбитых вражеских автомашин, обломки сбитых американских самолетов и вертолетов очень нужны для производства сельскохозяйственных орудий.

Эта кузница — так же как текстильная фабричка и фармацевтический заводик, который мы посетили еще на первом этапе нашей поездки, — удовлетворяет нужды населения. Подобных маленьких предприятий в освобожденных зонах много. Разбросанные в джунглях, укрытые в горных пещерах, примитивные и невзрачные, они таят в себе залог будущего. Того будущего, в котором бедная, отсталая, аграрная страна станет создавать свою крупную промышленность, используя природные богатства, втуне лежащие глубоко под землей...

— Таких кузниц и мастерских у нас несколько: в Сиенгкуанге, в Муонгсае и других провинциях Верхнего Лаоса... В южной части страны их нет. По они будут, непременно будут! — говорит заведующий кузницей Тхит Фай.

На стене вижу надпись: «Лучше умереть в бою, чем сдаться!»

Когда Тхит Фай просит меня сказать несколько слов, я кладу на стол символический подарок: нож, сделанный на заводе имени Сверчевского из герлаховской нержавеющей стали.

— Есть в Варшаве, столице страны Полой, завод, выпускающий металлические изделия, — громко говорю я. — Сто лет назад это была маленькая, скромная мастерская. Там работали первые наши революционеры...

Вечер еще не наступил. Мы успеваем налюбоваться окружающим пейзажем. По склонам гор белесоватой пеленой сползает туман. В небе тянутся лохматые облака. Бурая дорога густо усеяна воронками от бомб. Некоторые из них заполнены грязной дождевой водой. Мы едем по дну глубокого ущелья. На склонах буйствует тропическая зелень, свисают петли лиан и ветки кустарника. Темные отверстия в обрывистом склоне — укрытия.

Наш газик идет по руслу речки. Затем нас снова окружают непроходимые джунгли. Бамбук, дикие бананы, огромные папоротники, фруктовые деревья. Изредка в мешанине листвы, стеблей и веток видны лиловые, белые и огненно-желтые цветы. Солдат из нашей охраны резким жестом вдруг приказывает шоферу затормозить и готовится выстрелить. Дикий петух с красной грудкой и красивым темно-синим хвостом низко, тяжело пролетел над кустами и исчез в чащобе леса. Боец промазал.

Минуем заброшенные рисовые поля. Сорняки быстро завладевают опустевшими плантациями. Едем мимо хижин-призраков, хижин-теней. На ветру колышутся обрывки циновок, валяются плетеные корзинки...

Но жизнь сильнее смерти. Мы знаем, что окружающая местность, хотя она и кажется на первый взгляд опустевшей, отнюдь не безлюдна: в гротах и пещерах, в джунглях и подземных укрытиях живут и трудятся люди. Пробиваются сквозь пепелище и руины молодые побеги бамбука. Блестит водяная гладь каналов, обсаженных маскирующей зеленью. В огромной воронке от бомбы создан пруд, и там разводят рыбу. А но исчезающей в чащобе тропинке шагает гуськом колонна подносчиков грузов...

Рядом с дорогой шумит бамбук. Он цепляется за нашу машину гибкими длинными ветвями. И, мне кажется, шепчет: «*Вернись!*»

Лаосская тетрадь

Эту тетрадь, которая верно служит мне в новой поездке по Лаосу, я купила на базаре во Вьентьяне. Как и все базары в мире, а восточные особенно, он шумлив, красочен, полон неожиданностей. Фрукты и овощи, рис и кукуруза, зелень и приправы, корзинки и мешки, до отказа набитые всякой всячиной, странные по форме коренья, клубни, фантастические стебли растений с неведомыми мне названиями... Лягушки и ящерицы, усатые рыбы и разные змеи, черепахи и моллюски — все тут идет в пищу. Сидят торговки, головы которых повязаны клетчатыми платками. Толпятся женщины-покупательницы в длинных, до щиколоток, юбках. Много буддийских монахов с обритыми головами в огненно-оранжевых одеяниях. Некоторые из них держат в руках круглые, похожие на бубны, корзиночки из молодых веток бамбука. В таких плетенках обычно подают к столу горячий рис. Кое-где расставлены низенькие столики, за которыми люди едят, сидя на земле. В некоторых ларьках выставлены статуэтки божков с мягкими, загадочными и немного печальными улыбками.

Моя тетрадь — в голубой обложке, на которой напечатана карта Лаоса, усеянная надписями на лаосском языке. В очертаниях страны, многократно виденной на больших картах, я искала знакомые мне места. Далеко отсюда Верхний Лаос... Вот уже третий раз я в этих краях, но лишь впервые нахожусь в другом конце страны, где быстро течет Меконг, а на той стороне великой реки начинается территория Таиланда. Да, здесь совсем иной Лаос, чем там, «у красных», — тот мне знаком, близок, памятен. А тут, в столице, я впервые. Собственно говоря, это одна из столиц.

«Подлинной столицей Королевства миллиона слонов и главным административным центром страны является Вьентьян; город расположен на юге, у границы с Таиландом. Королевской же столицей и основным религиозным центром является город Луангпранг, расположенный примерно в часе полета от Вьентьяна... Третьей столицей называют город Самнеа, находящийся на севере этой страны. Это главный центр „красных партизан“, оказывающих сопротивление королевскому правительству...» (из сообщения французской печати).

Город Вьентьян, название которого означает «редут из сандалового дерева», расположен на берегу реки Меконг и напоминает большую деревню. Все здесь серо и блекло. На сером небе огненный шар заходящего солнца. Ни капли дождя. Тяжелая, давящая духота просто невыносима. Меконг кажется невзрачным, едва различимым, почти убогим в обрамлении серых, песчаных берегов. Трудно представить себе, что всего два месяца назад его вспененные волны угрожали затопить город.

Растрепанные султаны пальм, дома на сваях. Хижины из бамбука и черных досок. Узкие галерейки балконов и деревянные веранды. Лиловые и красные цветы. Здесь все иное, чем во Вьетнаме или в Камбодже. Не похоже и на то, что я видела в непроходимых тропических джунглях, которые окружают третью столицу Лаоса — город Самнеа.

Вьентьян — на первый взгляд город спокойный и мирный, словно он не лежит посреди сотрясаемого постоянными бурями полуострова. Кажется, что пожар войны, достигший кульминации ранней весной 1970 года и не пощадивший даже прежнего «оазиса» — Камбоджи, не дошел до этих мест. А между тем...

6 марта 1970 года Ричард Никсон публично, на весь мир, заявляет: «В Лаосе нет никаких американских войск».

6 марта 1970 года американский сенатор Скрентон опровергает заявление Р. Никсона: «Американцы воюют в Лаосе. Тот факт, что некоторые из них не носят военного мундира, ничего не меняет».

21 марта 1970 года в ответ на интерpellацию подкомиссии сенатской комиссии по делам вооружений министр обороны США Мэлвин Лэйрд подтверждает: «Командование американских вооруженных сил в Южном Вьетнаме имеет право посылать свои части в Лаос для оборонных целей».

В небольшом книжном магазине, похожем скорее на ларек, я купила путеводитель по Юго-Восточной Азии, изданный в Гонконге в 1969 году. Из него можно почерпнуть некоторые полезные и интересующие меня сведения. Путеводитель информирует своих читателей о том, что каждый путешественник, желающий посетить Королевство Лаос, должен прежде всего позаботиться о визе. И легче всего (разумеется, для граждан капиталистических государств)

получить ее в Бангкоке, от которого около часа полета до Вьентьяна. Есть и оговорка: «Лица, по внешнему виду похожие на хиппи, могут быть не впущены в страну, даже если они имеют визу». Удивительно: чем же хиппи угрожают Королевству Лаос?

Из путеводителя я узнаю, что один американский доллар равен 500 лаосским кипам и что доллары (в чем я вскоре убедилась), а также таиландские баты (чего я не проверила, поскольку не имела их) принимаются всеми магазинами и торговцами. Кстати, во вьентьянских магазинах (как указывает путеводитель) «...можно приобрести различные товары западного производства, в том числе фотоаппараты и кинокамеры, радиоприемники и магнитофоны, особенно же дешевы часы и будильники...»

Магазины преимущественно маленькие, преобладающая их часть принадлежит китайцам или индийцам. И еще дополнительная информация из того же путеводителя, которая может заинтересовать наиболее предприимчивых туристов: «Золото во Вьентьяне очень дешево. Можно купить и вывезти в Сайгон до полу-килограмма, получив от продажи его там прибыль, вполне покрывающую расходы на поездку».

Не знаю и не пытаюсь узнать, насколько широко используют предприимчивые туристы «добрые советы» гонконгского путеводителя, который, видимо, не зря назван... «золотым путеводителем».

Вьентьянский аэродром Ваттай выглядит идиллически, почти мирно. Здесь встречаются разные люди, перекрещиваются многие авиалинии. Отсюда можно вылететь в Бангкок и Сайгон ежедневно, в Гонконг — два раза в неделю и даже в Ханой — раз в неделю. Знаменательная деталь на провинциальном с виду аэродроме: с него стартуют и сюда приземляются удивительно знакомые самолеты. Даже моя близорукость не мешает мне их узнать. Ведь это машины компании «Эйр Америка», которые я видела на аэродроме Тансоннят в Сайгоне! Напомню, что «Эйр Америка» — это камуфляжное название линии, целиком принадлежащей Центральному разведывательному управлению США... Мой бесценный путеводитель открыто сообщает о «ловких пилотах „Эйр Америка“, частной линии ЦРУ, которые ночью перевозят оружие и радиоприемники». Почтенные составители этого справочника умолчали кое о чем: не только оружие, но и боеприпасы, мины, взрывчатку. Не только радиоприемники, но также вышколенных шпионов и диверсантов!

В противоположность Сайгону на вьентьянских улицах редко можно встретить американцев, одетых в военную форму. Но, листая свой путеводитель, я узнаю из него о процветающих в этом городе американских организациях с очень знакомыми названиями: АИД, ЮСАИД... Путеводитель предупреждает: «Поездки по Лаосу весьма рискованны. Но иногда можно получить от воепных властей (хотя такие ходатайства поступают к ним довольно редко) разрешение на поездку в Луангпрабанг, Такек, Саваннакет и Паксе в долине Меконга». Далее сообщается, что в получении пропуска и других хлопотах, связанных с данной поездкой, «обычно хорошо помогают организации ЮСАИД и они хорошо информированы».

Верю этому, но... не воспользуюсь! Не воспользуюсь и предложением индийского купца, который приглашает меня зайти в его лавчонку. Резким гортанным голосом он обращается ко мне польски:

— Пожалуйста, войдите, пани! У меня есть очень красивые костюмы.

Нет, не костюмы интересуют меня, а то, что предприимчивый индийский купец говорит на нашем языке.

— Не так уж трудно научиться польскому... — улыбается купец. — Сюда приезжает немало поляков.

Вьентьян. Кого только нет в этом городе! Отсюда близко до Бангкока, Сайгона, Пномпеня, Ханоя. Посольство США здесь не столь многочисленно, как в Сайгоне, американцы почти не бросаются в глаза. Но вскоре мне доведется узнать, какую роль они тут играют и как умело маскируются. В столице есть посольство СССР, Французский институт, миссия Патет Лао и... широко разветвленная сеть ЦРУ! Здесь скрещиваются не только наземные коммуникации, линии воздушных сообщений, но и... пути многочисленных разведок! Сюда поступают газеты и периодика с двух сторон баррикады — из обеих частей нашего разделенного мира: социалистической и капиталистической.

Вьентьян — город, застроенный хаотически и неудачно. Он полон контрастов. Рядом с роскошными лимузинами — двуколки, запряженные волами или буйволами, блекло-серыми, как песок на берегах Меконга. Огромные колеса, традиционный воз — такой же, как и те, что столетия назад тянулись по дорогам этой страны. Бок о бок с такси — «циклисты», то есть рикши. В отличие от сайгонских, их пассажиры сидят позади рикши, а не спереди. Деревянные хижины на сваях соседствуют с каменными современными зданиями. Последние в основном принадлежат иностранцам — американцам и французам. Утонченная французская кухня но враждует с китайской даже в самых дорогих и фешенебельных ресторанах с «эйр кондишен», а аромат европейских яств смешивается с терпким запахом жареного красного перца. На одном прилавке с ананасами и бананами, апельсинами и виноградом мирно лежат ядовитые лекарственные растения. Ювелирные магазины предлагают огромный выбор искусно сделанных предметов из золота и серебра, кораллы, драгоценные и полудрагоценные камни. На базарах рядом со всевозможными электролампами соседствуют коптилки и керосиновые лампочки. В ларьках вам предлагают сувениры — фигурки демонов (очень редко настоящие, в основном поддельные), чертовски дорогие обломки скульптур из древних святилищ, поглощенных джунглями. Ритуальные бубны умещаются на одной полке с лучшими японскими

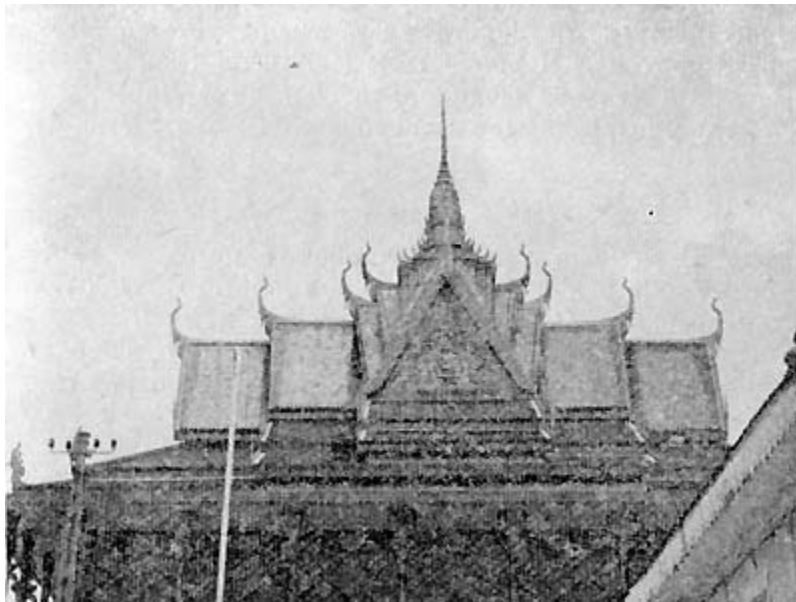
транзисторами. Многие сувениры украшены стилизованными головами слонов. В XIV–XVI веках слоны использовались лаосской армией, и до сих пор они служат средством транспорта. Недаром ведь Королевство миллиона слонов!

Индийский купец сует в мою сумку карточку со своим именем и адресом магазина. Текст на двух языках — лаосском и английском. Название улицы — Самсентаи, а я живу в отеле на улице Сеттатират. Эти названия выписаны на перекрестках на лаосском и французском языках.

Вьентьян — город, местное название которого Виенг Чан, — появился в летописи и на исторической арене в 1566 году. За двести лет до этого, в 1353 году, принц Фа Нгум после длительных битв с внутренними врагами короновался в городе Луангпрабанг, заложив основы суверенной монархии, получившей название Лан Санг — Королевство миллиона слонов. Его сыном и наследником, который укрепил власть нового королевства в дельте Меконга и на обоих берегах великой реки, был король Сам Сен Таи, чьим именем и названа самая оживленная магистраль в центре столицы. После его смерти произошла серия дворцовых переворотов, которые ослабили и притормозили дальнейшее развитие королевства. Лишь с 1520 года при энергичном короле Потисарате и его преемнике Сеттатирате (на «его» улице я как раз и живу) начался новый этап в истории страны. Король Сеттатират превратил Вьентьян в столицу края и построил святилище Тат Луанг, где была помещена знаменитая статуя Пра Кео — «Изумрудного Будды».

В начале XIX века святилище Тат Луанг было разрушено сиамскими захватчиками, вторгшимися в страну из соседнего Таиланда. Статую «Изумрудного Будды» грабители увезли в Бангкок, но во Вьентьяне осталась пагода Пра Кео, гораздо более древняя, чем сама статуя Будды. В 1930 году французские мастера реставрировали святилище Тат Луанг, и теперь напротив него высится статуя короля Сеттатирата.

Ближние соседи — тайландцы с юга, а бирманцы с северо-запада — не давали покоя Королевству миллиона слонов. В 1574 году вторжение бирманцев во Вьентьян повлекло за собой семилетнюю оккупацию этого города. XVII век — последний период относительного покоя, царившего во время долголетнего правления короля Сулинья Вонгса. Этим временем и датируются первые официальные сведения о Королевстве Лаос, привезенные в Европу путешественниками, главным образом голландцами.

Крыша одной из лаосских пагод

Следующее столетие было периодом упадка королевства. Споры и распри монархов ослабляют страну, облегчая соседям все более бесцеремонное вмешательство в ее дела. Наконец Лаос распадается на три королевства — Луангпранг, Вьентьян и Чампассак. В XIX веке эти маленькие государства еще больше слабеют, Сиам все глубже проникает в Лаос, жадно прибирая его к рукам.

Во второй половине XIX столетия на территории Лаоса появляются французы. Пользуясь междоусобицей и борьбой отдельных принцев, французские колонизаторы усиливают свои позиции. Официально они поддерживают короля, занимающего трон в Луангпрабанге, фактически же решают все внутренние вопросы королевства, ведут переговоры с Таиландом о границах между обоими государствами и вскоре устанавливают протекторат над Королевством миллиона слонов и Белого зонта (таково официальное название Лаоса, и по сей день употребляемое в «королевской» части страны).

Во Вьентьяне много буддийских пагод и святилищ, но еще больше их в городе «Золотого Будды» — Луангпрабанге. Однако далеко не все памятники старины, упоминаемые летописцами прошлого, сохранились до наших дней, потому что враги много раз сжигали и разрушали город.

Сначала я пытаюсь проверить и сопоставить названия храмов по моему путеводителю и по монографиям французских знатоков лаосской архитектуры. Долго рассматриваю их. Многоярусные крыши пагод придают им легкость и полную своеобразной прелести элегантность. Крыши пагод сказочно яркие и красивы благодаря смелому подбору цветов. По краям крыша окрашена иначе, чем в центре. Желтый цвет, чаще всего самых различных оттенков — от оранжевого до золотистого и лимонного, соседствует с коричневым или алым. Обычно на коньке имеются украшения в виде звериных когтей, туловища дракона или стилизованного лотоса, а золотистые наугольники напоминают языки пламени.

На коньках крыш некоторых святилищ висят связки колокольцев: если смотреть на них снизу и издали, то они кажутся кружевами, четко вырисовывающимися на фоне неба. Колеблемые ветром, эти звоночки издают нежный, хрустальный звон. По местным поверьям, они привлекают добрых духов и отгоняют злых и коварных демонов.

Вход в святилище стерегут демоны — полулюди-полузвери четырехметрового роста. Они бдительны, эти чудища, но так и не сумели защитить многие пагоды от грабежей, пожаров и разрушений. Итальянские и голландские путешественники, посетившие Королевство миллиона слонов в XVII веке, насчитали в одном только Вьентьяне более восьмидесяти буддийских святилищ. До наших дней их сохранилось не более восемнадцати...

Я посещаю некоторые из тех пагод, что уцелели, вернее, пока уцелели, ибо неизвестно, как долго их будет щадить эта война. Тревожные вести опять приходят из соседней Камбоджи: в одной из провинций этой страны, Сиенреап, возобновились военные действия

сайгонских марионеток вблизи уникального комплекса храмов Ангкорват. Ему угрожает разрушение...

«Страж» у входа в одно из святилищ Вьентьяна

Ват и *тхат* — вот два магических слова, которые должен знать каждый иностранец, интересующийся достопримечательностями Лаоса. Ват, то есть пагоды, служат буддистам местом молений и благочестивых размышлений. Тхат — это святилище. Храмовая архитектура Лаоса родственна архитектуре Индии и Камбоджи. Она заимствовала у них многие элементы, но развивала их вполне самостоятельно.

Тат Луанг — одна из наиболее характерных достопримечательностей Вьентьяна — обелиск в форме пирамиды, заканчивающийся длинной золотистой стрелой на основании, напоминающем колокол или перевернутый цветок лотоса. Тат Луанг воздвигнут в 1566 году, и, согласно легенде, в «шпиле мира», то есть в золотистой стреле, находится реликвия: волос с головы Будды. В другом предании утверждается, что под фундаментом Тат Луанга скрыт большой клад. Тат Луанг обрамлен квадратом из двадцати четырех малых башенок, покоящихся на богато изукрашенной резьбой балюстраде.

Здесь проводятся церемонии, связанные с праздником Бун Тхат, приходящимся на «полнолуние двенадцатого месяца» (это наш ноябрь). В канун праздника королевский кортеж и почти все местное население направляются к Тат Луангу, где возносятся молитвы, а возле древнего святилища жители окрестных селений продают плоды, овощи, кустарные изделия. Это нечто вроде традиционной ярмарки. На следующий день начинаются национальные лаосские игры и спортивные состязания. Особенно интересна игра *тики*, напоминающая травяной хоккей. Две группы борются за обладание деревянным мячом. Причем, по обычаю, одна группа состоит из жителей окрестных деревень, которые представляют «силы земли», а вторая — из городских служащих, символизирующих «захватчиков». Ритуальная игра должна закончиться — этого требует традиция — победой тех, кто связан с землей и чьи предки жили тут с незапамятных времен.

Вечером в праздник святилище Тат Луанг сверкает множеством огней, весь город иллюминирован. Высоко в небо взлетают праздничные фейерверки.

Осмотрев Тат Луанг, я возвращаюсь во Вьентьян. Изумительная по красоте Ват Пра Кео, древняя пагода «Изумрудного Будды», согласно легенде, построена властителем Пра Патса Агиа в 814 году нашей эры. Издали она напоминает древнегреческий храм. Прекрасна статуя сидящего Будды с ласковым, улыбающимся лицом: одна рука его лежит на колене, другая вытянута — в такой же позе и теперь сидят буддийские монахи, ожидающие традиционного подаяния. Лица других богов печальные, терпеливые, иногда гневные. Дальше — статуя красивой девушки. Маленькая статуэтка ребенка. Алтарь.

Фрагменты дверных косяков, украшенных барельефами. На внешней галерее — длинный ряд статуй, среди которых сильно поврежденное изваяние божества с человеческим торсом и головой обезьяны. Видимо, это лаосский «родственник» Ханумана — короля обезьян, известного миру по камбоджийской мифологии.

Ват Си Сакет — пагода и буддийский монастырь. Внутри пагоды прекрасные фрески и богатая библиотека, в которой я нахожу старинные ценные рукописи на бумаге из дерева *лятаньер*. Две башенки тхат и две статуи Будды находятся снаружи, под открытым небом. Одна из этих статуй — огромная, вторая — чуть поменьше. У обоих Будд — чудовищных размеров пальцы на очень больших руках. Прическа из буклей увенчана диадемой, напоминающей полыхающее пламя. Орлиные носы, опущенные веки — таковы характерные черты божеств в храмовой лаосской скульптуре, отличающие изображение лаосского Будды от его статуй в пагодах соседних стран.

Пагода Ват Онг Ту. Края крыши слегка изогнуты, с тройными изломами, а вся она имеет форму, исполненную гармонии и красоты. Фронтон из темного дерева искусно инкрустирован жемчужной массой, крупинки которой играют нежными радужными блесками. Низкие ступени с поручнями в виде изогнутых туловищ драконов с трех сторон ведут к святилищу. А за ними — дверные проемы с красивыми барельефами. В рамках из стилизованных вьюнков две богини что-то говорят третьей, которая с сердечной улыбкой склонилась к ним, словно мать, чутко слушающая своих детей. Соседний барельеф: одна богиня поливает голову другой водой из кувшина. На косяках следующих дверей — головы слонов. Дальше — клубок змей. Птица, очень похожая на орла. Битва: фигуры сражающихся монархов или вождей с саблями в руках. Пожалуй, все это мотивы из «Рамаяны», представляющей неисчерпаемый источник вдохновения для безымянных кхмерских и лаосских мастеров.

Молодой бонза любезным жестом приглашает меня войти в пагоду. Он немного говорит по-английски. Зовут его Коу Тонг. Внутри пагода кажется мне несколько убогой. Может быть, это просто общая черта всех пагод Лаоса, в котором распространен буддизм хинаяны? Напомню, что эту разновидность буддизма характеризуют простота и скромность. Отсюда ясно, что эта ветвь буддизма легче проникала в народ, чем буддизм махаяны, и быстрее укоренялась среди бедных

слоев населения. А может быть, мне это только кажется, особенно после осмотра сайгонских пагод, которые сверкают золотом и пурпуром?..

Алтарь расположен на возвышении, сделанном в виде ступеней. Твердые треугольные подушки. Подсвечники, на которых огромными каплями застыл красный воск. Статуя Будды с юным лицом и остроконечной тиарой на голове. Три статуи поменьше стоят рядом. Молодой бонза объясняет, что в пагоде Ват Онг Ту проходят церемонии, связанные с празднованием полнолуния двенадцатого месяца.

— И в это же время происходят обряды перед святилищем Тат Луанг? — спрашиваю я.

Монах утвердительно кивает головой. Накануне праздника торжественная процессия выходит из пагоды Ват Симунг, где, по местным преданиям, пребывает дух, опекающий Вьентьян. А на следующий день перед пагодой Ват Онг Ту совершается обряд принесения традиционной присяги, который восходит к древним буддийским обрядам: в свидетели слова человека берут землю и небо как две противоположные стихии, в то же время дополняющие друг друга. Собираются толпы верующих, среди которых немало высокопоставленных чиновников и сановников королевского двора. Бонзы обрызгивают землю водой, а один из присутствующих произносит формулу присяги-заклятия, призывая силы, управляющие землей, небом и водами. Он обещает защиту этих сил и милость Будды справедливым людям и внезапную смерть всем подлецам. Бонзы просят опекающий дух стать очевидцем и свидетелем присяги. Под звуки музыки королевские копьеносцы и представители армии окунают в сосуд с водой концы копий, мечей и карабинов. Сопровождающая этот обряд музыка стихает. Монотонным голосом бонзы начинают речитативом возносить молитвы. Они просят благословения у добрых духов. Церемониймейстер, который произносил заклиние, выпивает воду из сосуда. Если он человек плохой и лживый, то погибнет от болезни, утонет в реке, надет от удара молнии, умрет от укуса ядовитой змеи или же его разорвут в джунглях кровожадные звери... Так по крайней мере считают верующие, и так говорит он сам, произнося молитву в конце обряда.

— И что же, эти церемонии происходят и теперь? — задаю я вопрос молодому бонзе.

— В общем да. Но весь обряд более скромнее, чем прежде. Исчезли копыеносцы в богатой красочной одежде, меньше появляется высокопоставленных лиц и сановников... Война!

Ват Фиа Ват, большая пагода, выглядит запущенной и заброшенной. Я знаю, что большая часть ее разрушена еще во время сиамских нашествий в первой четверти прошлого столетия. Однако остатки здания сохранили следы прекрасной архитектуры. Я оглядываюсь вокруг с чувством неудовлетворенности и разочарования: какие-то малоинтересные статуи, ничем не отличающиеся от виденных мною раньше. А я ведь искала тут совсем иное... Несколько лет назад француз Пьер-Мари Ганье нашел вблизи Вьентьяна фигуры, выбитые в скале. Это были давно забытые изваяния, о которых среди местных жителей ходили самые разнообразные слухи. Вот что он пишет:

«Последние стволы бамбука, преграждавшие нам дорогу, падают под ударами ножа *куп-куп*. Старый Чам, уже более часа идущий во главе нашей колонны, прокладывает нам путь через заросли. Мы наконец выбираемся из лесной чащобы и останавливаемся перед скалой, где в глубоких нишах, имеющих форму вертикальных овалов, видны выбитые в том же скальном монолите фигуры сидящих Будд. Мы стоим у подножия каменной платформы, с которой на нас смотрят огромные статуи. Две самые крупные из них имеют в высоту около пяти метров, а три поменьше — полутораметровые. Изваяния эти вместе со скалой находятся под сенью гигантских деревьев, ветви которых закрывают небо. Несколько ниже, среди непроходимого колючего кустарника, видны еще пять статуй — это Будды, опустившие взгляд своих каменных очей в землю... Парни из соседней деревни, бросившие работу на строительстве небольшой плотины, чтобы сопровождать нас, не скрывают волнения и любопытства: ага, значит, „это“ находилось так близко от них, а они ничего не знали!

Наконец-то после долгих поисков мы нашли „горельефные гроты“ Ванг Санг!..» (*P.-M. Gagneux, Les sculptures de Vang Sang, — «La Revue Française présentée le Laos», Paris, 1961*).

Ванг Санг означает «слоновый двор». По-видимому, это название было дано значительно позже создания скальных фигур и оно касалось

кладбища слонов, о котором упоминали туманные предания, кружившие в окрестностях Ванг Сайга.

«Вся эта история началась несколько месяцев назад, — пишет Ганье. — По просьбе моего друга, фотографа-любителя, я, видимо, несколько легкомысленно взялся за поиски гротов Ванг Санг, о сокровищах которых лет двадцать назад сообщил один из индокитайских журналистов. Никогда в этих гротах я не был, а большинство жителей Вьентьяна, которых я спрашивал о Ванг Санге, даже не знало о существовании такого места...»

Основываясь только на скурых и зачастую противоречивых сведениях, автор все же отправился на поиски сокровищ.

«В течение трех месяцев я с двумя юными лаосскими друзьями прочесывал всю местность. То на машине, если только позволяла дорога, то в лодках-пирогам, скользивших даже по мелководью, то просто пешком мы бродили по этим местам, расспрашивая деревенских чиновников, седых бонз, охотников и дровосеков, которые исходили джунгли и знают их тайны. Мы осматривали пагоды и святилища, укрытые в лабиринте гор. Ночью, сидя у костров на берегах рек, мы слушали многочисленные рассказы о гротах и пещерах, об оваянных легендами местах, о затерянных Буддах в Фон Кхем, о бездонном колодце в Сом Ди... Мы возвращались с этих бесед, неся в руках охапки ярких диких орхидей, сорванных около лесных троп, но... без каких-либо сведений о гротах Ванг Санг...» — продолжает автор.

И все-таки путешественники не сдавались. Наконец француз нашел более точные сведения о Ванг Санге в одном из старых — полувековой давности — бюллетеней.

15 сообщении указывалось точное местонахождение гротов с горельефами в скале: их надо было искать примерно в 60 километрах к северу от Вьентьяна, около деревни Нонг Пин.

И вот трое смельчаков предприняли новые поиски, на сей раз направившись не к северо-востоку, а прямо на север, по дороге, ведущей к Луангпранбангу. Сначала путешественников ждало разочарование: деревни Нонг Пин, на которую ссылался старый бюллетень, не существовало. Ее не было на карте, и о ней даже не помнили жители этой местности.

«Спустя несколько недель в селении Хуэй Тхаон мы встретили старого крестьянина, который показал нам путь к Ванг Сангу. И мы добрались до этого места, до забытого святилища и шедевра древнего искусства, созданного еще во времена пребывания кхмеров на этой территории, в XI веке, то есть за триста лет до того, как на исторической арене появилось Королевство миллиона слонов и Белого зонта».

На постаменте одной из фигур была выбита дата: 929. Этот год по летосчислению камбоджийского календаря, именуемого «Маха Сакарат», соответствует 1006 году нашей эры. В это время государством кхмеров правил король Сурьяварама I. Горельефы Ванг Санга имеют черты, характерные для кхмерской скульптуры X–XI столетий. Древние кхмерские летописи сообщают о короле Сурьявараме I следующее: «Под его рукой монархия Ангкор простиралась по всей площади бассейна Меконга до самого Луангпрабанга».

Сопровождавший меня молодой бонза спросил, что за книга у меня к рукам. Я ответила, что в этом французском альбоме описываются достопримечательности Лаоса. Вот, например, рассказывается о гротах Ванг Санга, которые мне не удалось увидеть. При этом я невольно вздохнула, а бонза с сочувствием посмотрел на меня. Его коллеги, сидя прямо на полу святилища, заканчивали завтрак. Последний «гребок» тонкими палочками по жестяной мисочке, последние зернышки разваренного риса, и вот они уже подходят ко мне. Их тоже интересуют фотографии, помещенные в альбоме. С любопытством разглядывают они снимки горельефов, выбитых в скальном монолите. Потом бонзы невольно оглядываются и обводят глазами внутренность своей пагоды, о чем-то говорят по-лаосски.

Договорившись, они жестами и на ломаном английском языке приглашают меня следовать за ними. Я соглашаюсь. Они выводят меня другим ходом наружу и... я останавливаюсь, пораженная! Да, вот это я и искала, этого ждала! Но впечатление оказалось куда более сильным, чем я предполагала... Возле увитой зеленью стены возвышается величественная статуя, лоб которой покрывают фестоны зелени. Загадочная ироническая улыбка изгибает каменные уста. Это знаменитая статуя Будды из святилища Ват Фиа Ват во Вьентьяне,

сейчас уже реставрированная. Перед нею пучок ароматических тростинок, воткнутых в грудку щебня и камня.

Да, жаль, пока в гроты Ванг Санга я попасть не смогу. Но сейчас у меня такое чувство, словно я нашла сокровища древнего искусства. Я стою и люблюсь огромным изваянием, красоту, величие и достоинство которого не смогли стереть время и разрушение.

Аромат цветов смешивается с дымом сжигаемых ритуальных тростинок. Много букетов из натуральных и искусственных цветов, сложенных в форме конусов и пирамид. Они напоминают мне *баси* — обряд, который я видела в освобожденных зонах Лаоса. Теперь я знаю этот обряд лучше, но знаю и то, что здесь, во Вьентьяне, никто не встретит меня так сердечно и искренне...

«Баси — это церемония, проводимая в любую пору года для выражения сердечности и доброжелательства по отношению к уважаемым гостям. Во время этого обряда самые лучшие пожелания приносятся ребенку, который только что родился или должен появиться на свет, женщине, ожидающей родов, выздоравливающему человеку, путнику, отправляющемуся в дальнюю дорогу или возвращающемуся домой. Правда, баси устраивается еще и по случаю Нового года, свадьбы, визита знатных гостей, встречи давно не видевшихся друзей или назначения близкого человека на более высокий пост. Баси — это название праздничное, обычно же такая церемония называется *сукхуан*, то есть „привлечение души“. По местным верованиям, человеческое тело делится на тридцать две части, причем каждая имеет свою душу. И каждая из душ очень подвижна: она только и ждет момента, чтобы выскочить из тела. Поэтому надо ее задержать и соединить с телом, от которого она не должна отделяться, тем более что в своих хождениях она легко может заблудиться и попасть в плохие места или к скверным людям. Во время обряда баси приготавливается миска — *факхуан* — с пищей для невидимых душ. В серебряных кубках стоят свернутые листки с букетиками цветов. В чарках — жертвенное вино. Рядом лежат яйца, куски вареной курицы, печенье, ароматичные тростинки. После зажжения свеч один из присутствующих, выполняющий роль церемониймейстера, обращается к духам-опекунам с просьбой принять участие в пиршестве, устроенном в их честь. Затем церемониймейстер призывает все части души — *кхуан*, заблудившиеся в лесу, погрузившиеся в воды реки, потерявшиеся в вечерней мгле, застрявшие в джунглях, болотах и плавнях, откликнуться на

приглашение... И если кхуан вернулись, то их надо задержать, привязав к телу. Кисти рук гостя (в честь которого организована церемония басы) обматывают белыми шерстяными нитками. Их следует носить, не развязывая, как можно дольше. Некоторые утверждают, что не надо снимать их, пока они не истлеют...» (из лаосских источников).

...Очень красочное святилище, название которого я забыла. На площадке двора — кучи песка. Каждая из них щедро припорошена белой пылью, словно посыпана мукой. И все они утыканы множеством прутиков с кусочками цветной бумаги. На песке лежат бумажные полосы с изображением зодиакальных знаков. Вокруг куч много «песочных бабок», украшенных пальмовыми листьями. Все это — остатки праздника Пи май. Даже каменные стражи с искаженными гневом лицами, охраняющие вход в святилище, получили угощение по случаю праздника: у их ног лежат кучки риса.

Бонзы в оранжевых одеяниях с любопытством рассматривают меня. Я приветствую их сложенными руками, поднятыми на уровень груди, и жестами спрашиваю: нельзя ли мне взять на память несколько палочек с лоскутками бумаги и полосу, на которой изображены зодиакальные знаки? Один из бонз, пожилой, с проникновенным мудрым взглядом, неплохо говорит по-французски. Я расспрашиваю его о традиционных лаосских праздниках, церемониях, обрядах и обычаях.

— Праздник Пи май приходится на пятый месяц нашего календаря, — певучим голосом начинает бонза. — Последний день года называется *Сагкхан пай*. В этот день дух минувшего года улетает в иной мир, чтобы рассказать небесным силам о поступках людей за прошедшие месяцы. К этому дню каждый городской дом, каждая крестьянская хижина и землянка приводится хозяевами в образцовый порядок, тщательно убирается, чтобы чистота и уют привлекли добрых духов и отогнали злых. Накануне праздника на базаре продается только «живой товар»: птицы, черепахи, рыбы, ящерицы. Люди покупают их лишь для того, чтобы тут же выпустить на волю. Этот обычай — один из способов искупления грехов, совершенных в минувшем году. На исходе дня бонзы торжественно обносят вокруг пагод статуи Будды и обмывают их. В этот же день перед святилищем и на песчаных берегах Меконга люди насыпают *тхат*...

Бонза рукой показывает на холмики.

— А каков смысл обряда? — спрашиваю я.

— Каждая песчинка, брошенная на холмик рукой человека, — это на один грех меньше, это еще одна отпущенная ему вина. А кроме того, люди верят, — при этих словах бонза слегка, как бы снисходительно улыбается, — что в наступающем году будет столько же счастливых дней, сколько здесь песчинок...

— И на этом кончаются торжества?

— Нет. Потом наступает очередной день праздника — *Му нао*, во время которого все работы прекращаются. И еще третий день, *Сангкхан кхун* — возвращение опекающего духа на землю, которая в эту пору начинает пробуждаться после длительного сухого периода.

Я слушаю и записываю рассказ бонзы о цветах, приносимых женщинами из джунглей для украшения песчаных холмиков тхат. О процессиях и танцах, во время которых *пхубао*, молодые парни, и *пхусао*, девушки, обливают друг друга водой. Этот древний обычай символизирует очищение души и тела. Я вспоминаю, как в освобожденных зонах Лаоса нас обливали водой и просили не обижаться и как были удивлены, а вместе с тем и обрадованы, когда я рассказала о похожем польском обычае — пасхальном «смигус-дынкус».

— Визиты к родным и соседям, а также церемония басы тоже относятся к новогоднему ритуалу, — объясняет мне бонза.

— И еще пожелания *Сабайди Пимай!* — добавляю я.

Боиза с удивлением смотрит на меня.

— Мадам говорит по-лаосски?! — восклицает он.

— Нет, нет, знаю всего несколько слов... — заверяю я и, не давая ему времени на размышления и догадки, начинаю расспрашивать о *бун банг фай* — Празднике ракет, который отмечается обычно «в полнолуние шестого лунного месяца», в мае. Этот праздник очень оригинален и живописен.

Бонзу не приходится упрашивать. Правда, даже он не может рассказать о происхождении этого праздника, как не докопались до истоков *бун банг фай* и французские этнографы. По-видимому, Праздник ракет, как и многие другие обряды, восходящие к древнейшим анимистическим верованиям, посвящен *Пхагна Тхен*, небесным богам, которых стараются умилоствить, чтобы в

приближающийся период дождей они ниспослали обильные ливни, обеспечивающие богатый урожай. Иллюминация пагод, молитвы и принесение даров во время бун банг фай играют лишь второстепенную роль. Важнейший атрибут праздничного ритуала — ракеты, сделанные из высушенных и выдолбленных изнутри стволов бамбука, обычно ярко раскрашенных и резных. После заполнения их порохом они весят от шести до двадцати четырех килограммов. В праздничный день с самого утра по улицам идут процессии молодых парией, одетых в причудливые костюмы, с масками на лицах. Они ходят от дома к дому («как наши ребята в коляду» — приписываю я на странице блокнота), весело напевая под звон бубнов. Длится это шествие до позднего вечера. В сумерки на берегу Меконга начинается кульминационный момент празднества. Молодые люди, сгибаясь под тяжестью бамбуковых ракет, направляются к реке. И тут пошла пальба! Гул взрывов, шум, крики, клубы дыма и общее веселье образуют непередаваемую какофонию звуков. Если ракета не взорвется, это плохой признак: на будущий год владельца ждет неудача...

— Долго ли мадам задержится во Вьентьяне? — спрашивает бонза. — Если мадам так интересуют наши праздники, то стоило бы посмотреть *бун сенг конг* — конкурс игры на бубнах и барабанах, который проводится вскоре после Праздника ракет. А несколько позже, в разгар сезона дождей, в седьмом месяце нашего календаря, то есть в европейском июне, состоятся праздники опекающих духов отдельных городов и деревень Лаоса.

В честь *Хо Ниа* — духа, который заботится о Вьентьяне, — ежегодно приносится в жертву один буйвол. Во время этого праздника выступает некий «медиум», в которого, по местным верованиям, на некоторое время вселяется божество, дающее верующим полезные советы и благословение. Предсказания о будущих урожаях «читаются» по движению ритуальных камешков, напоминающих по форме зерна риса.

Я уклончиво отвечаю на вопрос бонзы насчет моего пребывания во Вьентьяне. Когда над Меконгом станут взрываться ракеты, когда по улицам города потянутся карнавальные процессии, когда с помощью камешков бонзы начнут предсказывать размеры урожая, я буду уже далеко отсюда...

Из тайников памяти извлекаю выученные мною лаосские слова. *Ла кон* — до свидания. *Коптяй* — благодарю. Бонза удивлен еще больше.

— О, мадам! Вы же знаете наш язык! Где это вы его выучили?

Я улыбаюсь и еще раз благодарю за беседу. Где я выучила лаосский? Тайну лучше не раскрывать: ведь это было «там», у «красных», к которым я собираюсь вернуться. «Там» — освобожденные зоны, иная жизнь. А здесь, во Вьентьяне, надо считаться с присутствием американцев, со слишком любопытными глазами и ушами...

«Несмотря на сравнительное ограничение средств уничтожения, все же это настоящая война, — с пепелищами, болью сердца, истерзанными телами людей, трагическими смертями. И как сильно я желаю этому народу, чтобы наконец стихла пальба!.. Какие они добрые, гостеприимные, мягкие, эти лаосцы...» — так десять лет назад, в 1961 году, писал мой соотечественник, известный писатель Войцех Жукровский. Писал, правда, в иную пору, когда кровавые события в Лаосе не шли ни в какое сравнение с нынешней подлой американской интервенцией. С той «грязной войной», которая бушует, почти не утихая, и дает о себе знать на каждом шагу...

«Многие лаосские святилища — прекрасные памятники архитектуры — находятся в Верхнем Лаосе, на севере страны...»

Эта фраза, когда-то прочитанная мною, видимо случайно, не дает мне покоя.

ПОКАЗАНИЯ БОНЗЫ КИКЕО СУВАННАРАТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ БУДДИЙСКИХ БОНЗ ВЕРХНЕГО ЛАОСА, ДАННЫЕ ИМ В 1967 ГОДУ ЧЛЕНАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРИБУНАЛА ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ США (так называемый «Трибунал Бертрана Рассела». — М. В.):

«В 1965–1967 годах американские бомбардировщики неоднократно атаковали освобожденные зоны Лаоса, причиняя крупный ущерб местам культа и буддийским монахам, а равно и верующим следующих провинций: Самнеа, Муонгсай, Фонгсали, Луангпрабанг, Луонг Нам Тха.

...В провинции Самнеа полностью разрушено 26 пагод — 210 зданий. Жертвами этих жестоких бомбардировок в пагодах и около них были 1560 изваяний Будды, около 10 тысяч экземпляров книг из библиотек при святилищах, утварь, большое число музыкальных инструментов, необходимых для отправления богослужений.

От воздушных налетов погибло шесть бонз. В местности Бан-Бан двадцатитрехлетний бонза по имени Итхонг, а с ним пятеро

малолетних бонз были убиты во время молитвы. Маленькая пагода в Бан-Бане удалена от каких бы то ни было военных объектов.

В провинции Муонгсай полностью разрушены в результате применения американских бомб весом в 250 и 500 килограммов 22 пагоды, а также расположенные вокруг них постройки, в которых размещались школы и монастырские больницы. Во время молитв было убито три человека и тяжело ранено еще трое. Уничтожены священные статуи, утварь, книги.

В провинции Фонгсали разрушены до основания восемь пагод, не считая вспомогательных зданий и помещений для бонз. В провинции Луангпрабанг разрушено семь пагод и десятки повреждены.

В данное время бонзы Верхнего Лаоса, как и все население разрушенных деревень, вынуждены жить и молиться в гротах или джунглях».

Во Вьентьяне у меня почти нет контактов с людьми. Я чувствую себя одинокой и чужой в этом городе на берегу Меконга — в городе, совсем ином, чем знакомый мне Северный Лаос.

...Вечер. Захожу в скромную маленькую пагоду из черных досок. Во дворе много людей. Слева, на террасе, несколько музыкантов играют печальную мелодию. Двухструнные скрипки называются *со*, а ксилофон из кусков бамбука — *нанг-нат*. Полукруглые цимбалы из бронзы, дерева и тростника — *кхонг-вонг*.

Молодой человек с буйной и взъерошенной чуприной — китаец из Сингапура. Любезным жестом он приглашает меня к столу, за которым двое лаосцев угощают «мадам» сигаретами и лимонадом с тающими в нем кусочками льда. По обе стороны террасы сидят группки молоденьких девушек и взрослых женщин, все они одеты в белое с головы до ног. Девушки в белых капюшонах то и дело встают, подходят к алтарю, стоящему посередине пагоды, и низко склоняются перед ним. Что это — траурный обряд? Ведь об этом свидетельствует белый цвет одежды. Все собравшиеся говорят только по-лаосски, и лишь один китаец из Сингапура — о диво! — знает немецкий и немного говорит по-английски. Я расспрашиваю его о деталях церемонии, которая будет продолжаться до завтрашнего дня.

Оказывается, сегодня утром поблизости умерла 60-летняя женщина и церемония связана с ее погребением. Перед входом на террасу пагоды висят надписи, сделанные красными китайскими иероглифами на белом фоне. Они содержат пожелания доброго пути на тот свет — разумеется, адресованы они покойнице. Я слушаю рассказ о траурных церемониях и обрядах. О белых шерстяных нитках, которыми обмотано тело умершей, чтобы она не могла вернуться на землю и оказаться среди живых. О сожжении на костре гроба с телом покойницы, о разжигании огня с помощью пропитанного смолой факела или палочки из сандалового дерева. О ночном бдении перед погребением. Это напоминает мне бессонные часы в некоторых районах Польши в ночь перед захоронением покойника — такая ночь называется «пустой». Но смерть дома, от болезни, не считают здесь

такой страшной, как ту черную смерть, которая прилетает на крыльях американских самолетов. Эта смерть обрушивается на людей внезапно, из-за угла, с воем пикирующих бомбардировщиков, с оглушительными разрывами бомб...

«К жителям Лаоса смерть является в различных видах.

За последние несколько лет американские самолеты сбросили на Лаос свыше одного миллиона тонн бомб, нацеленных на мирных жителей, — тяжелых, весом в 500 фунтов, осколочных, шариковых и т. д. Тысячи таких бомб обрушены на беззащитные селения...» (из брошюры Фреда Бренфмана^[6], см. ниже).

Около семи лет мировое общественное мнение почти ничего не знало об этих варварских бомбардировках. Официальные источники США замалчивали или «опровергали» правду об атаках американских самолетов на мирные города и села Лаоса. Журналисты не имели никакой возможности проследить за разбойничьими рейдами авиации США в Лаос. К тому же очень немногие люди могли добраться до освобожденных зон Лаоса.

К концу 1969 года армейские части наемников США, руководимые ЦРУ, переселили в охраняемые лагеря более 30 тысяч жителей из районов Северного и Южного Лаоса, подвергшихся массированным бомбардировкам. Эти переселенцы оказались в лагерях на территории, контролируемой американцами, в долине Меконга. И лишь тогда мир впервые услышал сообщения «о жизни под бомбами». Было опрошено около тысячи переселенцев, несколько сот их показаний записано на магнитофонную пленку и киноленты. Все это — свидетельства людей сравнительно счастливых, ибо они уцелели...

ПОКАЗАНИЯ, ЗАПИСАННЫЕ НА ПЛЕНКУ Ф. БРЕНФМАНОМ (США)

Показания крестьянина Н.:

«Я — житель деревни Ван На Ноу. 15 июля 1967 года американские самолеты разбомбили наше селение. Я тогда как раз пикировал на поле рисовую рассаду. Это было около 5 часов дня. Самолеты сбросили две бомбы тяжелого калибра прямо на наше селение. Одна из них попала в мой дом. Мой отец (68 лет), моя мать (64 года) моя жена (21 год) и трое сыновей в возрасте 6, 3 и 1 года находились внутри дома. И все они погибли».

Показания старосты деревни Ван Тхам:

«Этой маленькой девочке — 3 годика. Когда в марте 1969 года налетели американские самолеты, старшая сестра (9 лет) несла малышку на спине. Девочка побежала, чтобы спрятать сестричку, но не успела. Тяжелая бомба разорвалась поблизости. Старшая девочка погибла, а младшая была сильно обожжена и ранена в грудь, живот и промежность».

Показания старой женщины М.:

«Моя невестка Нанг Фа Син не дожила до 20 лет. У нее был один ребенок. В августе 1969 года самолеты разбомбили ее родную деревню Бан Соот. Син укрылась во рву вместе с семьей. Отец ее погиб, мать и два мальчика из той же деревни были тяжело ранены. Син была убита осколком бомбы в тот момент, когда телом прикрыла своего годовалого ребенка, сохранив ему жизнь».

Показания отца маленькой девочки:

«Это моя дочурка Кхамфонг. Ей три года. Мы жили в деревне Бан Нхоуп. 28 февраля 1969 года около трех часов пополудни я ловил в реке рыбу. Рядом со мной было семеро моих детей. Внезапно появились вражеские самолеты и сбросили около нас бомбы, рассчитанные на поражение живых целей. Погибло шестеро моих детей. Кхамфонг уцелела, но в ее теле — не один осколок».

Показания старой женщины:

«Моему мужу было около шестидесяти лет, когда он погиб. Это произошло 16 сентября 1968 года, примерно в шесть часов вечера. По Сиенг Сом работал на рисовом поле. Сперва прилетел маленький самолет, который заметил его. Потом явились другие самолеты, они сбросили на это место несколько осколочных бомб. Я находилась тогда в небольшом укрытии около поля, но и меня ранило осколком... А мой муж погиб!»

Показания матери убитой девочки Сао Тун:

«Мы жили в селении Бан Хуей. Моя дочурка Сао Тун, двенадцати лет, и я. В июле 1969 года, около 10 часов утра, появились самолеты, и мы с дочкой укрылись во рву. Когда раздались взрывы, Сао Тун очень испугалась, выскочила из рва и помчалась к убежищу. Но самолет сбросил бомбу и убил ее. У меня была только одна дочь. Я... я... (плачет)».

Комментарии Фреда Бренфмаиа:

«Бомбы смели с лица земли уже тысячи деревень. Убиты сотни тысяч крестьян. Но агония Лаоса продолжается. Сейчас сотни и тысячи лаосцев живут под землей, в пещерах, тоннелях и рвах, спасаясь от бомб.

Самолеты появляются регулярно. Беженцы из различных мест единодушно заявляют, что они не в состоянии подсчитать, сколько раз американские самолеты бомбили их деревню или соседние. Они подтверждают, что самолеты сбрасывают бомбы по нескольку раз в день. Один старик сказал: „Самолеты прилетают как птицы, а бомбы падают словно дождь“.

Бомбардировка деревень не имеет никакого военного значения. Все беженцы, а также дезертиры из армии, с которыми мы беседовали, единогласно утверждают, что от бомб гибнет небольшое число солдат и партизан. Кстати, последние передвигаются в джунглях ночью и малыми группками. В деревнях они не бывают. Это иногда официально подтверждают и сами американцы.

Несмотря ни на что, силы Патет Лао контролируют сейчас значительно большую территорию, чем к началу американских бомбежек. Однако атаки ВВС США продолжаются. По последним данным официальных источников Пентагона, самолеты совершают по тысяче самолето-вылетов в день (а порой и больше). В среднем за каждый вылет сбрасывается 2,2 тонны бомб. Каждые шесть дней на Индокитае обрушивается такое количество бомб, мощь которых равна атомной бомбе, уничтожившей Хиросиму. На давно разрушенные селения и города каждый час сбрасывается 200 тысяч английских фунтов различной взрывчатки.

Такие люди, как Тхао Вонг, Ме Оу и другие (о которых говорится в брошюре. — М. В.), убиты взрывами бомб, нацеленных исключительно на людей. Многие живьем сожжены напалмом, поражены осколочными бомбами или погибли от фугасок.

Ничто уже не вернет к жизни тех, кто погиб. *Но мы сделаем все, что в наших силах, чтобы остановить град бомб, могущих упасть на тех, кто еще жив!»*

На улицах лаосской столицы не видно армейских и жандармских постов, огороженных колючей проволокой и защитными валами из мешков с песком. На перекрестках нет засек и рогаток. Посольство США занимает довольно скромное здание по сравнению с «бункером Банкера» в Сайгоне, который напоминает морскую крепость. Но пресловутым «секретом Полишинеля» является тот факт, что американский посол облечен чрезвычайными полномочиями и осуществляет действия, выходящие за пределы обязанностей дипломата. Он лично решает вопросы о выборе объектов для очередных бомбежек. Он руководит снабжением вьетнамской королевской армии, командует многими «специальными акциями», проводимыми вооруженными силами Соединенных Штатов в Лаосе. Он распоряжается темп отрядами США, наличие которых в Лаосе до недавнего времени упорно отрицалось Вашингтоном. Но их присутствие доказано цитированной выше брошюрой, которую никак не назовешь «красной пропагандой». Она принесла миру потрясающие душу сообщения лаосских беженцев, уцелевших после налетов авиации США и покинувших разрушенные и сожженные дотла селения. Эти сообщения были опубликованы теми американцами, у которых еще сохранилась совесть и которые возмущены жестокостями и геноцидом, совершаемыми их земляками.

В апреле 1970 года газета «Санди Стар», ссылаясь на хорошо информированные лаосские круги, сообщила, что имеются строго секретные распоряжения Пентагона... о полном уничтожении тел американских солдат, павших во время проведения наземных операций США в Лаосе, чтобы противник и мировое общественное мнение не раскрыли присутствия войск США в этой стране! «Если гибнет американский солдат, то его товарищи обязаны гранатами или пулеметной очередью обезобразить его тело, чтобы затруднить противнику установление национальной принадлежности трупа». Это ли не предел цинизма!

Пленным американским летчикам живется не так уж плохо...

Тогда же, в апреле 1970 года, «Нью-Йорк Таймс» отметила, что США осуществляют руководство тактическими и стратегическими операциями в Лаосе, одновременно занимаясь транспортировкой воинских частей к месту боевых действий и обратно...

Да, здание посольства США вроде бы и неказисто. Но зато по всему городу разбросаны «бюро» самых различных учреждений и служб США, которые за ширмой филантропических названий занимаются разведкой, диверсиями, массовым шпионажем.

Персонал «невзрачного» посольства, его многочисленных «бюро» и «ответвлений» (как известно, контролируемых ЦРУ) насчитывает свыше двух тысяч человек в одной лишь столице, не говоря уже о периферии. Многие из этих лиц имеют длительный и разнообразный опыт в области шпионажа и диверсий. По данным, опубликованным американцем Роджером Хилсманом (помощником государственного секретаря по делам Дальнего Востока) в ходе второй Женевской конференции по Лаосу, то есть в 1962 году, во Вьентьяне тогда находилось 686 американских военных «советников», которые, согласно решениям данной конференции, были обязаны немедленно покинуть Лаос. Увы! Они остались в стране, превратившись в

«гражданских сотрудников» АИД или в «дипломатов», работающих в посольстве США...

В самом начале 1966 года Патриотический фронт Лаоса сообщил, что в стране находится уже более 5 тысяч американцев. Две трети из них — военные советники или инструкторы. Французский журналист Бернар Курэ, сотрудник парижского журнала «Ле монд дипломатик», долгое время живший в Лаосе, дал показания на очередной сессии Международного трибунала по расследованию американских преступлений в Лаосе («Трибунал Бертрана Рассела»), что в то время там находилось 12 тысяч американцев, не считая членов их семей. Это инструкторы и «советники», специалисты по строительству дорог и мостов, летчики и наземный обслуживающий персонал ста аэродромов, тридцать из которых были сооружены в тылу расположения сил Патет Лао. Бернар Курэ также сообщил о пятистах лицах летного персонала, обслуживающих авиалинии ЦРУ — «Эйр Америка» и «Континентал Эйр Сервис».

Три тысячи американских «советников» находятся и в так называемых зонах благополучия, которые являются не чем иным, как разновидностью пресловутых, хорошо известных всему миру южновьетнамских «стратегических деревень», то есть концлагерей. В конце 1970 года в одних лишь ВВС США на территории Лаоса насчитывалось свыше 2 тысяч американских «советников». Столько же было и военных инструкторов «специальных сил», то есть местной разновидности «зеленых беретов», обучаемых подлинными «зелеными беретами». Всех же американских «советников» в Лаосе к концу 1970 года насчитывалось более *двадцати тысяч!* И это — не считая нескольких десятков сотрудников аппарата военного атташе посольства США, работающих под маской дипломатов. К ним необходимо добавить ровно тысячу американцев, занятых в «Главном штабе 333» в Удоне (Таиланд) — под этим названием скрывается командование «специальных сил», — а также несколько сот американцев, находящихся в учебном центре для «коммандос» в Лоубури (Таиланд).

Эти цифры весьма красноречивы. В королевской армии Лаоса, насчитывавшей в 1970 году более 70 тысяч солдат и офицеров, но увеличивающейся из месяца в месяц, один американский «советник» приходится в среднем на *пять* местных солдат! И я хотела бы тут

напомнить, что во всем Королевстве миллиона слонов лишь около 3 миллионов жителей...

Весной 1970 года вьетьянское правительство ввело в стране «чрезвычайное положение» и приняло закон о мобилизации всех способных к ношению оружия лаосцев в возрасте от 18 до 50 лет. Военная подготовка обязательна также для всех государственных служащих. Таким образом, на каждые 300 граждан Лаоса приходится семь солдат. Регулярная армия вьетьянского правительства, располагавшая в 1968 году 130 батальонами, уже к концу 1969 года имела более 150 батальонов. Лаосские «специальные силы», часто именуемые «частной армией генерала Ванг Пао», в то же время были доведены до 64–85 батальонов.

Кто же он, этот генерал Ванг Пао? Это известный антикоммунист, авантюрист, бывший унтер-офицер французских колониальных войск. Используя племенные распри и вражду, все еще ощутимые в Лаосе, а также всестороннюю поддержку американцев, сей «герой» организовал и обучил секретные отряды. Их основной состав — горные жители из этнической группы мео, к которой принадлежит и сам Ванг Пао.

По официальным данным, сумма «помощи» США королевскому Лаосу ограничивается 60 миллионами долларов. Но это, повторяю, официальная версия. В действительности же на оружие и деятельность секретных служб США в Лаосе, а также на борьбу с лаосским освободительным движением в одном только 1970 году израсходовано не менее 600 миллионов долларов. Значительную часть этой суммы поглотило обучение и снаряжение наемников генерала Ванг Пао. Согласно некоторым лаосским источникам, армия Ванг Пао получает в год 150 миллионов долларов, которые расходуются на устройство засад против освободительных сил, взрывы и другие акты саботажа, на диверсии и шпионаж.

Армия Ванг Пао насчитывала 17 тысяч солдат регулярных частей и 30 тысяч «партизан», то есть бандитов, осуществляющих антипартизанские действия. Увеличение «частной армии» произошло во второй половине 1969 года. Сделано это было без огласки. Людей вербовали тайно, снабжали современным оружием, интенсивно обучали и тренировали. Каждое подразделение этой армии наемников имеет своих американских «советников». Есть в распоряжении Ванг

Пао десантники и парашютисты. Армия делится на три части: мобильные группы, местные формирования и «коммандос», подготовленные для диверсионных действий в тылу Патет Лао. Кроме того, в состав армии Ванг Пао входило определенное число штурмовых отрядов, используемых в ходе наступательных действий. Сеть из 150 постов этой «частной армии» организована в Верхнем и Нижнем Лаосе (такие посты есть даже в освобожденных зонах).

Главная задача бандитов из армии Ванг Пао — захват новых позиций и удержание их до подхода регулярных частей королевской армии. Обмундированные и вышколенные американцами наемники выучены вести бой самыми беспощадными и жестокими способами. Их принцип — «убивай, иначе сам будешь убит».

Откуда и как черпает Ванг Пао наемников для своей армии? Наиболее важный фактор — американские доллары, которые превращаются в товары для высокогорных племен, ценимые там выше любых денег: соль, рис, одежда, ткани и т. д. Многие мео вступили в армию Ванг Пао не по своей воле — их загнали туда угрозами. Были случаи уничтожения некоторых селений мео с помощью ядохимикатов и отравляющих веществ, чтобы заставить жителей покинуть родные места: во время переселения легче выловить молодых людей, способных носить оружие. Жителей некоторых деревень выселяли под предлогом эвакуации в безопасные места. Финал таких операций: женщины, дети и старики направляются в лагеря так называемых зон благополучия. Молодых же и здоровых людей силой загоняют в армию Ванг Пао и там им «промывают мозги», заставляя сражаться против Патет Лао.

Группа из семидесяти старших офицеров США под командованием полковника Э. Даскима занимается выбором объектов для диверсионных действий отрядов Ванг Пао. С 1970 года эти акции осуществляются в районе, лежащем к югу от Долины Кувшинов. Здесь американцы построили свои базы — военные лагеря и аэродром, откуда идет снабжение армии Ванг Пао оружием, боеприпасами и продовольствием.

Поэтому стоит лучше присмотреться к базам в районе Самтхонг — Лонгченг. Эти базы — оперативный центр и узел воздушных коммуникаций в Верхнем Лаосе. Как писала французская газета «Франс суар» 4 марта 1970 года, Лонгченг — этот «город

ЦРУ» — имеет непосредственную связь по телексу с Вашингтоном. База располагает аэродромом, на котором постоянно царит оживление: самолеты приземляются и стартуют почти каждую минуту.

В Нижнем Лаосе, на плато Боловен, организованы в пещерах лагеря СГУ — «Special Guerilla Unit». Это подразделения «коммандос», действующие против сил Освобождения. Там построена большая радарная станция для управления налетами бомбардировщиков США.

Каждый месяц из Таиланда с помощью ТЭТО (Таиландская скоростная транспортная организация) в Лаос завозится 4500 тонн американского оружия и боеприпасов, в том числе новейшие карабины М-16 и артиллерийские орудия крупного калибра. За первое полугодие 1970 года Вьентьян дважды получал от США самолеты «ОВ-1 °Споки АС-37». Каждый из них снабжен тремя бортовыми пулеметами, выпускающими 18 тысяч пуль в минуту.

Из Бангкока же с помощью американцев в Лаос идут людские пополнения. Еще в августе 1969 года 5 тысяч тайландских наемников участвовало в наступлении против сил Патет Лао, сконцентрированных тогда в районе Долины Кувшинов и в провинции Сиенгкуанг. С 1970 года численность тайландских солдат, прибывающих в Лаос, все время увеличивается. Часть их направляется в полки регулярной королевской армии, часть — в ряды армии Ванг Пао. Солдаты, относящиеся к «красным беретам», то есть к тайландским «специальным силам», действуют сообща с «зелеными беретами» США, оперирующими в Верхнем Лаосе.

Бандиты Ванг Пао, разбойничающие плечом к плечу с тайландскими наемниками, сыграли немаловажную роль в операции «Кукиет», проведенной американцами в июле 1969 года. Эта операция («кукиет» по-лаосски означает «месть») по своей неслыханной жестокости и варварству превосходила все карательные экспедиции. Западная пресса сообщала о бесчисленных вылетах американских бомбардировщиков и истребителей, стартующих с тайландских аэродромов. Все, что можно было заметить с высоты полета, все живое и движущееся и все, что было создано руками человека-труженика, — землянки, шалаши и жилые дома, урожай на полях, крестьяне на рисовых и банановых плантациях, рыбаки на реках и озерах — все это стало «военными целями» для воздушных пиратов Америки...

Вьентьян — город на первый взгляд мирный, спокойный. В роскошных виллах, где есть кондиционеры и весь современный бытовой сервис, американские «спецы» разрабатывают новые, очередные, более «совершенные» планы «усмирения» непокорных провинций, «бунтовщических» селений и партизанских районов. Подсчитывают, калькулируют. Размышляют над вопросами: что более эффективно воздействует на население, особенно сельское; что вызывает наибольший страх; что выгоднее — послать несколько мешков риса, десяток ящиков с консервами или же бомбы всевозможного калибра, напалм и фосфор? Правда, на практике используются оба «метода».

Американцы тщательно контролируют большие площади пахотной земли, чтобы не допустить снабжения крестьянами местных партизан. Ядохимикатами уничтожают листву в джунглях. Около городов, контролируемых вьентьянским режимом и американцами, а также вблизи своих военных баз оккупанты создают деревни-лагеря, которым отводится роль защитного пояса от нападения партизанских отрядов и сил Патет Лао. В инструкциях и планах американских «экспертов», работающих под руководством ЦРУ, преобладают высокопарные названия: «Программа сельскохозяйственного развития», «Зоны прогресса», «Поселки единства» и т. д. Лишь изредка, почти стыдливо, прозвучит слово «лагеря беженцев». Это наиболее меткое определение для искусственно создаваемых поселений, куда насильственно стоняют жителей многих деревень (если бы американцы знали, как они выдали себя таким названием!). Схема «операций» и методы их проведения остаются неизменными. Сперва на выбранную деревню обрушиваются бомбы и напалм, вызывающий пожар всюду, где упала хотя бы одна его капля. Затем следует второй этап — устрашение крестьян с помощью атаки вертолетов с солдатами «специальных сил». На жителей, уцелевших во время «предварительных» бомбежек, пытающихся убежать и укрыться в джунглях, начинается форменная охота: устраиваются облавы, людей хватают, силой заталкивают в вертолеты и вывозят в лагеря. Молодых

парией призывного возраста захватчики отправляют в армейские части под особый надзор королевских офицеров.

Опираясь на опыт сайгонского режима, начиная с весны 1970 года американские «спецы» начали создавать в Лаосе «зоны развития». Уже в середине прошлого года в стране насчитывались двадцать две такие «зоны», где было сосредоточено около пятисот тысяч человек! А ведь на территории, контролируемой вьентьянским режимом, всего полтора миллиона жителей!

Люди, вырванные из естественных условий, переведенные в районы с непривычным климатом (особенно это касается жителей высокогорных районов, которые очень плохо переносят горячий и влажный воздух низменности), болеют и гибнут. Так, в лагере На Люан, расположенном неподалеку от американской базы Лонгченг, в первом квартале 1970 года холера унесла более 400 жертв. Из другого лагеря — Тхам Пан Лунг — приходят не менее тревожные сообщения: среди шести тысяч переселенцев, сконцентрированных на небольшой территории, смерть собирает обильный урожай. В этом лагере, как стало известно, ежемесячно умирает в среднем 120 детей. Сколько бы ни пытались американцы создавать самим себе некое «паблисити» гуманистов — сгущенное молоко, витаминное драже и консервированные продукты никогда не заменят той пищи, к которой эти люди привыкли дома. И ничто, никакие обещания не смогут заменить им свободу.

Во Вьентьяне нет промышленности, нет бунтующего рабочего класса. В городе живут купцы, мелкие кустари, посредники, служащие, представители немногочисленной лаосской интеллигенции. Однако спокойствие города мнимое. Вот что я узнала от тех, кто жил там довольно продолжительное время и хорошо разобрался в обстановке.

...Рабочие, занятые на строительстве плотины в Нам Нгеуне, требуют улучшения условий труда.

...Представители интеллигенции и вьентьянские студенты собираются в столице на совещания и резко осуждают американскую интервенцию.

...Молодые люди, насильственно загнанные в казармы армейского лагеря в Лонгченге, при выходе на учения бежали и вернулись в родные селения или ушли в освобожденные районы.

Конечно, переоценивать эти события не следует, однако их стоит запомнить. Капля долбит камень, а маленькие ручейки создают большие реки.

Вьентьян. Пустынная площадь рядом со стеной, которая осталась от не существующего уже здания. Когда-то здесь выселились казармы. Это пресловутая Фон Кхенг — давняя резиденция вьентьянской жандармерии. Именно тут с 1959 года томился в одиночке принц Суфанувонг, глава патриотов Лаоса. Вместе с принцем в камерах Фон Кхенг долгих десять месяцев сидели полковник Сингкапо, ныне генерал, один из руководителей вооруженных сил Патет Лао, и еще семь деятелей Патриотического фронта. Почти год узники ждали суда, которого так и не было, да и быть не могло: как выяснилось позже, им просто грозила смерть от рук наемных убийц, которые должны были застрелить всех узников якобы при попытке к бегству!

Патриотам удалось вырваться на свободу. И удалось именно потому, что пресловутая капля действительно долбит камень. Такой каплей оказалось долгое и терпеливое разъяснение позиций Фронта. В конце концов истина дошла до сердец и умов мрачных охранников. Бегство из Фон Кхенг было успешным еще и потому, что патриотов всюду ждали помощь и поддержка со стороны населения.

Сколько же в действительности жителей во Вьентьяне? Увы, мой «золотой путеводитель» не дает ответа на этот вопрос. По данным же других источников, теперь уже устаревших, в 1960 году здесь проживало более 100 тысяч человек. Конечно, война значительно увеличила население города, но не только за счет лаосцев: сколько их теперь в столице — никто не знает. Зато вот что мне удалось узнать:

а) стоимость обучения и снаряжения солдата королевской армии значительно выше, чем подготовка и снаряжение солдат всех других армий в странах Азии;

б) вьентьянский парламент, утверждая государственный бюджет на 1970/71 год в сумме 17 миллиардов 850 миллионов кипов, выделил на «оборонные» (читай: военные) цели львиную долю: 8 миллиардов 900 миллионов кипов!

Таким образом, стоимость содержания армии — по *официальным* данным — за последние 20 лет, с 1950 по 1970 год, увеличилась ровно в *двадцать два раза!*

Война в столице почти не ощущается, но все-таки напоминает о себе увеличивающимся потоком беженцев. Жители селений, расположенных в охваченных войной районах страны, либо насильственно переселяются в «зоны развития», либо бегут в ближайшие города, в том числе и в столицу. Кстати сказать, такое же явление я наблюдала и в Сайгоне.

За счет чего же живут здесь люди? Каковы источники существования у той части населения Лаоса, которая осталась на территориях, контролируемых Вьентьяном и американцами?

Сеть дорог и коммуникаций в Лаосе — минимальная. Отсутствие моря — естественного «окна» в мир — следует отнести к наиболее существенным минусам географического положения Королевства миллиона слонов. Но страна эта обладает многими природными богатствами, и, если бы не война, их было бы значительно больше. Основной продукт — рис насущный. В мирное время здесь ежегодно собирали до 250 тысяч тонн рисового зерна. В Лаосе растут овощи и фрукты, характерные для тропического, субтропического и умеренного

поясов. Есть все основания для выращивания промышленных культур: джута, табака, а также пищевых — арахиса, кукурузы, сахарного тростника, черного и красного перца, цитрусовых, кокосовых пальм, бананов, ананасов и манго.

Неисчерпаемы богатства лаосских джунглей. Здесь можно найти всевозможные сорта и виды бамбука — от карликовых до огромных двадцатиметровых стволов. Кроме того, в джунглях множество ценнейших пород деревьев, имеющих большой спрос и высокую стоимость на мировом рынке. Так, например, знаменитое тиковое дерево и сейчас вывозится из Вьентьяна в Бангкок, откуда его отправляют на мировой рынок, но уже как... «таиландскую» древесину, да еще с огромной наценкой! К этому надо добавить различные смолы, древесный лак. Все это великое богатство джунглей до сих пор почти не используется из-за войны. Действуют лишь несколько небольших лесопильных предприятий и заводиков по обработке древесины.

Некогда, как сообщают официальные источники, из Лаоса ежегодно экспортировалось более 10 тысяч голов крупного рогатого скота. Вывоз совершался весьма примитивным способом: животных просто гнали «пешим порядком» на границу с Таиландом. Сейчас этого нет. И потому современные бойни, холодильники и консервные заводы были бы так же нужны и полезны, как и предприятия по обработке древесины.

Недра Лаоса не исследованы, и подземные богатства страны используются очень слабо. Добывают лишь глину, известь и гипс, да и то в мизерных количествах. В некоторых районах страны имеются богатейшие залежи соли. Здешние воды — правда не всюду — очень соленые: порой до 300 граммов соли на 1 литр воды. И в то же время население постоянно страдает от нехватки соли. Есть в Лаосе и свинец, который издавна добывают примитивным способом и применяют лишь для отливки охотничьей дроби и пуль. Как уверяли меня специалисты, наличие в стране месторождений высококачественных железных руд — факт доказанный. Не исключено, что есть тут и нефть. Что же касается «белого угля», то пока что построена лишь одна гидроэлектростанция вблизи Нам Нгеуна. А между тем резервы огромны.

Чтобы страна начала развиваться, необходимо прежде всего покончить с войной и американской интервенцией. Нужны крупные инвестиции и квалифицированные кадры технической интеллигенции. Надо ликвидировать страшное бедствие — коррупцию, которой заражены все имущие слои населения страны. Мой соотечественник Збигнев Яр опубликовал в нашем ежемесячнике «Континенты» отчет о нескольких беседах, которые он провел в городах Лаоса с местными жителями. Они просили его не называть их имен, поскольку опасались репрессий. Эти беседы автор снабдил таким комментарием:

Часть лаосских сановников живет явно не по средствам. А получить большие деньги очень легко — достаточно перестать мыслить категориями национальных интересов. «Мы готовы отказаться от американской „помощи“ хоть сегодня... — заявил один из собеседников. — Только бы они поскорее убрались домой! Конечно, некоторые потеряют свои большие доходы, зато народ обретет утраченную свободу. Восстановится и национальное единство. С нашими вьетнамскими соседями на Юге и Севере у нас не будет споров: для этого просто нет повода. Пограничные же вопросы с Камбоджей можно урегулировать... Мы охотно воспользуемся помощью и опытом других народов, если они не станут нам навязывать политический диктат».

Соединенные Штаты умеют, когда это им выгодно, быть щедрыми и раздавать миллионы долларов. Американская «помощь» странам Юго-Восточной Азии составила в 1946–1963 годах (в пересчете на одного жителя): в Лаосе — 192,3 доллара, в Южном Вьетнаме — 181,7, на Филиппинах — 61,3, в Бирме — 4,9 и в Малайзии — 2,4 доллара. Чем больше «помощь», тем явственнее раскол народа, тем сильнее его несчастье. В 1955–1970 годах, то есть всего за 15 лет, Вьетьян получил от американцев *миллиард* долларов! Но что построено, что создано на эти огромные деньги? Почти ничего... Зато многое уничтожено и разрушено. Сожжены напалмом сотни деревень и городков. Убиты бомбами тысячи и тысячи мирных жителей. Таков кровавый итог «помощи» США...

Вьентьян. Уже вечер. Во мраке неосвещенных и немощеных улиц то и дело вспыхивают огни автомобильных фар. В окнах светятся не только электрические лампочки — часто я вижу керосиновые лампы и даже коптилки. Вооруженный боец стоит на контрольном посту у здания представительства Патет Лао. Это представительство — еще одна особенность города. Не менее удивительно и то, что здесь, в Королевстве Лаос, выпущена по случаю... ленинского юбилейного года марка с изображением Ленина!

Маленький антикварный магазинчик. Обломки скульптур из различных пагод. Позолоченные богини сохраняют в улыбках и выражении неподвижных лиц тень той прелести, какой полны их оригиналы. Столики, искусно вырезанные из одного куска дерева. Старая керамика и трубочки для курения опиума. Мирно соседствуют подлинные вещи и подделки, так же как уживаются в этом городе современность и отсталость, правда и ложь, традиционный танец ламвонг и воющие звуки джазовой музыки Штатов, древние святилища и многочисленные «найт-клубы».

Я уже хорошо знаю этот город. Вполне освоилась в нем. И все-таки чувствую себя тут чужой. Мне не по себе среди этой американской и американизированной мишуры, разврата и убожества, смешанного с роскошью, коррупцией и нищетой.

Меконг течет на юг. Я обращаю свой взор на север. Там — Верхний Лаос. Там не только продолжают, но все более усиливаются воздушные налеты. Там сбрасывают свой смертоносный груз летающие суперкрепости Б-52. Но зато там — свободный, сражающийся Лаос. Там живут, борются и побеждают мои товарищи и друзья.

И я скоро буду там...

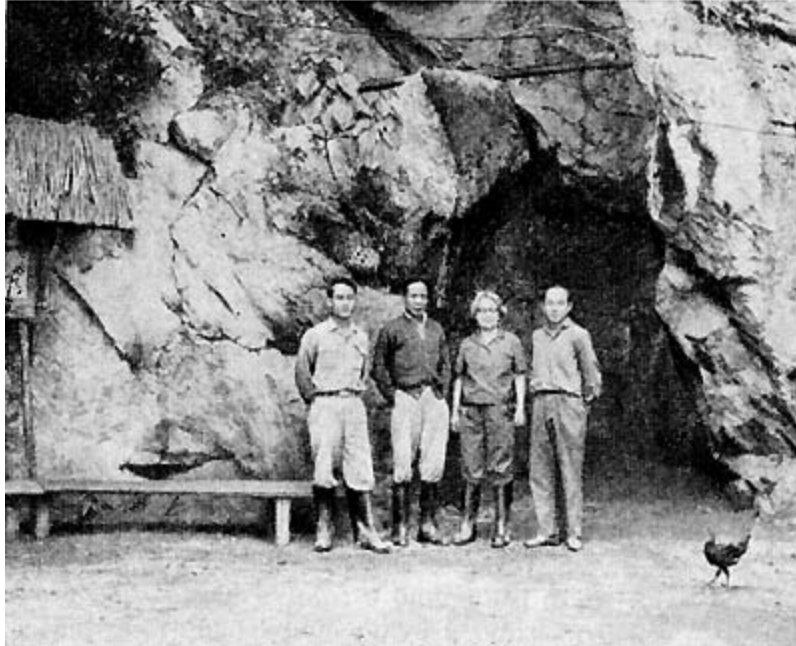
Бамбук шумит снова

Итак, я снова в освобожденных зонах. На сей раз мы въехали на территорию Лаоса еще до наступления сумерек. При свете заходящего солнца я могу рассмотреть свой эскорт, который будет сопровождать «гостью из страны Полой» в течение нескольких недель. У всех бойцов плоские фуражки и высокие сапоги. Есть даже фоторепортер, навьюченный всевозможной аппаратурой. Рядом с ним сидит мой переводчик Самбат. Бойцы довольно молоды. Некоторым не больше двадцати, но это уже обстрелянные парни, закаленные в огне недавних боев, хорошо знающие джунгли и горы.

Не так давно было довольно сложно найти в освобожденных зонах переводчика, хорошо знающего французский или английский язык. Но еще в прошлый раз лаосские друзья сказали мне, что положение улучшается: из Франции прибыло много выпускников институтов и техникумов. Я сразу поняла, что Самбат будет отличным переводчиком: он прекрасно знает язык и, кроме того, сразу чувствуется, что он получил хорошее общее образование.

Во время этой поездки по освобожденным зонам я обратила внимание, что в рядах Патриотического фронта Лаоса стало гораздо больше молодых образованных людей, чем раньше.

...На этот раз я приехала вместе с товарищем из Ханоя. Для Туонга здесь все ново — он в Лаосе впервые. А я чувствую себя почти старожилом. В наступившей темноте я уже могу различить дорогу к «гроту дружбы».

Члены ЦК Патриотического фронта Лаоса вместе с автором у входа в «грот дружбы», где находится гостиница для приезжающих друзей Лаоса

Раньше к нему вели ступеньки, кое-как сделанные из жердей, глины и веток. Теперь они хорошо забетонированы и ходить по ним уже не опасно.

У входа в пещерную «гостиницу» нас встречают товарищи из ЦК Патриотического фронта Лаоса, с которыми я познакомилась во время прошлой поездки. «Гостиница» теперь расширена, углублена и обставлена лучше, чем раньше. Есть даже телефон. Бензоловую лампу, некогда висевшую в скальной нише и загороженную циновкой, убрали. Ее заменила новая, хорошая лампа, а чтобы свет от нее не проникал наружу, у входа построена бетонная стенка.

На склоне огромной горы, внутри которой скрыт «грот дружбы», белой краской выведены надписи:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!»

«SOYEZ BIENVENUS!»

«ДОЛОЙ АМЕРИКАНСКИХ АГРЕССОРОВ!»

«A BAS LES AGRESSEURS AMERICAINS!»

Пусть читателей не удивляет, что надписи сделаны только на французском и русском языках. Французский здесь многие знают еще со времен колониального владычества Франции, к тому же некоторые лаосские юноши и девушки, участвующие в освободительной борьбе, учились во французских учебных заведениях. Английский язык — это язык врагов, американцев. Польского, венгерского и других языков социалистических стран тут почти не знают, китайский не привился, да и довольно труден. Русский же язык очень популярен благодаря советской помощи в подготовке кадров лаосской интеллигенции и многому другому.

...Пейзаж как будто не изменился — та же лохматая, путаная, буйная растительность на склонах гор. По-прежнему с земли поднимаются густые испарения. В лучах восходящего солнца багровеют дороги. По ним тянутся грузовики — тяжелые, отработавшие свое, нескладные. Прикрывающий груз брезент весь заляпан грязью и жидкой глиной. Это не удивительно: дороги сильно раскисли после обильных дождей. По рисовым полям бродят круторогие буйволы, на шеях у них тихо постукивают деревянные колотушки.

Однако долина эта все же выглядит несколько иначе, чем прежде. Делюсь своими мыслями с товарищем Кхамма, членом ЦК Патриотического фронта Лаоса.

— Да, вы правы, — говорит он. — Эта территория была внезапно атакована множеством «хья бинь Америка»... Бомбы оголили значительные площади. Осколки скосили даже часть деревьев. Поэтому растительность теперь гораздо ниже и реже, чем тогда... Но когда вы приедете в следующий раз, все тут снова покроется буйной

зеленю. Вы же знаете — природа у нас очень упорная и благодатная. Нашим врагам не одолеть ее!

...Высокая трава слегка побелела от утренней росы. Скользкие камни. Расщепленные бомбами деревья. Едва различимые в тумане буйволы бродят по болоту, искоса поглядывая на проходящих людей. А джунгли вокруг шумят множеством разных голосов: оживленно перекликаются какие-то птицы, попискивают невидимые зверьки, громко квакают лягушки, звенят цикады... Любитель путешествий и приключений может воскликнуть: «Ах, какая экзотика!»

Но для меня этого слова здесь не существует. Идет война, какая уж тут может быть экзотика! То и дело от головы колонны к нам приходит приказ: остановиться, переждать! Солдаты нашей охраны проверяют тропу: в густой траве или в кустах могут таиться «мины-листья». Совсем недавно тут летали вражеские машины сбрасывающие эти американские «подарки».

Тропинка круто поднимается вверх, зигзагами огибая скалу. Крепко сбитые солидные двери из неведомой мне древесины, за которыми открывается вход в глубь пещеры, сплошь усеяны следами осколков. Это результат бомбежек. Фугаски и осколочные бомбы попадают даже сюда, в скальный лабиринт. На изрезанных трещинами высоких скалах видны шрамы — следы бомб и ракет. «Лысины» среди зарослей, выжженные участки леса свидетельствуют о губительном действии напалма и фосфора.

— Нас теперь атакуют еще чаще, чем прежде, — говорят врачи подземного госпиталя после обмена приветствиями. — Бывали дни, когда с утра и до позднего вечера продолжались бомбежки. Используемое американцами оружие стало более «усовершенствованным», более варварским.

Доктор Чангсамон коротко рассказывает историю госпиталя. В свое время это была больница гражданской службы здравоохранения в городе Самнеа, но резкое усиление военных действий в Лаосе вынудило Патриотический фронт срочно эвакуировать больницу и превратить ее в госпиталь. Однако здесь лечатся и многие невоенные. С 1964 года эта больница-госпиталь несколько раз вынуждена была менять район размещения. Впервые она подверглась бомбежке в 1965 году.

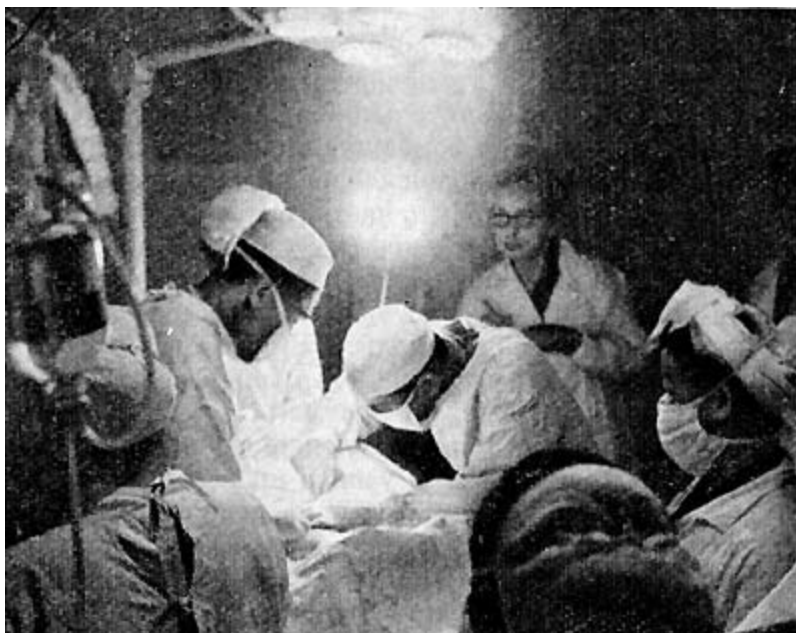
— Мы находились тогда совсем в другом месте, — говорит Чангсамон. — И во время того первого налета потеряли много людей и оборудования: мы тогда еще не приспособились к войне. Погибло тридцать семь человек больных и персонала, в том числе два фельдшера. Эта первая бомбежка была самой тяжелой для всех нас — она подействовала на людей угнетающе. Но вместе с тем мы обрели немалый опыт, умноженный позже, в других условиях... Мы научились охранять свою больницу, свой персонал и больных. Сейчас наш госпиталь находится вдалеке от транспортных артерий. Здесь мы чувствуем себя в значительно большей безопасности. Не можем мы забыть и бомбежку в июле шестьдесят девятого года, которая продолжалась двое с половиной суток. А надо вам сказать, что часть госпиталя все еще находилась вне гротов, в укрытых зеленью шалашах... Ущерб был значительный: сгорело много лекарств, перевязочных материалов, часть оборудования и одеяла, столь необходимые для раненых. Зато людских потерь не было совсем. После того налета мы перевели все отделения госпиталя в пещеры и гроты...

Переходя из отделения в отделение, из одной подземной «комнаты» в другую, я успела провести молниеносную «персональную анкету», касающуюся доктора Чангсамона. Ему 35 лет, он родился в крестьянской семье в районе Агтопеу. Покинул деревню в 1962 году и с тех пор там не был. Сначала служил санитаром, потом братом милосердия. Затем был направлен на учебу в Ханой. Учился в медицинском институте. Вернулся в освобожденные зоны Лаоса уже хирургом и сразу был назначен главным врачом центрального военного госпиталя Патет Лао. Он женат. Его жена, тоже работник здравоохранения, сейчас заканчивает повышенные курсы медсестер. У них двухлетний сынок.

Мы обошли все подземелье. Остановливались возле многих коек, на которых лежали раненые и больные. Потом зашли в большую камеру в скале, где размещен склад лекарств. Этикетки на многих европейских языках, даже отпечатанные кириллицей и китайскими иероглифами. География обширна — Москва, Будапешт, София, Варшава, Берлин... Вижу нашу продукцию с маркой «Польфа». По знакомым надписям сразу узнаю фирменный знак ПЗО — государственного оптического завода в Варшаве. Да, не близкий путь

совершил этот микроскоп!.. Вспоминаю свою встречу с коллективом предприятия два года назад и вопросы рабочих, особенно молодых: поступает ли их продукция на фронты Индокитая, нужна ли она там? Спрашиваю об этом доктора Чангсамона.

— Да! — незамедлительно отвечает он. — Очень нужна. У нас было четыре таких микроскопа, но три из них вместе со значительной частью другого имущества погибли во время тяжелой бомбежки в шестьдесят девятом году. А этот единственный, уцелевший, мы бережем как зеницу ока!

Идет операция в подземном госпитале

Сначала все кажется таким же, как и в первый раз. Но при более пристальном рассмотрении я замечаю разницу в повседневной жизни населения этого района. Прежде всего — люди ушли глубже под землю и под скалы. Гроты и пещеры стали более просторными, лучше оборудованными. Стало значительно больше места для жилья и для работы.

Следы от разрывов бомб и ракет оставили шрамы на обитых железом дверях. За ними, в обширной пещере, размещена больница для гражданского населения.

— Вас тоже бомбили? — спрашиваю у главврача.

— Да, и многократно! — на отличном французском языке отвечает молодой врач Помнек. — То, что вы видели на дверях и около входа, — последствия бомбежек шестьдесят девятого года. Нас тогда бомбили три дня подряд...

Когда я шла по отделениям подземной больницы, то мне все время казалось, что на поверхности бушует тропический ливень. Но когда я выбралась из грота, то увидела, что на безоблачном небе сверкает солнце. Почему же тогда я слышала шум падающей воды? Причем было такое впечатление, что вот-вот начнется наводнение и вода хлынет в подземелье, затопит и уничтожит все, что люди с таким трудом создали здесь, в пещере...

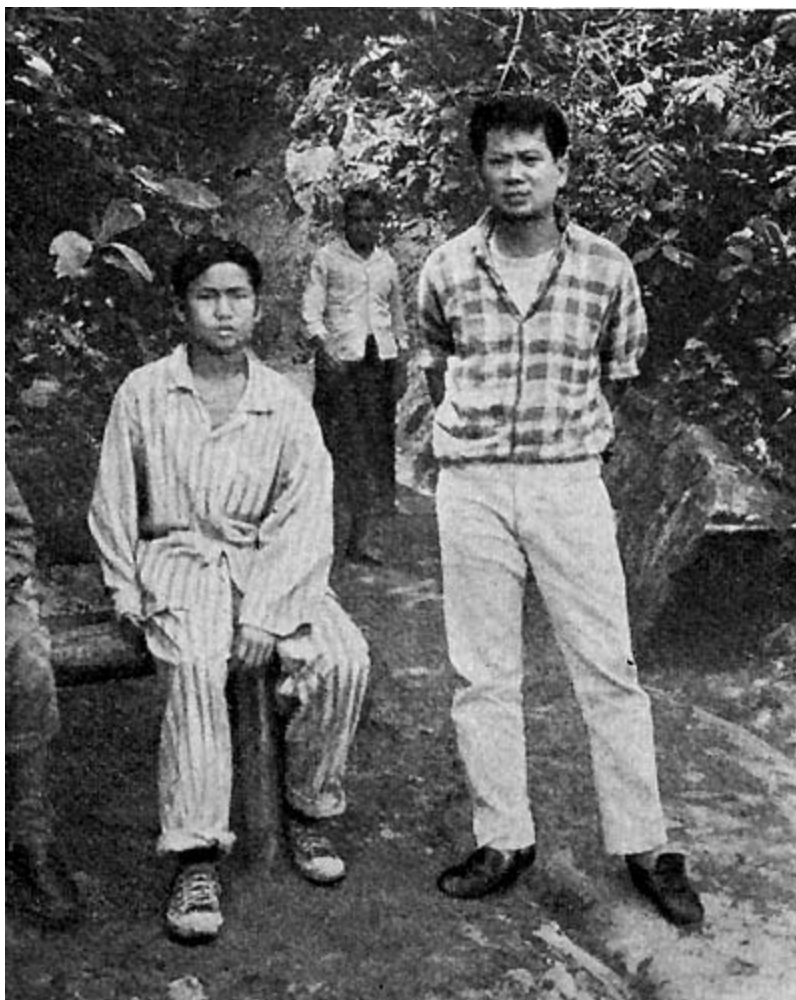
— С этим мы ничего не можем поделать, — отвечают на мой вопрос врачи. — Скалы здесь пористы, как губка, внутри них постоянно течет вода. Никто у нас не знает, почему некоторые гроты сухие, а в других полно воды. Мы вычерпываем ее чем только можно: бочками, мисками, консервными банками, отводим примитивными канавами и стоками... В чем причина? Войдя внутрь гротов и пещер, человек нарушил естественное равновесие между скальным камнем и подземными водами. Поэтому нам теперь приходится бороться с вездусущей сыростью. Налет плесени быстро покрывает и губит лекарства, инструментарий, мешки с продовольствием. Приходится все время следить за состоянием риса: просеивать, сушить.

Инструменты и лекарства мы вынуждены защищать всеми доступными способами...

— Какой же выход? — спрашиваю я.

— Строим и оборудуем новую больницу, — отвечает доктор Помнек. — Там легче будет справиться с влажностью: устанавливаем мощную помпу. Кстати, такие помпы нам поставляют социалистические страны.

Заходим и тут на склад медикаментов. Вижу этикетки с надписями: Москва и Свердловск, Иена и Будапешт, Варшава и Прага. Эта больница — одна из нескольких, действующих в освобожденных зонах и подчиненная органам Патет Лао, — рассчитана на 100 больных, но может принять и больше. Персонал довольно многочисленный: двадцать пять человек, в том числе пятеро врачей, получивших образование за границей. Мой собеседник, например, закончил медицинский факультет во Франции. При этом не надо забывать, что каждый сотрудник больницы независимо от своей основной работы выполняет и другие задания. Каждая больница — это не только лечебное учреждение, но и центр распространения санитарных и гигиенических знаний в данной местности. А так как обычно район большой, то приходится колесить по нему когда на велосипеде, когда на попутной машине, но чаще всего пешком, под непрерывной угрозой летающей в небе смерти...

*Врач Помнек рядом с молодым крестьянином, из тела которого он извлек несколько
«летающих звезд»*

Осточертевшая сырость гнетет, мучает и душит. Порой мне кажется, что я больше уже никогда не увижу солнца. А что же тогда говорить людям, которые в этих архитрудных условиях, в глубине подземелий и горных пещер, живут *годами*?!

Доктор Помнек с гордостью показывает мне свое хозяйство: помещения для больных, операционный зал, перевязочную, лабораторию, склад медикаментов. Все это расположено на разных «этажах» разветвленного подземелья (пожалуй, даже подскалья!). В подземной канцелярии больницы над столом главврача висит план этого лабиринта.

— От холеры и оспы мы спасаемся благодаря профилактическим прививкам, которые применяем во все больших масштабах, — рассказывает доктор Помнек. — Однако мы не всегда уверены в успехе. Новая волна эпидемии может нахлынуть из соседних районов, контролируемых американцами: там прививок не проводят. Опасен и Таиланд, где врачебная помощь поставлена очень плохо. У многих наших больных — зоб. Причина этого заболевания — недостаток соли и йода. Детские болезни тоже одна из важных проблем нашего здравоохранения.

...Мы сидим в «директорском кабинете» доктора Помнена за чашкой чая. Нашему разговору сопутствует неутрахающий шум воды, которая точит скалы. От проникновения воды сюда, как и в остальные помещения больницы, нас защищает «крыша» из гофрированного железа, прикрепленная к каменному своду. Доктор Помнек — толстощекий, в клетчатой рубашке — выглядит гораздо моложе своих 33 лет. Он бегло говорит по-французски — не хуже, чем Самбат. Интересуется: когда я в последний раз видела Париж? Называет знакомые уголки города на Сене. Он провел там несколько лет, учился в мединституте.

А что может рассказать о себе кадровый работник Кхамфет, крестьянский сын из провинции Луангпрабанг? Отрицательное движение головы: ничего особенного.

— Родился я в бедной крестьянской семье. Отца потерял, когда мне было всего четыре года. Нас, детей, было пятеро. Женился рано, но до этого несколько лет работал в семье будущей жены. Такой был обычай (он известен и во Вьетнаме, где его называют эдзе, то есть «создавать зятя» — записываю я на полях блокнота)... С пятидесятого года участвую в освободительном движении. А моя жена уже в пятьдесят третьем году стала активисткой Союза женщин Лаоса. Еще при колонизаторах она научилась немного читать и писать, сейчас закончила программу пятого класса начальной школы и продолжает учиться дальше... Долгие годы я служил в армии, теперь принимаю активное участие в пропагандистской работе Патриотического фронта... Это все. Как видите, ничего особенного, необычного.

Я не сдаюсь и продолжаю расспрашивать: были ли сильные переживания, трагические эпизоды или события? Некоторое время Кхамфет молчит, наконец, подавив вздох, говорит неторопливо:

— В пятьдесят восьмом — пятьдесят девятом годах меня арестовывали трижды. «Свои». Но потом эти «свои» оказались такими же, как и наши враги, даже похуже... Нелегко было вырваться из лап «специальных сил» вьетнянской армии, особенно если подозревали, что человек участвовал в освободительной борьбе. В третий раз было совсем плохо. Меня арестовали в Фонгсали и держали в местной тюрьме. Мне и моим товарищам грозил расстрел. Дня через три-четыре предстояла казнь. Мы узнали об этом из подслушанных разговоров охраны. Вы спрашиваете: был ли суд?.. Ни о каком суде и речи не могло быть! Мы подумали и решили, как говорится, поставить все на одну карту: попытаться бежать. Да, мы знали, что идем на смертельный риск, но другого выхода у нас не было. Мы рассчитывали на то, что нас пятеро, а охранников будет лишь двое.

— Можно поподробнее?

— Хорошо... Часов около семи вечера охранники принесли нам еду. Открыли дверь нашей камеры, а винтовки поставили у стены, по ту сторону. Мы бросились на них, завязалась жестокая схватка... Охранники погибли, но до этого успели убить двух наших товарищей. Мы втроем вырвались на свободу! Один был ранен, но потом выздоровел... Вы говорите: рискованный шаг? Да, конечно. Но это был единственный шанс. Вот я теперь живу, работаю, сражаюсь, но ведь с таким же успехом я мог погибнуть в Фонгсали в тот памятный вечер или несколько позднее — во время казни, не так ли?

Молодой врач смущенно улыбается, когда я спрашиваю его о трудных моментах жизни. Несмело говорит:

— Я... видите ли... у меня таких моментов в жизни не было. Да, понимаете ли, не довелось... Я провел спокойное, обеспеченное детство в доме сравнительно богатых родителей, во Вьетьяне. Потом учился в лицее имени Жан-Жака Руссо в Сайгоне. Вот вы рассказывали нам о студенческих забастовках, то и дело возникающих в этом городе, да? А я вот помню иные события, иные выступления — против режима Нго Динь Дьема. Помню и массовые демонстрации возле президентского дворца, горящие автомобили, стрельбу на улицах... Режим в нашем лицее тогда отличался особой строгостью, и я боялся, что меня могут исключить из школы. Но любопытство взяло верх над страхом: я выбрался на улицу и мне довелось увидеть многое...

— А потом, что было потом?

— Учился во Франции и постепенно пришел к решению, что единственно возможный путь — путь патриотической борьбы. Я стал участником Комитета студенческой помощи и солидарности с Лаосом. Потом вошел в руководящее ядро этого Комитета... Наше положение было довольно трудным: ведь мы были направлены на учебу за границу в качестве стипендиатов вьетнянского правительства. Мы не раз выступали против посольства этого правительства, отражавшего реакционные позиции Вьетьяна.

— И долго вы были там?

— Тринадцать лет, считая и Сайгон... Это очень много. А созревание шло медленно: во Франции достаточно соблазнов и искушений... Нет, меня ни разу не арестовывали. Не грозила мне и смерть от вражеских пуль, как товарищу Кхамфету. Но зато был очень трудный момент — окончательный выбор и решение: на чью сторону я обязан встать... Многие из нас, молодых, расскажут вам то же самое. Да, я не был одинок в своем решении... Конечно, мы могли бы беспрепятственно вернуться во Вьетьян или Луангпрабанг. Могли получить хорошо оплачиваемые должности, жить в достатке, с удобствами, даже с комфортом. Но мы выбрали иной, более трудный путь.

— Расскажите, пожалуйста, о самых нелегких днях.

— Хмм... Это было в конце шестьдесят седьмого года, когда я пробирался на территорию освобожденных зон и шел по глухим тропам в джунглях. Помню, как сначала услышал гул разведывательных самолетов, «наводивших» бомбардировщики на цель. Потом — первая атака с воздуха. Когда поблизости разорвалась первая бомба, я прильнул к земле, придавленный диким страхом, который едва не лишил меня сознания... Вы, наверное, испытывали такое чувство, когда кажется, что следующая минута будет последней в твоей жизни... Но я уцелел. Однако поблизости раздались стоны: там были раненые! Мне пришлось взять себя в руки, подавить страх, чтобы быстрее оказать помощь тем, кого настигли вражеские бомбы. Так вот сразу я приступил к работе.

— А как вы относитесь к своему положению теперь?

— Мы, молодые, во многих случаях считаем себя куда более счастливыми, чем старшее поколение, то есть те люди, которые

родились на десять-двадцать лет раньше нас. На нашу долю приходится значительно меньше длительных разлук с семьями. Например, моя жена работает здесь, вместе со мной. У нас двое детишек, и они тоже с нами.

Вы говорите, объективно мыслящий человек не может не возмущаться, видя, как враг пытается вернуть нас в каменный век? Это верно. Так вот и пишите как можно больше и правдивее, пишите об этом! Поднимайте тревогу в общественном мнении! Ведь это ваш долг, ваша задача. Мое же задание — лечить людей, бороться за их жизнь и здоровье даже в этих невероятно трудных условиях.

По скользким от сырости бетонным ступенькам я вылезаю из подземелья на поверхность. После того полумрака, в котором я провела много часов, яркий свет солнца ослепляет и заставляет зажмуриться. Некоторые ходячие больные тоже поднялись наверх. Не раз бывало так, что и они, и сами врачи по целым дням не видели солнца и неба. Давно известно: чем лучше погода, чем безоблачное небо, тем больше опасность воздушных налетов.

...Все отчетливее слышен зловещий, протяжный гул самолетов. Они где-то поблизости. Кружат, высматривают следы присутствия людей. Белое пятно одежды или полотенца, вывешенного после стирки на ветках кустарника, может создать смертельную опасность, привлечь внимание воздушных пиратов — такое пятно резко выделяется на ярко-зеленом фоне джунглей.

...Перед очередным гротом, где разместился еще один госпиталь, на сбитой из грубых досок скамье сидят выздоравливающие бойцы Патет Лао. Они вполголоса беседуют между собой, подставляя солнцу бледные лица, давно не видевшие дневного света. Какая-то девушка присела на корточки возле плоских камней и осторожно раскладывает на них толстые книги. На пей такая же одежда, какую носят все ее ровесницы: длинная юбка с узором понизу, короткая блуза, сандалии. За спину заброшена длинная черная коса.

Я с любопытством заглядываю через ее плечо и смотрю на книги, разложенные на горячих камнях, для того чтобы просохли отсыревшие страницы. С изумлением вижу, что книги на русском языке. «Руководство по полевой хирургии» и «Лекарственные средства», выпущенные в Москве «Медгизом»!

Имена двух молодых врачей запомнить нелегко — терапевта зовут Монколюилай Тиампон, а ее подругу, педиатра, — Управан Дуан Тиен. Обе они — выпускницы Харьковского медицинского института. Знакомимся. Я расспрашиваю девушек, как они попали в Советский Союз, не трудно ли было учиться, а самое главное, что было потом, когда они вернулись на родину, где шла война.

— В Харькове, Москве и других городах страны Ленина учится много наших соотечественников, — говорит Управан Дуан Тиен. — Впрочем, они есть и у вас, в «стране Полой»... Конечно, овладеть русским языком было очень нелегко, но мы все-таки справились с этим. Разумеется, пришлось изрядно потрудиться, чтобы не отстать от студентов, которые до института учились в нормальных условиях. Климат? А что? Можно привыкнуть. Советские люди относились к нам исключительно сердечно, были доброжелательны, всегда помогали... Они сами прошли через жестокую войну и знают, что это такое.

— Ну, а после возвращения? Освоились, не трудно?

— Видите ли, нас готовили к более тяжелым условиям, чем те, в которых мы живем сейчас. Старшие товарищи, время от времени приезжавшие к нам отсюда, без обиняков говорили нам: «Вас ждет работа в подземных больницах, у нашей службы здравоохранения не хватает очень многого. Вам предстоит не просто лечить больных и заботиться о снабжении больницы — придется брать в руки не только фонендоскоп и термометр, но также лопату и кайло. Нужно будет копать землю, дробить камень, выращивать овощи, а если понадобится, то и стрелять из винтовки»...

— Мы знали, что, возвратившись на родину, сразу попадем на войну, — добавляет Монколюилай, — и были приятно удивлены, когда нас обеих послали на работу в этот уже оборудованный госпиталь.

— А как теперь выглядит Вьентьян? — спрашивает Самбат.

Мой переводчик хорошо помнит Сайгон и Париж. Девушки-врачи неплохо знают Харьков и Москву. Но все они страшно интересуются сообщениями «оттуда» — с той стороны фронта, подробно расспрашивают каждого человека, который видел «королевский» Лаос и Лаос свободный.

Моему переводчику 32 года. Раньше он был офицером, военную подготовку прошел во Франции. Как же он попал в освобожденные зоны? Семья его находится по ту сторону фронта, в городе Луангпрананге. И хотя сообщения оттуда поступают в освобожденные зоны, но случается это очень редко.

Во время поездок в безумно скачущем по дороге газике и в перерыве между очередными беседами, которые Самбат считает стократ более важными, чем мое «копание в его биографии» («Таких, как я, тут очень много, — говорит он. — Зачем же вам тратить на меня время?»), я записываю историю еще одного молодого патриота, который шагает в рядах бойцов лаосской революции.

— Я был учеником начальной школы, жил во Вьентьяне, когда закончилась первая индокитайская освободительная война сорок шестого — пятьдесят четвертого годов. Я ее плохо помню. Разве только то, что под конец войны мой отец, своевременно предупрежденный о том, что ему грозит арест со стороны местных реакционеров, вместе со всей нашей семьей укрылся в соседнем Таиланде. В то время Бангкок вел иную политику, чем теперь, — он еще не продался американцам... В пятьдесят четвертом году, когда наступил финал той войны и поражение колонизаторов под Дьенбьенфу стало очевидным, мы вернулись во Вьентьян. В те дни я впервые увидел на улицах Вьентьяна бойцов Патет Лао. Не было, пожалуй, ни одного юноши, который при виде партизан не рисовал бы в своем воображении героические бои, схватки с врагом и которого бы не захватила романтика борьбы, ее суровость и тяготы. Я и сейчас помню скромность и простоту обращения бойцов Патет Лао, их

неизменное подчеркивание, что они только служат родине, нашей общей матери и что они раз навсегда хотят изгнать врага...

Я хорошо понимаю Самбата: память об этих встречах несомненно должна была оказать сильное влияние на юношу, если он уже тогда решил служить отчизне, так же как его старшие друзья из частей Патет Лао. Принять такое решение легко. Осуществить его значительно труднее. На первый порох Самбат поступает в начальную, потом в среднюю школу во Вьентьяне. Больше всего интересуется физикой и химией. Мечтает о дипломе инженера. В то время французское правительство предоставляло наиболее способным выпускникам вьентьянской гимназии несколько стипендий, дающих им возможность получить высшее образование во Франции. Но Самбат почему-то выбрал не Политехническую школу, а... военное училище! Его направили в знаменитую офицерскую школу в Сен-Сире.

— Вы спрашиваете, почему? Не из любви ли к блестящему мундиру?.. О нет, вовсе не потому! Физика и химия по-прежнему остались моими самыми любимыми предметами. Но дело в том, что у нас в Лаосе продолжалась война. На Индокитайском полуострове обстановка стала еще более напряженной. Место французов заняли американцы. И я понял, что мой путь должен быть таким же, каким шли первые бойцы Патет Лао.

— Трудно вам было там?

— Да. Режим и уставные правила офицерской школы в Сен-Сире очень суровые. Если подозревали, что курсант интересуется политикой, его могли сразу же исключить.

В свободные от занятий дни Самбат ездил в Париж, искал контактов с земляками, разделяющими его взгляды на внутренние проблемы Лаоса. Тайно встречался с лаосскими патриотами. Участвовал в деятельности молодежной организации Студенческий комитет мира и солидарности. Все яснее становится ему необходимость вооруженной борьбы за освобождение родины, за изгнание с ее территории американских интервентов. И он идет дальше по пути, на который его привело сознание патриота. Но теперь он идет не вслепую, а сознательно, твердо убежденный в правоте дела. Одновременно начинает учиться еще более старательно, ревностно. Мечтает отдать все добытые знания на пользу родине — той, за лучшее будущее которой борется Патриотический фронт Лаоса.

— Мне удалось до самого конца учебы избежать каких-либо конфликтов с командованием школы! — довольно улыбается Самбат. — Преподаватели ничего не замечали и хвалили меня. Правда, это требовало кое-какой ловкости и артистизма...

Постоянный контакт с лаосскими патриотами облегчил молодому офицеру возвращение на родину. Но не туда, где его ждали.

— Разумеется, так же как и другие стипендиаты, я должен был вернуться во Вьентьян. Но, как и многие мои сверстники, я выбрал свободу, а не холуйство. Как я вернулся?.. Еще по дороге во Францию — несколько лет тому назад — я около двух недель провел в Сайгоне. Оттуда нас отправили в Париж самолетом. Как видите, путь к знаниям, которые я хотел отдать родине, вел... через оккупированный американцами Сайгон! Это немного парадоксально, не правда ли? Обратный же путь был значительно более длинным, но зато прямым: через Швейцарию в Прагу, оттуда в Москву, затем через Пекин в Ханой, а там и в наши освобожденные зоны. Это все. Как видите, моя биография совершенно заурядная. Так мне по крайней мере кажется.

Да, простая, обычная биография. Одна из многих. Были в жизни отвага, сознательный выбор пути, зрелость принятого решения, понимание возможных последствий. И еще одно: Самбат мог бы остаться во Франции и сделать блестящую карьеру офицера. Нелегко человеку сменить Париж на Вьентьян, но еще труднее выбрать жизнь в джунглях, под постоянной угрозой смерти, прилетающей на машинах ВВС США.

Самбат поглядывает на часы и деликатно напоминает мне, что время идет, а нас ждут в соседнем гроте бонзы-патриоты. Там собрались представители той значительной части буддийского духовенства, которая тесно сотрудничает с освободительными силами Лаоса.

Я приветствую монахов поклоном, мои руки сложены на груди. Лица бонз — загорелые, суховатые — имеют оттенок меди. Свет от висящей под сводом электрической лампы отражается на их чисто выбритых головах. Все трое одеты в хитоны одинакового покроя, отличающиеся лишь оттенками желтого цвета. Первый слева бонза завернулся в золотистый хитон. У сидящего посередине — оранжевый. На третьем — светло-коричневый. «Золотистый» бонза — из района Чампассак, зовут его Ки Кео. «Оранжевый» — из Кхамкхоуна, зовут его Ноуанто. «Светло-коричневый», по имени Ванди, провел свои детские годы в предместьях Вьентьяна. Все трое родом из бедных крестьянских семей. Двое закончили девятый класс. Третий пока одолевает восьмой.

— Наше духовенство участвует в освободительном Движении с давних пор, — говорит бонза в золотистой одежде. — Мы не прекратим борьбы до тех пор, пока с нашей земли не уйдет враг.

— Но ведь буддийская религия не разрешает вам участвовать в вооруженной борьбе! — возражаю я. — Как же в таком случае выглядит помощь буддийского Духовенства Патриотическому фронту Лаоса?

Бонзы отвечают спокойно, по очереди:

— Мы сотрудничаем с радиостанцией и прессой Патет Лао. Помогаем разоблачать преступления США.

— Мы принимаем участие в деятельности пропагандистских групп Патриотического фронта, распространяем и разъясняем директивы и указания руководства Фронта. Призываем людей работать на полях, учиться. Мы пользуемся большим авторитетом у населения. Часто бывает так, что нам — в некоторых местах и при определенных обстоятельствах — значительно легче действовать, чем кадровым работникам Фронта.

— Многие из нас обладают достаточными знаниями, чтобы ухаживать за ранеными и лечить некоторые болезни. Мы оказываем услуги Фронту и в качестве фельдшеров.

Они говорят правду: бонзы помогают готовить низовые звенья пропагандистов и сами участвуют в агитационной работе ПФЛ. Я неоднократно убеждалась в том, что в общинах, где бонзы находятся длительное время, исправнее и быстрее идет кампания по ликвидации неграмотности.

— А разве такого рода деятельность не противоречит принципам и положениям буддизма? — задаю я очередной вопрос.

Бонза Ноуанто, самый пожилой из этой тройки, пронизательно смотрит на меня. Его продолговатое, аскетическое лицо кажется выкованным из бронзы. Помедлив, он говорит:

— Мы не пользуемся оружием, но мы участвуем в борьбе за справедливость, а это оправдано всеми положениями нашей религии. Будда осуждает насилие и обиды, причиняемые человеку человеком. Наше участие в войне против американских захватчиков и

насильников — это борьба с бесправием и убийством. Будда не запрещал, а, наоборот, повелевал бороться со злом! Подтверждение этой истины можно найти в наших священных книгах...

— Но ведь вы подвергаетесь такой же смертельной опасности, как и весь лаосский народ, верно? — говорю я. — Насколько мне известно, враг не щадит ни ваших пагод, ни предметов культа, ни вас самих...

— Верно, — спокойно и сурово отвечает бонза в оранжевом хитоне. — Еще более десяти лет назад, в шестидесятом году, в столице арестовали нескольких монахов-патриотов и часть из них подвергли чудовищным пыткам электрическим током... Но чем больше усиливается эта бесчеловечная война, тем больше монахов и бонз падает ее жертвами, тем больше пагод и святилищ превращается в груды развалин...

Бонзы сообщают мне сенсационные сведения о гнусных провокациях со стороны американцев и вьетьянского режима. Оказывается, в некоторых местах диверсанты из «специальных сил» тайком разрушают пагоды и уничтожают предметы культа, а затем истошно вопят о «чудовищных святотатствах», сваливая вину на... Патриотический фронт Лаоса!

— Послушайте, мадам, что я скажу вам, европейке из дружественной страны... Вы, конечно, знаете, что враги обвиняют наш Фронт во враждебном отношении к религии вообще. Но подлинные факты неопровержимо свидетельствуют об обратном: Фронт проявляет к духовенству полное уважение и ничем не препятствует отправлению религиозных обрядов! Не Фронт, а заокеанские разбойники и их вьетьянские приспешники бомбят пагоды, уничтожают святилища, изваяния Будды и наши священные книги! — с гневом добавляет бонза в золотистом хитоне. — Они убивают и отравляют бонз!..

— Отравляют?! — невольно восклицаю я.

Бонза с аскетическим лицом молча кивает головой. Потом медленно, едва сдерживаясь, говорит:

— Да, именно отравляют!.. Бывали случаи, когда враг отравлял пищу, которую мы получаем от населения. Такие гнусные дела вершатся агентами врага, переодетыми в монашеские халаты...

Воцаряется тишина. Слышатся только монотонные звуки падающей где-то воды. Бонза в коричневом хитоне прерывает молчание:

— Мы по мере сил противодействуем кампании лжи и клеветы, проводимой врагом, желающим вбить клип и создать пропасть между Патриотическим фронтом и населением. И люди нам верят. Мы пользуемся их уважением. Это уважение они переносят и на Фронт, поскольку мы выступаем от его имени. Теперь вам ясно, почему так важен сам факт нашего участия в деятельности пропагандистских групп Фронта?

Бонза в оранжевом хитоне поддерживает своего коллегу и сам вступает в беседу. Отдельные слова он подчеркивает энергичными жестами руки:

— В общине Мунлонг уезда Сиенгку долго таился шпион с рацией. Дело это тянулось еще с шестьдесят седьмого года, и лишь в прошлом году его удалось захватить с поличным. Как это случилось? Местные жители обнаружили его в тот момент, когда он передавал сообщение своим хозяевам, и рассказали об этом бонзе. Тот незамедлительно дал знать о враге соответствующим властям. Шпион был захвачен накануне того дня, когда было назначено проведение акта саботажа, который он подготовил очень старательно, так как чувствовал себя в полной безопасности...

Итак, резюмируем: бомбы и пули угрожают всем буддийским бонзам и монахам, сотрудничающим с ПФЛ на территории освобожденных зон. Подкупы, угрозы и даже убийства из-за угла — все это направлено против буддийских служителей культа в оккупированных районах страны, против тех, кто сочувствует и помогает освободительному движению.

Мой «оранжевый» собеседник продолжает:

— Враг пытается сделать из буддийской религии оружие своего воздействия на массы. Он силится самыми подлыми способами дискредитировать доверие и уважение, которые население питает к бонзам. Монахи, придерживающиеся проамериканских взглядов, — увы, есть и такие! — направляются врагом на специальные подготовительные курсы в Таиланд, где их учат ненависти к собственному народу и методам борьбы с ним...

— Но и это не все! — добавляет бонза с аскетическим лицом. — Американцы и их лаосские союзники всеми способами стремятся растлить монахов, отдалить их от нашей религии и ее строгих правил, чтобы таким образом сделать зависимыми от захватчиков!

Я попросила моего собеседника рассказать мне об этом подробнее.

— Видите ли, по закону буддизма наши монахи могут иметь собственность только в виде продуктов, которые они получают от населения в форме подаяния, а кроме того, три хитона, крышу над головой и самые необходимые лекарства. В освобожденных зонах бонзы-патриоты, как и весь народ, живут в суровых условиях. А на той стороне фронта некоторые бонзы поддаются соблазну. Так, бонза из пагоды Ват Чан на полученные от американцев доллары купил себе легковую автомашину и даже нанял шофера. Дополнительным источником дохода стали для него прибыльные курсы машинописи...

Вы спрашиваете: много ли таких отщепенцев? Трудно сказать... Одно можно смело утверждать: подавляющее большинство духовенства придерживается патриотических взглядов, сотрудничает с Фронтом или симпатизирует ему.

— *Сахай* Моника!

Голос как будто знакомый... Внимательно всматриваюсь в лицо человека, который приветствует меня у входа в грот: да, где-то я его видела, но где? Ага, это директор центральной типографии ПФЛ, старый знакомый! Я посетила типографию еще тогда, когда писала, что Лаос — это «неведомый фронт».

Директор сердечно здоровается со мной, радуется новой встрече и с нескрываемой гордостью показывает мне свое хозяйство. Теперь оно стало больше и помещается совсем в другом районе, в других гротах. И сами машины и бумага здесь куда лучше защищены от сырости. Большие электролампы дают равномерный сильный свет. За перегородкой гудит современный мощный агрегат, доставленный из Советского Союза. Почти все типографские машины — новенькие, из ГДР.

Среди нескольких десятков рабочих преобладает молодежь. Одна треть коллектива — женщины. Тоненькими, ловкими пальцами они достают шрифт из наборных касс. Выпускающий кладет передо мной клише иллюстраций. На металле я вижу знакомое изображение — Ленин!

Я вспоминаю: давно, еще в освобожденных зонах Южного Вьетнама, работники типографии НФОЮВ подарили мне только что отпечатанную, пахнущую краской, маленькую книжечку «Ленин видай» — «Великий Ленин». Она была выпущена к 95-летию со дня рождения Владимира Ильича. Вот и здесь, на территории свободного, сражающегося Лаоса, охваченного огнем жестокой войны, тоже печатаются ленинские произведения! Кстати, хочу отметить волнующий факт: к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина ПФЛ выпустил четыре книги — биографию Ильича, перевод на лаосский язык работы Хо Ши Мина «Ленин и освободительное движение угнетенных народов», труд В. И. Ленина «Государство и революция», а также работу члена ЦК ПФЛ Сисаны Сисана «Ленин — великий наставник мировой революции».

Книги разного формата. Мне говорят, что наиболее удобны небольшие книжки: их легче спрятать и переправить на территорию, контролируемую врагом.

Несколько минут ожидания возле нижних ступенек, вырубленных в скальном монолите. Подъезжает газик, замаскированный зелеными ветками и сеткой из пятнистого нейлона. Шофер, никакого эскорта и... знакомое лицо принца Суфанувонга! Дружеская улыбка, крепкое рукопожатие, отличный французский:

— Когда же мы виделись с вамп последний раз? Кажется, года два назад, правда?

Молча киваю головой. Не впервые я удивляюсь феноменальной памяти руководителя ПФЛ. А ведь сейчас, начиная с 1970 года, визиты иностранных корреспондентов в освобожденные зоны Лаоса стали куда более частыми, чем раньше. И все-таки, несмотря на всю свою занятость, принц отлично помнит каждого гостя Фронта.

В скальном «кабинете» на каменной стене укреплено знамя Патриотического фронта Лаоса: две красные горизонтальные полосы, в центре более широкая темно-голубая полоса, а на ней — белый круг. Молоденькая лаоска хлопочет возле плиты, укрытой в глубине грота. При виде нас она смущенно улыбается, прикладывает руки к груди и, кланяясь, произносит:

— *Сахай садет!* Товарищ принц!

«Садет» пожимает девушке руку, как и всем солдатам нашей охраны. Никаких придворных церемоний, никакого дипломатического протокола. Но видно, что люди, которые встречают принца Суфанувонга, глубоко его уважают и искренне ему преданы.

Принц одет в кожаную куртку, под нею — простая темно-голубая блуза, застегнутая у самого горла. На голове обычная солдатская фуражка бойца Патет Лао. Мне кажется, что принц выглядит моложе, чем два года назад, хотя в волосах прибавилось серебряных прядей, а лицо стало более суровым и жестким, чем раньше. Я откровенно говорю ему об этом. Принц улыбается и отвечает:

— Что ж, человек привыкает к трудностям...

Более 11 лет прошло с того дня, как пещеры, джунгли и гроты стали домом для принца Суфанувонга и других руководителей ПФЛ после их бегства от смерти. Борьба продолжается...

Слегка шипит бензоловая лампа, дающая резкий свет. Беседа идет за чашкой зеленого чая, хотя принц предпочитает лаосское пиво. Я тщательно записываю все подробности: мне хочется как можно точнее передать обстановку и атмосферу этой необычной встречи в глубине скального массива. Я нахожусь под впечатлением большой политической мудрости «красного принца», его пронизательности в оценках международного положения.

— ...Американское вторжение и бомбардировки освобожденных зон означают резкое усиление интервенции США, — говорит принц Суфанувонг. — Семидесятый год принес страшный «рекорд» — в среднем тысяча налетов авиации США каждый месяц! Должен заметить, что теперь в этих разбойничьих рейдах принимают участие целые эскадры тяжелых Б-52. Каждый квадратный метр наших полей буквально нашпигован осколками бомб и ракет, пулями и минами. Американцам нетрудно это сделать: они расширили старые и создали новые базы ВВС в соседнем Таиланде, сразу же за линией нашей границы. И продолжают строить такие базы. Поэтому наша борьба усиливается с каждым днем...

— А люди жаждут мира? — говорю я.

— Мира? Конечно! Но это должен быть справедливый мир. Мы не хотим и не можем принять мира на условиях, навязываемых врагом. Позиция Фронта в этом вопросе совершенно ясна и точно изложена в программе ПФЛ. Наша цель — мирный, независимый, нейтральный, демократический, объединенный Лаос. И никакой иной! Поэтому мы не прекращаем борьбы. В семидесятом году у нас было много побед и достижений на всех фронтах...

Принц обрывает фразу, ждет, пока я запишу его слова. Задумчиво поглядывает на меня, на знамя Патриотического фронта, вспоминает что-то и, мягко улыбаясь, вдруг произносит:

— В этой своей борьбе мы должны быть вместе с народом. Понимаете? Не снисходить до него, а идти плечом к плечу с ним, разделяя все его радости и заботы, его чаяния и труд, его горе и ту опасность, в которой он живет каждый час!

Минутная пауза. И вопрос, который мне тут задавали десятки раз:

— Ну, а что слышно во Вьентьяне?

Я подробно рассказываю о своих впечатлениях от пребывания в столице «королевского» Лаоса. Потом, не в силах удержаться,

спрашиваю: как руководитель ПФЛ переносит труднейшие фронтовые условия долголетней жизни в джунглях и пещерах, в постоянной смертельной опасности?

— Привык... — с легкой усмешкой отвечает принц. — В общем здоров, не жалуясь. Ежедневно занимаюсь гимнастикой. Вот только спать приходится мало: в общем не более трех-пяти часов в сутки. Очень много работы, которую просто нельзя отложить или взвалить на кого-либо...

И снова наш разговор возвращается к многочисленным задачам, которые стоят перед Фронтом. К тяжелейшей обстановке, созданной вторжением войск противника.

— Хотел бы сначала подчеркнуть, что в целом все это означает следующее: на бомбежки и разрушения мы отвечаем врагу созидательной деятельностью!.. Мы расширяем службу здравоохранения, строим школы, кладем начало развитию нашей промышленности. Конечно, мы еще не смогли полностью ликвидировать горькое наследие колониализма: вы ведь знаете, в стране было девяносто процентов неграмотных. Но с этим бедствием мы повели решительную борьбу и уже добились немалых успехов, причем сейчас основной упор делаем на подготовку учительских кадров. Впрочем, наш народ способный, талантливый, впечатлительный. Нужно только создать ему условия для дальнейшего развития уже сейчас, несмотря на войну. Патриотический фронт стремится к тому, чтобы книги, газеты, радио проникали даже туда, где нет никаких дорог...

Принц расспрашивает меня о Польше, о моих земляках. Вспоминает праздник 22 июля, который он провел в резиденции польской стороны в Международной комиссии по наблюдению и контролю во Вьентьяне. Потом неожиданно спрашивает:

— А вы знаете, что я бывал в вашей стране? Два раза! Да, да, только это было в тридцать третьем и тридцать седьмом годах. Разумеется, неофициально, как турист. В то время я учился во Франции и, возвращаясь на каникулы в Индокитай, останавливался в Варшаве. Представляю себе, как там все изменилось!

Я рассказываю принцу о нашей столице, показываю фотографии. На прощание «красный принц» дарит мне снимок с автографом: принц

снят вместе с женой, которая вот уже более десяти лет делит с ним все тяготы и опасности лесной жизни. При расставании принц говорит:

— Рад, что вы по-прежнему интересуетесь нашей страной и нашей борьбой. Нам очень нужны объективные свидетельства испытанных и верных друзей. Ждем вашего следующего визита!

Душный, густой запах сырости и гниющей зелени волной ударяет в лицо, едва я выбираюсь на поверхность. После обязательного полуденного отдыха покидаем грот. Я радуюсь, когда сообщают приказ о выезде. Признаюсь: не люблю такой «сиесты», когда надо залезать в глубину подземелья или, наоборот, карабкаться по качающимся лестницам на верхние «этажи» пещер. Этот отдых в каменных мешках всегда кажется мне похожим на вечный сон в могиле. А между тем я абсолютно не права: в пещерах, гротах и подземельях кипит жизнь, под каменными сводами нередко звучат смех или песня. Вчера, например, мы смотрели фильм. Экран был сделан из простынь, укрепленных на гранитной стене пещеры...

По реке плывут небольшие плоты из тонких зеленых стволов бамбука. Сидящие на них девушки с любопытством присматриваются к нашей группе. На берегу, среди зарослей, торчат длинные, тщательно замаскированные стволы зениток, устремленных в небо. Зенитчики начеку.

Бамбуковая роца. Хижина без стен, скрытая в зарослях, хорошо замаскированная крыша. Внутри, на столе, желтые и розовые бумажные цветы. Зеленые хлопчатобумажные куртки и брюки солдат. Загорелое, улыбающееся лицо Фенг Кхуана, политического комиссара зенитно-артиллерийской части. Под аккомпанемент воркования диких голубей Фенг Кхуан рассказывает мне о своем хозяйстве:

Бойцы Патет Лао разгружают ящики с патронами, только что поступившими от друзей

— Наша часть была сформирована в октябре шестьдесят пятого года. В нее входят четыре роты, образующие батальон. Солдаты — представители различных этнических групп и племен — все без исключения выходцы из бедняцких семей. Самому старшему — тридцать пять лет, самому младшему — шестнадцать. Все умеют читать и писать, а некоторые окончили семилетку. С начала своего существования наша часть провела сто двадцать три боя с врагом и сбила сто девять самолетов...

— Сколько?! — не веря своим ушам, спрашиваю я. (А нора бы и привыкнуть: за время моих индокитайских «путешествий» я сто раз убеждалась в правдивости, казалось бы, самых невероятных сообщений и фактов!)

— Сто девять! — повторяет политкомиссар. — И все это были современные машины: Ф-105, Ф-4Н, Ф-104А, Ф-104С, Ф-101Д, Б-55, П-2У. Последний самолет — самой новейшей конструкции, предназначенный специально для ночных полетов... Да, еще один вертолет! Большой.

«Еще один!» — торжествующе кричит боец Патет Лао, стоящий у сбитого американского вертолета

Разумеется, каждый бой мы координировали с действиями пехоты или партизанских отрядов.

После беседы отправляемся на позиции. Долго идем по скользким от дождя тропинкам. Мои лаосские товарищи с тревогой поглядывают на небо: с утра в нем не смолкает зловещий гул. Среди кустов с трудом различаю провода полевых телефонов. Замечаю, как что-то блеснуло в траве. Наклоняюсь, чтобы поднять большой кусок металла. Но Самбат проворнее меня: хватается за руку, останавливает:

— Лучше не трогать! — сурово говорит он. — «Хья бинь Америка» часто сбрасывают разную пакость, с виду совсем невинную. В том числе мины-сюрпризы или передатчики, наводящие самолеты на определенную цель...

Добираемся до места. Глубокие котлованы, из которых торчат стволы орудий. Запах костра, прикрытого маскирующим навесом, чтобы дым не был замечен сверху. Солдаты только что закончили обед. Дежурный сержант командует сбор. Бойцы ловко и быстро становятся в строй. Громко приветствуют гостей. Им известно, что я уже в третий раз посещаю Лаос, что была на других фронтах Индокитая, что я из

страны «Полой» — из страны, которая тоже испытала страшную войну.

Эта зенитная часть имеет уже свою историю и свои традиции. Двенадцать ее бойцов награждены медалью «Итсала» — «Медалью Свободы», одиннадцать — другими знаками отличия, 86 бойцов могут похвалиться почетными грамотами Главного командования и ЦК ПФЛ. Большинство солдат участвует в популярной среди лаосских сил Освобождения кампании трех «хорошо». Это означает: отважно сражаться, отлично работать, хорошо проводить культурно-пропагандистскую работу среди населения. Все бойцы занимаются выращиванием риса и овощей, чтобы пополнить армейский рацион и хоть немного облегчить работу транспорта и службы снабжения ПФЛ.

Я расспрашиваю солдат о наиболее памятных им моментах, о самых тяжелых боях, запечатлевшихся в их памяти. Один из них рассказывает об атаке «хья бинь Америка» 23 декабря 1969 года. Спрашиваю: почему памятен именно этот день, разве после не было таких же?

— Были. Но хотя прошло больше года, этот день не забуду до самой смерти... В то утро небо было чистым, ярко светило солнце. Правда, позже прошел дождь, но он был недолгим и не испортил погоды. Часов около трех дня прилетели две машины Ф-4С. Они провели разведку и сбросили на наши позиции дымовые ракеты. Это был сигнал, предвещающий скорый бой. Действительно: через некоторое время появилось пять самолетов типа Ф-105. Но все наши артиллеристы уже находились на позициях и зорко следили за маневрами воздушных пиратов. Мы отвечали врагу огнем и старались не упустить момент, когда можно будет нанести сокрушительный удар. Вскоре мы сбили одни Ф-4С, но американцы не захотели отступить и продолжали непрерывно атаковать нас еще часа три с лишним. Затем на наших глазах охватило огнем еще одну машину Ф-105. Мы видели, как летчик успел выброситься, как раскрылся его парашют, как резкий ветер стал относить его в сторону... Нет, нам не удалось захватить его — он опустился далеко от нас, в районе, где тогда действовали крупные группировки «коммандос». Зато сама машина свалилась рядом, превратившись в бесформенную грудку металла...

— Откуда преимущественно стартуют американцы, атакующие ваши позиции?

— Из разных пунктов: с авианосцев Седьмого флота, с баз в Южном Вьетнаме, с аэродромов Таиланда...

— А во время того давнего налета вы понесли потери?

— Да. Четверо было ранено, но, пока у них хватало сил, они не хотели покидать поле боя. И лишь потом их, уже ослабевших от потери крови, отвели в ближайший госпиталь.

В беседу вступает еще один солдат:

— Это было семнадцатого марта семидесятого года. Наши вооруженные силы атаковали тогда занятый врагом район Пати. Пытаясь усилить свою оборону, враг бросил против нас значительные группы самолетов. Перед нами была поставлена задача: поддержать свою пехоту, помочь ей штурмовать объект. Мы заняли позиции в районе Н. Примерно с десяти пятнадцати утра и до семнадцати часов дня продолжался жестокий, упорный бой. В нем участвовало девяносто вражеских самолетов. Это были машины типа АД-5, Ф-105 и Ф-4Н... Да, забыл сказать, одновременно большая группа Ф-105 атаковала город Самнеа: враг пытался прежде всего разрушить мост на реке. Однако пираты не щадили и мирного населения — они хотели его запугать, выгнать с насиженных мест. Враг пытался парализовать движение на местных дорогах, чтобы затруднить доставку на фронт оружия, боеприпасов и продовольствия, а с фронта — вывоз раненых... Повторяю: день был солнечный, лишь к вечеру появилось несколько туч, но они не помешали врагу атаковать наши позиции. Самолеты сбросили на Самнеа и на нас много бомб тяжелого типа, до полутонны каждая, а кроме того, шариковые и большое количество зажигательных ракет. Враг маневрировал, пытаясь сбить нас с толку и отвлечь внимание от основных атакующих самолетов, но мы зорко следили и ждали удобного момента, чтобы открыть шквальный огонь всеми батареями. Едва «хья бинь Америка» оказались в зоне нашего огня, мы сразу сбили пять машин. Одна из них, рассыпавшись еще в воздухе на куски, упала всего в пятистах метрах от нашей позиции. Пилот погиб...

Я с уважением смотрю на загорелые крестьянские лица. Руки этих людей привыкли к серпу, с которым они выходили на рисовое поле, или к охотничьему ружью. Но теперь надо уметь обращаться с современным, сложным оружием. Сначала им было очень трудно. И все же они научились! Бойцы быстро и ловко перемещают орудия на

позиции, перетаскивают их по бездорожью и грязи джунглей. Знают, как надо маскировать пушки, как перехитрить врага, чтобы не дать ему сбросить бомбы на орудия. Кстати сказать, переносят они их... на собственных плечах!

Мы уходим, провожаемые давно знакомой мне, очень популярной здесь песней. Сейчас она обрела еще большую актуальность:

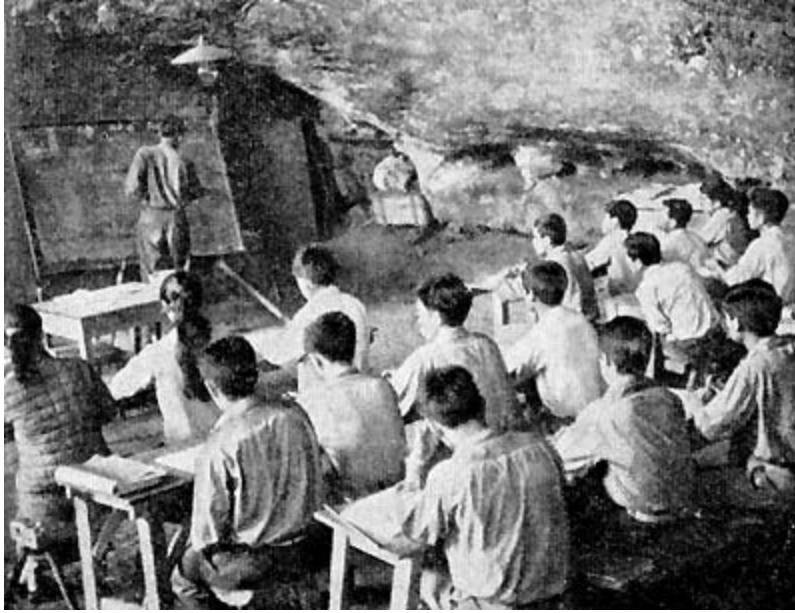
Мы сбиваем американские самолеты,
Будем сбивать их и впредь!
Предупреждаем заморских пилотов:
Лучше б вам дома сидеть!

С трудом переводя дух, карабкаемся по крутому склону, с огромным усилием преодолевая нарастающую слабость. Опять в пути мы подверглись бомбежке, и надо было долго пережидать ее, укрывшись в ближайшем гроте. Теперь ясно, что в Н. мы придем с большим опозданием. Хорошо еще, что нам помогла дождливая погода и вражеские машины улетели. Правда, нам пришлось идти под проливным дождем, по раскисшей тропе.

Ржавые краски обширного болота. Мы бредем по нему, по колению погружаясь в жидкую грязь. Перелезаем через изгороди, которыми окружены небольшие участки земли, — защита огородов от хищных зверей. Наконец до нас доносятся негромкие голоса людей. Среди изломов горного склона прилепилось несколько хорошо замаскированных шалашей. Под скальным навесом закрытая на замок будка: это ларек.

— В такую пору он не работает, — поясняет Самбат.

Мы устали, промокли до нитки, забрызганы грязью. И все равно надо идти дальше, хотя пот струйками течет по спине. Снова камни, обломки скал, карабканье по раскачивающимся бамбуковым лестницам. Не поймешь, что лучше — подниматься в гору или спускаться вниз. Не хочу никому признаваться, но мне становится не по себе, как только подумаю об обратном пути!

*В гротах и пещерах идет напряженная учеба. Занятия молодежи по программе X класса
полной средней школы*

Последний «этаж», еще одно усилие. Бамбуковые ступени пляшут под ногами, словно я иду по каким-то огромным клавишам.

Между мрачными скалами — узкая щель. Это здесь. Мы достигли цели нашего сегодняшнего марша — перед нами школа.

Входим в огромную пещеру. Своды ее слегка напоминают готический храм. Грубые скамейки и столы из бамбука стоят под сталактитами, нависшими над головами учеников. Обширное помещение внутри горы — мрачное, но сухое.

— Раньше мы жили на поверхности, в шалашах, — объясняет молодой учитель Онехау. — Но беспрестанные налеты заставили нас искать лучшее место (он употребил выражение, которое можно перевести как «лучшее укрытие»). Сюда мы перешли еще в шестьдесят восьмом году. Шаль, конечно, что покинули рошу, ведь там и солнце, и воздух, и зелень — детям легче было дышать... Но что поделаешь? Враг несет смерть и не считается с детьми...

В школе тридцать учеников, три учителя. Два класса. Школа «третьей ступени».

— Значит, это последние классы полной средней школы? — переспрашиваю я.

Тусклый свет едва рассеивает темноту вокруг, вырывая из нее несколько молодых лиц, ряд сидящих на скамейке девушек, усталую фигуру учителя. На краю стола лежит стопка ученических тетрадей. Просматриваю учебники: алгебра, тригонометрия, физика...

— А где же остальные ученики?

— Некоторые внизу, где расположены кухня и склад, в котором хранятся наши продукты.

— «Внизу» — это значит там, где начинается тропинка, ведущая в ваш грот?

— Да.

Учитель объясняет, что внизу больше расщелин, где легче замаскировать кухню. Дым от очага здесь опасен: он может быть замечен кружащими в небе самолетами. Тогда — смерть.

— Сколько раз в день вам приходится преодолевать этот путь? — не могу удержаться от вопроса, потому что мои кости все еще болят после карбканья сюда.

Учитель недоумевающе смотрит на меня и пожимает плечами: где ему догадаться, что интересует меня!..

— Столько, сколько нужно. Обычно раз десять...

— Что же ребята делают там, внизу?

— Некоторые работают на наших рисовых полях и огородных участках... В прошлом году мы собрали девятьсот килограммов риса и овощей. Ведь это не так плохо, верно? — На худощавом, измученном лице учителя промелькнула тень радостной и гордой улыбки. — Бомбежки?.. Да, эти места, где мы находимся сейчас, несколько раз подвергались налетам. Последний — всего месяц назад. Но вы сами видите, что наш грот — вполне надежное убежище.

Школа. Тетради, сделанные из тщательно сшитых кусочков бумаги. Книги, которые надо беречь как зеницу ока; они тут общие, как и все в этой удивительной школе. Убогие, примитивные наглядные пособия. Коптилки, для которых не хватает керосина... Ох, сколько вещей необходимо этой школе и другим таким же, функционирующим под бомбами на всей территории свободного Лаоса!

...Долгий и мучительный пеший марш позади. И снова мы прибыли к назначенному месту с опозданием по вине самолетов.

Вчера, когда мы собрались покинуть школу и небо начало проясняться после долгого ливневого дождя, прибежал солдат и принес решительный приказ офицера охраны:

— Оставаться в гроте до вызова. Если будет нужно, то и на всю ночь!

— Почему?

Зря я задала этот вопрос: страшный грохот потряс воздух, и скала, внутри которой мы сидели, казалось, вот-вот расколется пополам... Дорога, по которой мы ехали вчера, была атакована большой группой американских самолетов, и часть ее перестала существовать... Словом, пришлось ночевать в гроте, и лишь в три часа утра мы смогли выехать, подгоняемые офицером: надо торопиться, пока снова не прилетели «хья бинь Америка».

И вот мы на месте. Это педагогическое училище, находящееся под непосредственной опекой ЦК ПФЛ. Здесь готовят учителей. Поначалу выпускали педагогов для начальных школ, а с 1968 года — для средних. Училище выпустило уже 600 преподавателей по различным дисциплинам. Сейчас тут 130 слушателей — представителей различных народностей Лаоса, преимущественно лаотхынг. Да, еще одна деталь: среди студентов 24 девушки и 12 бонз!

Сегодняшняя программа занятий — биология, литература и география. Урок по биологии проходит в большом шалаше. В классе 30 слушателей, среди них две девушки. Преподаватель Бун Ми. Ему 35 лет, но выглядит он значительно моложе. Работает в системе народного образования уже 18 лет. На стене среди бумажных звезд и гирлянд — плакат: «ХОРОШО УЧИТЬСЯ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ХОРОШО УЧИТЬ ДРУГИХ!»

В соседнем классе — занятия по географии, совмещенные с занятиями по сельскому хозяйству. Тема: как удобрять землю, зачем и как надо обеспечивать ее кислородом и водой? Молодой бонза в оранжевом халате (в классе из 24 слушателей 8 бонз) отвечает у доски на вопрос педагога: как обрабатывать землю в соответствии с условиями местности? Серо-зеленая ящерица ползет по пню, на который один из слушателей положил тетрадь.

Перерыв. Привычный школьный гомон, взрывы смеха. Рассматриваю стенгазету под названием «Наш путь». В ней даются

советы, как лучше строить крытые переходы между школьными и жилыми помещениями. Стихи. Рисунки. Призывы.

Переписываю в блокнот учебную программу на неделю. Завтра — вторник, кроме учебы предстоит физическая работа: рубка леса для постройки более прочных землянок. В среду — подведение итогов работы за месяц. В четверг — собрание актива, критика и самокритика. В воскресенье — общее собрание в связи с выбором нового руководителя молодежной организации.

Развлечения?!.. Училище имеет собственный ансамбль песни и танца, который ежемесячно устраивает концерты. Раз в два или три месяца — праздник: приезжает кинопередвижка. Последний фильм был вьетнамский: «Молодая девушка Таи». До этого показывали советский фильм о Ленине.

Третья группа слушателей. Занятия по отечественной литературе. Класс находится в пещере, которую называли «Тхам кхуай», то есть «грот буйвола». Под каменным сводом тянутся электропровода. Слышу то гул самолетов, то отзвуки разрывов бомб, то стрекотание цикад, то голос преподавателя. Тема лекции: разбор и анализ поэмы «Син Ксай» — одного из классических произведений лаосской литературы. Слежу за ходом занятий, внимательно слушаю шепот Самбата, переводящего мне каждое слово. И думаю о том, что всех нас окружает действительность, по сути дела более суровая, драматичная и волнующая, чем описываемая во многих поэмах и легендах...

К нам подходит директор училища (он преподает литературу) и приветствует нас на хорошем французском языке. Оказывается, он учился в полной средней школе Вьентьяна, где и сдал экзамен на аттестат зрелости. Спрашивает: что слышно о родном городе?

— ...Какие у нас трудности? — повторяет мой вопрос директор училища. — Их можно перечислять очень долго. Прежде всего отсутствие научной помощи. Нехватка учебников и педагогических пособий на родном языке. Долго не могли скоординировать физический труд с учебой. Теперь мы не только выращиваем рис, овощи и кукурузу, снимая урожаи, которые позволяют нам два месяца в году отказываться от помощи Фронта, по и создали кузницу для выделки и ремонта простейших сельскохозяйственных орудий: мотыг, лопат, ножей. Мы участвуем в кампании по ликвидации неграмотности

в окрестных селениях. Бонзы, которых вы видели в училище, освобождены от тяжелой физической работы.

Прошу директора рассказать что-нибудь о себе. Поначалу он хмурится, пытается возражать, потом сдается.

— Ну, что вам сказать? Родился я в бедной крестьянской семье, мне тридцать лет. Читать и писать научился, когда мне было пятнадцать лет. Родители хотели, чтобы я стал бонзой, но я, как видите, избрал другой путь. В освободительном движении участвую с пятьдесят третьего года... Да, да, это не ошибка! — подтверждает он, видя мое удивление. — В годы войны против французских колонизаторов я был связным в отряде сил Освобождения... Что я считаю своим любимым делом? Литературу. Видите ли, одна половина учителей нашего училища преподает точные науки, другая — гуманитарные. Я принадлежу ко второй. Мои любимые писатели — Гомер и Горький. Меня очень интересует история Греции — древней и современной. Почему? Я ищу сравнения между событиями, описанными Гомером, и нашей освободительной борьбой... Как, вы были в Греции?! Правда? О, это, должно быть, очень интересно! А у вас в Польше читают Гомера?

...Просматриваю любезно предоставленную мне директором училища тетрадь одного из слушателей. Записи по истории. Среди непонятных мне букв лаосского алфавита вижу знакомые даты: 1889–1914. Догадываюсь — II Интернационал. Еще одна дата — 1905 год: революция в России.

В ожидании представителей службы просвещения ЦК ПФЛ я записываю в блокнот официальные данные о развитии народного образования в освобожденных зонах:

«Общая численность учеников в 1970 году увеличилась на 70 % по сравнению с 1969 годом. Учебный 1969/70 год закончили 69 000 учеников школ различных ступеней. Кроме начальных и подготовительных классов в освобожденных зонах действуют 20 начальных школ высшей ступени и 2 полные средние. При режиме колониальных французских властей на весь Лаос была только одна начальная школа высшей ступени. Общее же число учеников во всех школах страны не превышало 11 000 человек.

Американские бомбардировщики разрушили 1900 школьных помещений, убили и ранили тысячи школьников и учителей. Несмотря

на войну, народное просвещение развивается. В 1969 году возникло много новых школ: план строительства их был перевыполнен на 10 %.

В 1967 году неграмотность была ликвидирована в 8 деревнях, в 1969 году — в 650 деревнях, в 1970 году — почти во всех селениях освобожденных зон. Во всяком случае, в провинциях Сиенгкуанг и Самиеа учится одна треть населения...

Во всех провинциях на территории освобожденных зон созданы училища, где готовят преподавателей. В общей сложности таких училищ насчитывается около 60, и занимается в них почти 4000 слушателей (для сравнения: в 1966–1967 годах таких училищ было всего 7 и обучалось там 200 человек). Подготавливается открытие еще 6 педучилищ; они будут размещены в районах, заселенных этническими меньшинствами. Кроме того, созданы курсы и школы по подготовке работников здравоохранения, лесоводства, сельского водохозяйства, почты и связи.

Обучение проводится на родном языке. В районах же, оккупированных американцами, и в самом Вьентьяне преподавание ведется на французском и даже на английском языках. Многие этнические группы в освобожденных зонах получили благодаря усилиям Фронта свой собственный алфавит».

Округлое, загорелое под тропическим солнцем, добродушное лицо, умная, немножко ироническая улыбка. Типичная здесь фигура учителя и солдата. Неплохой французский язык. Самбат может отдохнуть — теперь я обойдусь без переводчика. С трудом, проверяя несколько раз, записываю сложное имя моего собеседника: Фунгмалей Утама Чунрамай. Он — директор департамента просвещения при ЦК Патриотического фронта Лаоса.

Мы беседуем в шалаше, ничем не отличающемся от сотен других: крыша укреплена между скальными изломами, бамбуковая «мебель», старенький телефон. Молодой боец Патет Лао сидит возле аппарата и монотонно повторяет:

— Алло!.. Алло!.. Алло!

В чашечках — горячий жасминовый чай. Цикады заливаются вокруг, словно сошли с ума. В небе гудят самолеты, а из рощи доносится пение птиц. Жара такая гнетущая, словно вот-вот разразится гроза. Утама смотрит на мои записи и усмехается.

— Стало быть, вы уже успели обзавестись данными о развитии школьного дела? Этого вам достаточно, не так ли? Или, наоборот, мало?

Я подтверждаю: мало. Я хотела бы узнать о роли просвещения в освободительной борьбе народа. Утама кивает головой.

— Понятно. Вполне разделяю вашу мысль. Так вот, каждая наша школа, где бы она ни находилась и в каких бы условиях ни действовала, выполняет большую политическую, культурную и пропагандистскую задачу. Очень важна роль учителей в борьбе с невежеством, предрассудками и мракобесием. Они активно участвуют в распространении просвещения, в укреплении уз солидарности между этническими группами и племенами, населяющими освобожденные зоны. Развивая нашу деятельность в области народного образования, мы завоевываем симпатии не только простых людей, но и представителей интеллигенции с «той стороны баррикады». Сейчас более шестидесяти процентов населения в возрасте пятнадцати — тридцати лет уже умеют читать и писать.

Многие представители старшего поколения тоже учатся. Но все же главная наша задача — это обучение молодежи.

— А ваши кадры?

— Мы стремимся к тому, чтобы каждый кадровый работник в течение года повышал свои знания на один класс по сравнению с минувшим годом.

— Имеется утвержденный план работы вашего департамента?

— Разумеется. Этим планом охвачено около пятисот уездов в освобожденных зонах. Мы поставили себе такую задачу: в семидесятом году в каждом из уездов должна быть хотя бы одна деревня, где все без исключения умеют читать и писать.

— И что же? Выполнили?

— Конечно! В семидесятом году было пятьсот пятьдесят таких селений. Мы перевыполнили свой план! Кстати сказать, двенадцать из селений, полностью ликвидировавших неграмотность, — это селения народности мео. Восемь деревень — лаотхынгов. Сопоставьте цифры: к концу шестьдесят седьмого года, то есть перед составлением плана, было всего восемь «грамотных» деревень, а теперь их уже около шестисот.

— Как обстоит дело с преподавательскими кадрами?

— Мы придаем очень важное значение подготовке учителей: это одна из первоочередных задач ПФЛ. Я уже говорил вам, что любой кадровый работник обязан повышать свои знания. Если же не хватает преподавателей, то более подготовленные подтягивают отстающих. При этом в каждой провинции есть школа по повышению уровня знаний кадровых работников, а каждый уезд и каждое отделение ПФЛ на местах создают вечерние общеобразовательные курсы. Не сердитесь — я хочу снова привести некоторые цифры, ибо они убеждают лучше всяких слов: в шестьдесят седьмом году все курсы подготовки и усовершенствования кадров посещало триста тридцать человек, а в семидесятом году только в отделах ЦК ПФЛ — не считая всяких других школ и курсов — училось тысяча четыреста человек! И ведь люди учатся в сложнейших условиях, несмотря на бомбардировки и бои с врагом, который стремится уничтожить все, что мы создали и продолжаем создавать.

Пауза. Опять нарастающая «музыка» цикад, которые звенят, скрипят и стрекочут, будто ошалелые. Вверху злобно воют самолеты,

как бы подтверждая сказанное Утамой. Вот они где-то сбросили свой смертельный груз: под ногами дрогнула земля. Начальник охраны заглядывает в шалаш с явным намерением «выселить» нас в убежище. Но Утама протестующе машет рукой и продолжает свой рассказ:

— В каждой провинции на территории, контролируемой нами, действует по крайней мере одна школа по подготовке кадровых работников из национальных меньшинств и этнических групп. В отдельных провинциях таких школ несколько... Вы уже записали, что в наших школах всех трех ступеней учится свыше семидесяти тысяч человек? К тому времени, когда вы опубликуете эти данные, цифры станут еще выше. Каждой сельской общине нужно пять учителей. В семнадцати наших провинциях двадцать одна средняя школа, кроме того, есть педучилище. При любой полной средней школе функционируют шестимесячные курсы повышения знаний кадровых работников провинции. Но и это не все: каждая наша школа — это центр политического воспитания молодежи, а также форпост общественной деятельности, организации взаимопомощи населения. Школа помогает работе молодежных, спортивных и других организаций...

— Пожалуйста, еще несколько слов о народностях...

— Хорошо. Видите ли, обучение этнических меньшинств — дело нелегкое. Учтите, к примеру, что группа лаотхынгов делится на тридцать племен, которые говорят на разных диалектах. И еще одно немаловажное обстоятельство: хотя мы и разработали для лаотхынгов хороший алфавит, однако им пока научились пользоваться всего два племени... Второй алфавит мы создали для мео.

— А как с книгами?

— Мы сами готовим учебники на лаосском языке для наших школ, как средних, так и начальных. Скоро должен выйти словарь иностранных терминов. Сам принц интересовался этим изданием.

Утама Чунрамай заканчивает беседу и выжидательно смотрит на меня. Я хочу знать кое-что и о нем самом, но, как всегда, встречаю недовольство и смущение. После долгих препирательств Утама наконец сдает позиции:

— Ладно, пишите... Родом я из Вьентьяна. Аттестат зрелости получил в школе, где преподавание велось на французском языке... Что? О нет! В школу я попал без особых трудностей: мои родители

могли себе позволить такие расходы. Потом я работал учителем в начальной школе и немного переводчиком. Лично у меня отношения с французами были неплохие: они не обижали ни меня, ни моих близких... А, вы хотите знать, что привело меня в освободительное движение? Ну, все началось еще в школе. Там я понял, что власти пренебрежительно относятся к нашей истории, нашему родному языку... По прошествии времени я вступил в молодежную патриотическую организацию во Вьентьяне. Благодаря этому я получил возможность установить более тесные контакты с людьми, придерживающимися таких же взглядов, — чиновниками, учащимися, солдатами. Я хорошо помню, как ретировались французы и их место заняли японские милитаристы, которым, в свою очередь, пришлось уйти в результате поражения во второй мировой войне. Не забыл и того, как двенадцатого октября была провозглашена независимость Лаоса. Но наша свобода была недолгой: уже в сорок шестом году французы вернулись и возобновилась война. Мне и многим другим патриотам на первое время пришлось уйти в Таиланд, где тогда было лояльное к нам правительство. С того берега Меконга я с грустью смотрел на свой родной город — такой близкий и такой недоступный. В нем оставались моя жена и маленькая дочурка... Потом наступил период новой деятельности патриотов, которые постепенно сосредоточивали силы для борьбы, — это был Нео Лао Итсала. Мы вернулись на родную землю, присоединились к своим единомышленникам. В глухих джунглях возникали первые очаги нового Движения сопротивления. Меня направили на пропагандистскую работу. Я участвовал в деятельности групп, которые вели тогда агитацию среди крестьян. Мы шли к крестьянам с песнями и стихами. Учили детей петь и танцевать, если позволяли условия. Взрослых учили читать и писать, рассказывали им об основах гигиены, помогали работать в поле, ухаживали за больными и таким образом постепенно завоевывали доверие и уважение крестьян...

— Что представляли собой эти группы?

— Ну, прежде всего в таких пропагандистских бригадах устанавливались военный порядок и строжайшая дисциплина. Нам запрещалось употреблять алкоголь — даже если нас угощали сами крестьяне. Эта дисциплина и высокая сознательность, строгие требования, которые мы предъявляли к самим себе, способствовали

завоеванию симпатии со стороны населения. Во многих местностях нам удалось создать зародыши будущих патриотических организаций. Наши группы охватили тогда своей деятельностью шесть провинций Северного Лаоса...

— А чем именно занимались вы сами?

— Я писал песенки — некоторые из них дожили до наших дней, например «Цветы Чампа» или «Укрепим мир». Кроме того, я руководил тогда деятельностью нашего «Общества музыкантов», председателем которого был Фуми Вонгвитит... Так вот, с принципами и основами марксизма-ленинизма я впервые познакомился в сорок девятом году. Сначала читал труды Ленина на французском, потом на вьетнамском языке. Разумеется, больше всего меня интересовало то, что Ленин писал об освобождении народов от колонизаторов и империалистов... Некоторое время я входил в состав местной власти в провинции Фонгсали, но продолжал работать и в армии. Главной же своей задачей я по-прежнему считаю работу на ниве просвещения. И этой работой доволен больше, чем какой-либо другой...

— А личная жизнь? — отваживаюсь я задать вопрос, которого здесь не любят. — Вы ведь вспоминали о жене, о дочке...

Утама не торопится с ответом. Я тоже молчу. За порогом шалаша назойливо стрекочет сверчок. Потрескивают дрова в очаге. Утама говорит не очень внятно, как бы беседуя с самим собой:

— ...Да, была жена, была дочурка. И обе живы... Но дома у меня, собственно говоря, нет с сорок пятого года... С того дня, когда я был вынужден покинуть Вьентьян. Дочку я могу повидать, хоть и не часто... Она врач и работает в госпитале... В сорок пятом году, уходя из Вьентьяна, я простился с семьей. В шестидесятом году, когда дочь была направлена в освобожденные зоны, я встретил ее уже взрослой девушкой. Жила она вместе со мной до шестидесят третьего года, потом я вновь расстался с нею: она уехала на учебу в страну Ленина. Откровенно говоря, я надеялся, что она изберет профессию отца и станет учительницей... Увы, она выбрала медицину. Но это тоже большое счастье — работать в той области, которую ты полюбил, и суметь закончить учебу в отличных условиях. Жена?.. Хмм, что же сказать? Она не захотела пойти со мной, разделить мою судьбу. Предпочла остаться во Вьентьяне и вскоре вышла замуж за другого...

Мне уже пятьдесят три года, я по-прежнему веду бродячую жизнь, как и многие из нас... А всему виной эта проклятая война!

Скупые, суровые слова. За ними — человеческие судьбы. Чунрамай собирается уходить: я разбередила его незаживающую рану. Он прощается со мной, крепко жмет руку и уходит быстрым, пружинистым, легким шагом человека, привыкшего ходить по тропам диких джунглей. Вокруг звенит, поет и шумит лес. А у меня в ушах все еще звучат горькие слова Утамы... «А всему виной эта проклятая война!»

Сумасшедший марш, а точнее — своеобразное восхождение. Крутизна обрывистого склона. Поперек тропы положены почти неотесанные стволы и жерди. Головоломное путешествие!.. Над горами воют самолеты. Товарищи охотно подогнали бы меня, чтобы ускорить наше восхождение, но это рискованно. Еще неизвестно, что опаснее: воздушное нападение или балансирование на узкой тропе, справа от которой — бездонная пропасть. Отираю со лба обильный пот и с облегчением чувствую под ногами ровный скалистый грунт. Уже слышен мерный рокот работающих машин.

«Текстильная фабрика». Это название, когда я была тут в прошлый раз, звучало слишком пышно и как бы «на вырост». То был только зародыш, начало этой фабрики — несколько старых машин, приводимых в движение «ножной» и «ручной» энергией. Сейчас утроилось количество рабочих: их стало более трехсот, преимущественно женщин, как и везде на таких предприятиях... Подземные помещения и коридоры шагнули далеко в глубь гор. Для людей и машин стало значительно больше места, чем раньше. К счастью, гроты теперь абсолютно сухие, шум текущей воды больше не надоедает людям, не мучает их, сырость не портит ни машин, ни сырья... Вторая неожиданность — электричество! Прежде его не было. Работают две мощные динамо-машины: одна из Советского Союза, вторая — польская, из Кракова. Сырье также поступает из-за границы. Рабочие кадры — местные жители. Большинство — молодежь. Средний возраст рабочих — 20 лет.

Мелькают нити, наматываемые на шпули. Прядильный и ткацкий цехи работают с полной нагрузкой. За 1970 год выпущено около 100 тысяч метров разных тканей, прежде всего поплина, крайне необходимого для армии: из него шьют форму бойцам Патет Лао. Нужен он и населению.

При фабрике создан трикотажный цех, есть белошвейная мастерская. Еще одна приятная новость: фабрика организовала выпуск специальной ткани «фроттэ». Полотенца из этой ткани, привязанные к поясу, составляют в Лаосе и Вьетнаме обязательный предмет

экипировки каждого солдата и кадрового работника. На фабрике теперь работает 40 учеников. После выпуска они разъедутся по всем провинциям освобожденных зон.

Любопытно, что в 1967 году тут была только одна медсестра. Теперь их три и есть даже врач. И еще один сюрприз: молодой врач Сихо Баннавонг приветствует меня на...хорошем польском языке! Оказывается, он закончил медицинский институт в Варшаве, несколько лет жил в студенческом городке на Елонках. Очень просит, чтобы я передала привет его польским друзьям. Сихо Баннавонг говорит, что не видел Вьентьяна с 1959 года:

— Наша семья состояла из восьми человек. Родился я в деревне недалеко от Вьентьяна. Мой отец — крестьянин, давно уже принимавший участие в революционном движении. Был арестован в шестидесятом году, и с того времени никаких вестей о нем нет. Мать вместе со мной ушла в освобожденные зоны. Теперь часть семьи здесь, а часть — там, за линией фронта.

Жена Сихо Баннавонга работает в посольстве Лаоса в Ханое. Двое детей: девятимесячная дочурка и 10-летний сын. Девочка находится у матери, а сын — в «лесной школе», в нескольких десятках километров от фабрики. С женой и детьми врач Баннавонг видится очень редко.

Доктор рассказывает мне о лечении больных, о профилактических мероприятиях, о защитных прививках, о пропаганде в области санитарии и гигиены...

— Когда мои друзья в Польше спросили меня, вернусь ли я во Вьентьян, я твердо ответил им: нет! Теперь мое место в освобожденных зонах, где продолжается борьба.

Баннавонг привык к жизни в трудных военных условиях. Научился работать, несмотря на нехватку медикаментов, с ржавеющими от сырости инструментами. Он научился побеждать болезни, совершенно неизвестные в Европе, — даже в институте ему ничего не могли сказать о них.

Воздушный налет застал нас врасплох, когда мы находились на середине «лестничной» тропы... Надо сохранить присутствие духа, чтобы не поддаться страху и не наделать глупостей. Офицер охраны приказывает: спокойно спускаться вниз, не обращать внимания на самолеты и на трещащие под ногами «ступени», по возможности скорее идти к спасительному гроту... Я уже перестала считать

машины и ставить торопливые черточки на палке — чересчур много разрывов раздается вблизи. Опасность слишком очевидна, чтобы придавать ей какое-то особое значение... Обойдется!

Поля, огороженные бамбуковыми жердями. Сделано это для защиты от лесного зверья, любящего полакомиться бататами и молодыми побегами риса. Несколько раз перелезаем через изгороди. Цель нашего сегодняшнего похода — кузница. С того времени, как я была здесь, изменилось многое. Разумеется, к лучшему. Сейчас эту кузницу можно смело назвать механической мастерской. Делают здесь кайла, мотыги, сохи, молотки, котлы, посуду. Средний возраст работающих — 22 года. Самую тяжелую бомбардировку кузница пережила еще три с половиной года назад — в 1967-м. Но «хья бинь Америка» часто появляются тут и по сей день: бомбят, обстреливают из пулеметов...

Машины. Среди них вижу наши польские «перуны», выпускаемые заводом сварочных машин «Варшава». Подземные цехи, склады сырья, готовая продукция — все как полагается. Но меня прежде всего интересуют люди, в основном те, за плечами которых четверть века труда, войны и освободительной борьбы. Люди окружают меня тесным кругом, когда начинается общее собрание, созванное в одном из самых больших гротов. Кажется, это последнее собрание на моем пути...

Крестьянские лица, дружеские улыбки. Крепкие руки, одинаково ловко владеющие молотом и винтовкой. Сегодняшние рабочие, вчерашние крестьяне и солдаты (впрочем, разве они не остались солдатами?) вспоминают свое прошлое. Они говорят о нем простыми, суровыми словами, часто немного нескладно, но искренне и без рисовки.

В ходе этой беседы с рабочими я часто слышу знакомое слово «садет» — принц. Товарищ Мана, директор мастерской, спрашивает меня: видела ли я принца? Вместо ответа я вынимаю из целлофана фото Суфанувонга с его дарственной надписью. Все жадно тянутся к снимку. Из разговоров мне становится ясно, что «садет» для этих людей — очень знакомый, близкий человек. Мана говорит о нем без фамильярности, но с оттенком некоторой сентиментальности. Это

меня интригует, я исподволь расспрашиваю директора. И вот что он мне рассказал:

— Я участвую в революционном движении уже двадцать пять лет, так же как и большинство тут присутствующих. Трижды я подвергался аресту, сидел в тюрьмах. Сначала, в сорок пятом, в Чампассаке, а через два года в Бангкоке — уже у тайландцев. В пятьдесят восьмом году арестовали «свои» — то есть вьетнянцы, которые были хуже чужих. В третий раз меня заперли в одиночку во Вьетьяне. Через два месяца там же оказался и принц Суфанувонг, а вместе с ним и другие руководители патриотического движения. Всем нам грозила смерть. Казалось, что опа просто неизбежна...

— Эта история мне знакома! — вмешиваюсь я.

— Да?.. Ну, принц, полковник Сингкапо, известный вам Сисана Сисан, — все хотели быть с нами, арестованными раньше их. В конце концов мы добились этого. Тюремщики сказали: «Все равно этим чертям один конец, пусть попоют сообща, интереснее будет!» А нам только того и надо было: в коллективе всегда легче и можно что-нибудь придумать... Особенно, когда с нами были такие люди, как принц и его соратники — образованные, умные, дальновидные. Ну, и мы, конечно, пригодились: ведь недаром у нас был немалый опыт борьбы... Полковник Сингкапо умел разговаривать с людьми, ох, и умел! — с восхищением подчеркивает мой собеседник. — Не зря он столько лет был учителем. Ну а наш принц мудр, очень мудр — умеет найти дорогу к сердцу человека... Словом, нам удалось бежать. А надо вам сказать, что к этому времени принц с товарищами просидели в тюрьме около десяти месяцев, а я — два года... Что было потом? Вы же знаете, как нас встретило население — общий, неопиcуемый восторг! А через несколько дней Сисана Сисан по радиостанции Патет Лао объявил народу, что принц и все руководители Патриотического фронта благополучно вырвались из лап врага, что они живы и находятся в освобожденных зонах, а также что принц вновь стал во главе всенародной борьбы...

Я записываю рассказ Маны, а сама думаю о том, что с того памятного дня прошло уже более 12 лет, но Лаос так и не познал мира: год 1971-й принес лаосскому народу еще более жестокую интервенцию Соединенных Штатов... Когда же конец? Очнется ли,

спохватится ли «средний американец», поймет ли, в какую пропасть его завели?!

— Дорогая Моника! — говорит на прощание Мана. — Мы надеемся, что ты объективно расскажешь в Европе о нашей жизни и борьбе, о героизме наших людей и зверствах американских империалистов... Мы надеемся, что ты снова приедешь к нам, если и на этот раз не устрашили тебя «хыа бинь Америка». Ждем тебя!

Мне жаль расставаться с лаосскими друзьями, которые так сердечно принимали меня, делились со мной своими радостями и заботами, мечтами о будущем и тревогами нынешнего дня... Они остаются в кругу опасностей и таящейся на каждом шагу смерти. Увижу ли я их снова?.. Кто знает! Но я жажду новой встречи и буду всеми силами стараться приехать сюда еще раз...

А пока я должна тщательно упаковать все, что мне удалось собрать, — фото, записи, пленки, различные предметы, вещественные доказательства. Надо спешить: европейские читатели ждут правдивых сообщений о положении в Лаосе. Я обязана рассказать о войне, которая уже перестала быть «неведомым фронтом». О ней нужно говорить во весь голос, чтобы разоблачить жестокость и геноцид американской империалистической политики в Юго-Восточной Азии. Надо рассказать правду о небывалом героизме, стойкости и мужестве лаосского народа.

Эпилог

В 1971 году слово «Лаос» стало появляться в сообщениях печати и радио значительно чаще, чем в 1970-м. Явная и наглая, без всякого камуфляжа интервенция США ныне стала фактом. А факты — вещь упрямая. Королевство миллиона слонов — это уже третий наряду с Вьетнамом и Камбоджей фронт «грязной войны», которую Соединенные Штаты развязали на Индокитайском полуострове.

Но реальным фактом стала также и консолидация народов Индокитая, объединившихся перед лицом общего врага. Важным этапом этой консолидации явилась индокитайская конференция на высшем уровне, состоявшаяся 24–25 апреля 1970 года. Я хотела бы напомнить, что до этой конференции американцы уже создали военный союз: некую «ось» Вьентьян — Бангкок — Сайгон. Кроме того, они предприняли прямое вторжение в Камбоджу, но просчитались! После известного переворота, подготовленного реакционными кругами страны и осуществленного кликой Лон Нола — Сирик Матака, патриотические силы Камбоджи взяли за оружие. Во главе освободительного движения стал принц Нородом Сианук. Возник Объединенный национальный фронт Камбоджи, который поставил перед собой задачу: вернуть стране свободу и независимость, изгнать из нее интервентов — американских и южновьетнамских.

Таким образом, единство народов Индокитая в борьбе против общего врага стало непреложным фактом. Эта истина была подтверждена всеми событиями минувшего года. Больше того: она подтверждается каждым днем упорной и героической борьбы народов Вьетнама, Лаоса, Камбоджи.

Как известно, еще осенью 1969 года разгорелись жаркие бои за знаменитую Долину Кувшинов, которая до этого шесть лет находилась в руках сил Патет Лао. Войскам вьентьянского режима — в основном в результате «щедрой» поддержки американскими танками, самолетами, тяжелыми орудиями, напалмом и «специальными силами» — удалось тогда вытеснить отряды Патет Лао из Долины Кувшинов. Однако это была Пиррова победа: интервентам пришлось удирать из Долины

Кувшинов и летом 1970 года она снова была занята патриотическими силами. Правда, бои были тяжелые: нередко случалось, что на территорию площадью всего в 30 квадратных километров ежедневно обрушивалось до трех тысяч бомб!

Незадолго до этих событий состоялась моя поездка по освобожденным зонам. Я до сих пор отлично помню, с каким напряженным вниманием слушали мы сообщения радио Каосан Патет Лао. Мы испытывали огромную радость, когда в транзисторах звучали названия городов и селений, в которые вступали отряды Патет Лао: Саравап, Аттопе... Помню также строгие предупреждения руководителей ПФЛ: не забывайте о том, что хотя наши успехи и бесспорны, но война продолжается и может наступить момент, когда враг бросит в бой новые, более многочисленные силы!

Это произошло весной 1971 года. То была пресловутая американская операция «Ламшон», подготовленная тщательно и скрытно, но и она не ошеломила патриотов.

После «эры Джонсона» наступила «эра Никсона»... «Он не остановится перед расширением эскалации войны» — эти слова я слышала в конце 1970 года не только из уст премьера ДРВ товарища Фам Ван Донга, но и от «красного принца» Суфанувонга. Никто не строил иллюзий, никто не верил, что будет иначе: такова диалектика.

12 октября 1970 года Патриотический фронт Лаоса отмечал свое 25-летие. Все понимали тогда, что дальнейшая борьба за свободу и независимость страны будет еще долгой и тяжелой. Многие из моих лаосских друзей вспоминали в тот день, что 6 марта 1970 года Никсон выступил в Белом доме с речью, в которой пытался обосновать и оправдать развитие Соединенными Штатами новой фазы «специальной войны» в Лаосе. Как это ни парадоксально, как ни лицемерно и подло, «предлог» нашелся. В 1970 и 1971 годах американская пропаганда вопила на весь мир, что новые военные действия в Лаосе — это всего лишь «поиски сбитых американских летчиков» и «оказание им помощи в спасении от смерти»! Какой цинизм и какая наглость, какое неуважение к мировому общественному мнению! Неужто Вашингтон считает всех слепцами и глупцами, не видящими и не понимающими, что происходит на самом деле?!

«Предлог» был для США чрезвычайно удобным: под ширмой гуманных фраз скрывалась и оправдывалась каждая акция саботажа, диверсии, каждая бомбардировка. Кроме того, Никсон принял решение (впрочем, давно уже не новое, ибо в прошлом его использовали французские колонизаторы) натравить лаосцев против лаосцев. По сути дела, речь шла о модернизации вашингтонской концепции «вьетнамизации», с помощью которой США пытаются удержать у власти сайгонский режим. Старый, шулерский прием! Вряд ли он может принести Вашингтону желанный успех...

В последней беседе со мной принц Суфанувонг подчеркнул, что необходимо бороться с оружием в руках и одновременно проводить мероприятия политического и дипломатического характера. Его слова не разошлись с делом: во Вьентьян был направлен специальный посланник ЦК ПФЛ Соук Вонгсак. Перед ним была поставлена задача: попытаться подготовить мирные переговоры между принцем Суфанувонгом и его братом, принцем Суванна Фумой, премьером вьентьянского правительства. Но встреча двух братьев не состоялась: в результате вмешательства американцев миссия посланца ПФЛ на этот раз закончилась неудачей.

Однако Центральный Комитет ПФЛ терпеливо и последовательно вел свою линию мирного урегулирования лаосского конфликта. Наблюдая за его действиями, я не раз вспоминала слова принца Суфанувонга, которые он высказал во время одной из бесед в конце 1970 года: «Если вьентьянская сторона искренне стремится решить лаосскую проблему мирным путем — путем объективных переговоров, мы готовы к ним в любой момент. Если она не желает этого, мы будем сражаться. Мир должен быть справедливым и оправданным».

Важные события, о которых так прозорливо говорили руководители ПФЛ и правительства ДРВ, произошли в начале 1971 года. Насколько мне известно, уже к концу января на лаосской границе в состоянии полной боевой готовности находилось 50 батальонов американских и сайгонских марионеточных войск. «Ястребы» из США хотели тогда любой ценой достичь военного успеха и окончательно подавить освободительное движение Лаоса. Они бросили в бой отборные воинские части, сотни парашютистов, огромные силы авиации, множество танков, амфибий и бронетранспортеров.

Я хотела бы привести некоторые данные, относящиеся всего лишь к трем неделям февраля 1971 года, то есть к началу новой эскалации индокитайской войны США: патриотами сбито и повреждено 270 самолетов и вертолетов, уничтожено более 200 машин (около половины из них — танки и бронетранспортеры), выведено из строя более 5 тысяч вражеских солдат и офицеров!

Американская пресса после первых триумфальных сообщений о ходе операции «Ламшон» довольно быстро снизила тон. Фото сайгонских и американских вояк, в панике цепляющихся за вертолеты, чтобы поскорее удрать с поля боя и спасти собственную шкуру, обошли печать всего мира. Даже в журнале «Тайм» был опубликован рисунок с изображением генерала Абрамса, командующего американскими войсками в Южном Вьетнаме, с такой подписью: «Брести как можно глубже, чтобы выйти как можно скорее...»

Да, товарищ Фам Ван Донг и принц Суфанувонг оказались правы: Никсон расширил войну в Индокитае. Но даже если у американцев будут временные успехи, главной цели они никогда не достигнут: народы Вьетнама, Лаоса и Камбоджи не поставят на колени! Провалились все планы так называемой классической войны, не выдерживают критики и жалкие потуги расколоть местное население изнутри, терпят фиаско попытки задушить волю лаосского народа к сопротивлению и борьбе путем террора, саботажа и диверсий.

Жизнь и борьба патриотов Лаоса — это и есть та справедливая война, о которой писал великий Ленин. Я полагаю, патриоты вскоре добавят к моей книге новые победные страницы.

— Как долго еще будет продолжаться эта война? — настойчиво спрашивают меня европейские читатели.

— Как долго еще будет продолжаться эта война? — спрашивала я у моих лаосских друзей.

— До тех пор пока последний солдат агрессора не уйдет с нашей земли! — такой решительный ответ дали мне принц Суфанувонг, бывший полковник, а ныне генерал Сингкапо, деятель ПФЛ Сисана Сисан и другие члены ЦК ПФЛ, солдаты и крестьяне, рабочие и учителя, живущие в суровых условиях в гротах, пещерах и джунглях.

Я хотела бы и впредь служить народу Лаоса своим пером. Всем сердцем я с ним в его справедливой борьбе. С ним — до той

счастливой минуты, когда последний разбойник и захватчик покинет лаосскую землю.

А тогда я поеду на всенародный Праздник победы в свободный, нейтральный, демократический, независимый Лаос — в его вольную столицу Вьентьян!

Лаос, 1970–1971 гг.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Моника Варненска

БАМБУК ШУМИТ НОЧЬЮ

Путевой дневник писателя

Авторизованный перевод с польского Я. О. Немчинского

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

MONIKA WARNENSKA
BAMBUSY SZUMIĄ NOCĄ
Wydawnictwo Ministerstwa obrony narodowej
Warszawa 1970

Ответственный редактор Н. А. СИМОНИЯ

Варненска М.

В18 Бамбук шумит ночью. Путевой дневник писателя. Пер. с польск., М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1972.

256 с. с илл. («Путешествия по странам Востока»).

Очередная книга М. Варненской, известной польской писательницы и общественной деятельницы, — результат нескольких поездок по Лаосу в 1969 и 1970 годах. Как очевидец событий, автор правдиво и объективно рассказывает нам о беспредельном мужестве бойцов Патет Лао и всего трудового народа Лаоса в их борьбе против неспровоцированной агрессии Соединенных Штатов и служащей им лаосской реакции.

1-11-4

88-71

З2И

Моника Варненска

БАМБУК ШУМИТ НОЧЬЮ *Путевой дневник писателя*

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Н. Н. Водинская*

Художник *А. Т. Яковлев*

Художественный редактор *Э. Л. Эрман*

Технический редактор *З. С. Теплякова*

Корректор *К. Н. Драгунова*

Сдано в набор 20/IX 1971 г. Подписано к печати 16/II 1972 г.
Формат 84x108^{1/32}. Бумага № 1.

Печ. л. 8. Усл. печ. л. 13,44.

Уч. — изд. л. 13,37. Тираж 15 000 экз. Изд № 2913. Заказ № 800.

Цена 72 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянской пер., 2

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».

Москва, Краснопролетарская, 16.

notes

Примечания

Богдан Мошкевич, корреспондент ПАП (Польского агентства печати), спутник М. Варненской по поездке в Лаос. — *Я. Н.*

Партия трудящихся Вьетнама. — *Я. П.*

Имеется в виду провозглашение Демократической Республики
Вьетнам 2. IX. 1945 г. — *Я. Н.*

Хинаянская ветвь буддизма распространилась на Цейлоне, в Камбодже, Таиланде, Лаосе и Бирме. Другая ветвь — махаяна (Большая колесница) — в Китае, Монголии и Корее. — *Прим. ред.*

«Центральное управление службы здравоохранения Патриотического фронта Нео Лао Хаксат обратилось ко всем прогрессивным организациям здравоохранения и ко всем миролюбивым народам с призывом осудить систематические бомбежки самолетами Соединенных Штатов больниц и госпиталей в Лаосе. Призыв агентства Каосан Патет Лао был опубликован в связи с налетами американской авиации на больницу в провинции Самнеа» (из сообщения Польского агентства печати, январь 1969 года).

6

Фред Бренфман в течение четырех лет работал в Лаосе советником организации IVS — International Volunteer Service. Зарегистрированные им показания вошли в его брошюру «They Survived — Sample Case Histories of Victims of American Bombs in Laos».